

Книга

прекрасных
О дамах
и благородных
рыцарях

КАК ЖИЛИ ЖЕНЩИНЫ РАЗНЫХ ЭПОХ

Annotation

"Книга о прекрасных дамах и благородных рыцарях" является первой из серии книг о жизни женщин, принадлежавших к разным социальным слоям английского средневекового общества периода 1066–1500 гг. Вы узнаете, насколько средневековая английская леди была свободна в своём выборе, о том, из чего складывались её повседневная жизнь и обязанности. В ней будет передана атмосфера средневековых английских городов и замков, будет рассказано много историй женщин, чьи имена хорошо известны по историческим романам и их экранизациям. Историй, порой драматических, порой трагических, и часто – прекрасных, полных неожиданных поворотов судьбы и невероятных приключений. Вы убедитесь, что настоящие истории настоящих средневековых женщин намного головокружительнее фантазий Шекспира и Вальтера Скотта, которые жили и писали уже в совсем другие эпохи, и чьё видение женщины и её роли в обществе было ограничено современной им моралью.

- [Милла Коскинен](#)
 -
 - [Вступление](#)
 - [Глава первая. Жизнь за стенами «хрустальной башни»](#)
 - [О средневековом английском городе](#)
 - [О средневековых английских замках](#)
 -
 - [Правдивая история Уорик Кастл](#)
 - [Лидс Кастл и его хозяйки](#)
 - [О собачках при средневековых леди](#)
 - [О том, что прекрасной даме иногда приходилось быть и храбрым рыцарем](#)
 - [О «капитане Маргарет» и о том, где находится пресловутое место женщины](#)
 - [Глава вторая. Детство и образование](#)
 - [О некоторых особенностях средневекового образования](#)
 - [Об ученых дамах и истории Средневековья](#)
 - [О трех добродетелях, или руководство к тому, как стать истинной леди](#)
 - [О том, как осуществлялась «шлифовка» девочек из](#)

благородных семей

○ Глава третья. Возлюбленная, невеста

-
- О том, что жениться желательно правильно
- Об удивительной жизни «прекрасной кентской девы»
- О том, откуда пошел род бьюфтортов
- О головоломности родства и похищениях девиц
- О тайном браке, который изменил историю королевства
- О попытках формализации неформального
- О нарядах для невест и не только

○ Глава четвертая. Жена, хозяйка, мать

-
- О «стерпится – слюбится»
- О таинствах брака
- О наложницах и любовницах
- О продолжении рода, материнстве и средневековой медицине
- О «некромансерах»

○ Глава пятая. Вдовствующая леди

-
- О продолжительности жизни в средневековой Англии
- О ценности вдов для экономики королевства – и не только
- О благородных вдовах, невымышленные истории
- О последнем проекте вдовствующей леди

○ Глава шестая. Отнюдь не праздная жизнь

- О любви небесной и земной
- О гильбертинском ордене и о том, как «забыли про овраги»
- О стремлении к совершенству
- Об отшельницах и затворницах
- О средневековом фанфике по жизни Христа
- О жизни за воротами женского монастыря
- О прекрасных дамах за работой

○ Библиография

● notes

○ 1

Милла Коскинен

Книга о прекрасных дамах и благородных рыцарях

© Коскинен М., 2016

© ООО «Издательство Алгоритм», 2016

* * *

Вступление

Прежде чем приступить к рассказам о судьбах женщин из аристократических и дворянских семей средневековой Англии, есть смысл представить себе масштабы тех пространств, на которых эта жизнь проходила. Восприятие человека устроено так, что мы подсознательно переносим привычные для нас представления на совсем другие эпохи и уклады жизни. В какой-то степени это правильно. Несмотря на то, что исторические декорации вокруг нас постоянно меняются, человеческая натура остается более или менее неизменной. Она адаптируется под требования окружающего социума, конечно, но базовые моменты сохраняются. С другой стороны, мы живем в перенаселенном, глобализированном мире, который требует от нас определенного восприятия и менталитета, подогнанного к окружающей реальности. Реальность английского Средневековья была совсем другой, и это следует учитывать, теоретизируя по поводу «женского вопроса» в Средние века.

Для начала, Средневековье – это невероятно долгий период длиной во множество столетий: раннее Средневековье (500—1000 гг.), среднее (1000—1300 гг.) и позднее (1300—1500 гг.). Во-вторых, большое значение имеет исторический контекст условий жизни и событий изучаемого периода. В-третьих, совершенно невозможно делать какие-то выводы о европейской средневековой женщине, не принимая во внимание «женский вопрос» и способы его решения в сопредельных Европе странах и не учитывая огромной разницы в решении этого пресловутого вопроса в разных областях самой Европы.

Человек, впадающий в ужас от историй о поясах верности, права сеньора на первую ночь и прочих популярных страшилок, должен четко себе представлять, кем, когда, и, главное, с какой целью они сочинялись. Это же касается и сахарных историй о рыцарях и девах. Необходимо понимать и средневековое значение так называемого женоненавистничества, и его аналоги в современном нам обществе. Известное противостояние полов было, есть и будет, но составлять представление о реальной средневековой жизни на основании, скажем, «Пятнадцати радостей брака» так же нелепо, как верить всему, что написано в «Космополитене».

Обобщение же понятия «Средневековье», растянутое на всю Европу от Швеции до Испании, вообще не имеет смысла. В качестве примера можно

взять такой важный для женщины момент, как ее замужество. К поздним Средним векам, если не раньше, Европа четко разделилась в плане замужеств на два региона: на севере и западе женщины, не принадлежащие к аристократии, выходили замуж позже и за мужчин более или менее своего возраста. К тому же, некоторое количество женщин не выходили замуж, не становясь при этом монахинями. На юге и востоке девушки выходили замуж рано, как правило, за мужчин вдвое старше, а незамужние уходили в монастыри.

Какого-то единогласия по женскому вопросу среди историков не существует, поэтому любой интересующийся этой проблемой найдет массу аргументов в пользу именно своей точки зрения. Историк Клапиш-Зубер возмущается положением женщин в средневековой Италии, где среднестатистическая девушка к 18 годам была уже матерью двоих детей и замужем за человеком вдвое старше себя. Клапиш-Зубер считает, что эти бедняжки проводили лучшие годы в подчинении старым мужьям, и, овдовев, оказывались в невыносимых обстоятельствах. Историки же Стэнли Чознаки, Елена Розенберг, Томас Кун и другие возражают, утверждая, что при таком подходе к делу совершенно не учитывается инициативность и способность к социальным маневрам женщин, для которых эти условия были естественными во многих поколениях. Не лучше обстоит дело и в северном регионе: здесь мечи скрестили Марианна Ковалевская и Джереми Голдберг. К счастью, явным трендом последних лет являются достаточно нейтральные по тону общие обзоры типа книги Генриетты Лейзер «Средневековая женщина. Социальная история женщин в Англии 450—1500». Если в этих обзорах и есть недостаток, так это сложная для неспециалиста необходимость знания базового материала, на котором они составлены. А этот базовый материал – все те же Пауэр, Голдберг, Ковалевская, Клапиш-Зубер, Беннет плюс километры исторических исследований, над анализом которых они работали.

В погоне за поисками доказательств своей правоты могут случиться и откровенные ляпы. Если составлять представление о жизни средневековой англичанки, изучая только документы по сбору налогов, листы гильдий и реестры недвижимости, то можно легко создать в своем воображении некий архетип эмансипированной средневековой женщины. И не обратить внимания на то, что документы говорят конкретно о «вдовах», а не о «женщинах» в целом. А вдовы были совершенно отдельной группой населения в плане прав и обязанностей перед короной. Можно ужасаться аристократическим детским бракам и оставить без объяснений, что они из себя представляли на самом деле. Можно даже воспользоваться

разногласиями относительно даты рождения, чтобы создать пример трогательной в своей трагичности девочки-роженницы, как это случилось во многих биографиях родоначальницы династии Тюдоров, леди Маргарет Бьюфорт. Самые же любопытные результаты можно получить, резво перескакивая через столетия и надергивая подходящие к случаю факты, не принимая во внимание изменения, которые произошли в обществе. Невозможно сравнивать положение женщины в средневековой Англии постчумных времен и в средневековой Англии конца пятнадцатого века, когда экономические и социальные реалии абсолютно изменились.

Были, правда, общие моменты в жизни средневековых английских женщин независимо от того, к какому социальному слою они принадлежали и какой век стоял на дворе. Аристократки не заседали в парламенте (те, кто имели на это право, посылали от себя представителей), горожанки не становились мэрами, а крестьянки – бейлифами. И феодальная, и королевская, и городская, и помещичья правовые системы ограничивали имущественные права замужних женщин, давая куда большую свободу женщинам одиноким и вдовам и большую свободу мужчинам, чем женщинам. Социальные обычаи определяли всем женам, от крестьянки до аристократки, роль помощницы мужа и безупречное поведение. Экономически жизнь была построена таким образом, что от жены требовалось умение управлять хозяйством. Особенности феодального быта исключали для женщины возможность только одной «опции» – быть просто «драгоценным камнем в короне» своего мужа.

Глава первая. Жизнь за стенами «хрустальной башни»

О средневековом английском городе

Совсем незадолго до завоевания Англии норманнами третьим по величине городом там был Норич, целых 1300 дворов. Самым большим городом на северо-западе был Честер, где этих дворов было 500. Инвентаризационная опись завоеванного хозяйства, которую хозяйственные норманны составили в 1085–1086 годах под драматическим именем «Судная книга» (Domesday Book), называет большими городами Экзетер, Уорик и Кентерберги, в каждом из которых было около 250 дворов.

Через двести лет Кембридж разросся до 550 дворов, а Ливерпуль и Манчестер только-только дотянули до размеров в 150 дворов. В начале пятнадцатого столетия на всю Англию было всего пять городов, чьего населения хватило больше, чем на тысячу дворов: Лондон, Норич, Йорк, Бристоль и Ковентри.

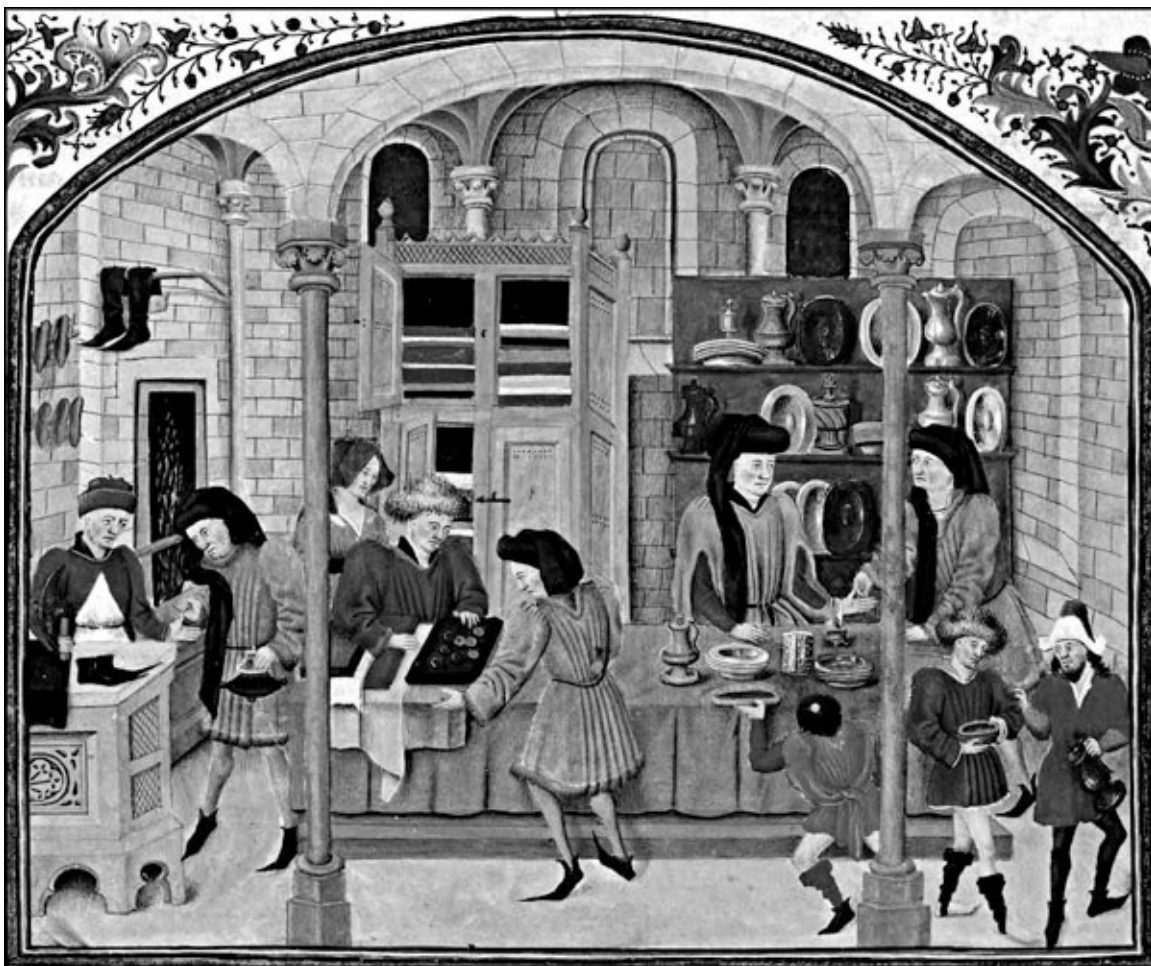
Средневековый Лондон величиной был едва в половину средневекового Парижа и едва достигал по размеру трети Милана и Венеции, но его, тем не менее, горожане гордо именовали «цветком среди других городов». Цветок или нет, но все познается в сравнении. Для визитера из затерявшейся в лесах деревушки и такой Лондон был удручающе огромен. Да что там, даже большинство лондонцев вполне обходились обитанием в родном районе города, не заглядывая за знакомые с младенчества пределы.

Главной отличительной чертой средневековых городов и городишек от окружающих деревень было то, что в них были сосредоточены органы управления, учебные заведения, религиозные центры – и рынки, значение которых для сельскохозяйственных районов невозможно переоценить. Города ежедневно открывали ворота толпам крестьян, пилигримов, купцов, путешественников. В Лондон и Вестминстер стекались придворные с эскортами, в Оксфорд – студенты, в каждый город и деревню со своей рыночной площадью – торговцы. О том, в каких масштабах все это было, говорят записи Йорка, где в конце четырнадцатого века, при населении в 8 000 человек (оно уменьшилось до таких размеров, почти вдвое, во время Черной Смерти), было 1035 кроватей для приезжих и стойла на 1711 лошадей.

Следующим моментом была большая плотность городского населения. Это не могло не приводить постепенно города к тому уровню антисанитарии, который хорошо известен по временам Индустриальной

революции. Наверняка соответствующим был и уровень преступности. Точных данных, которые складываются из изучения документов и частных писем людей, о том времени практически нет, поэтому все, что можно сказать о Средневековье, должно мысленно нести предположительную форму: «возможно». Хотя с тех времен сохранилось много официальных документов, о том, как в действительности жили люди, мы можем судить только из немногих сохранившихся переписок семейств Пастонов, Сели и Стоноров. Этого явно недостаточно для того, чтобы составить абсолютно точную картину о том, каким же было настоящее английское Средневековье.

Поскольку молодежь начинала свою рабочую карьеру в городах, откладывая обзаведение семейством на несколько лет, можно предположить, что демографическое развитие в городах отмечалось превалированием смертности над рождаемостью, в связи с чем приток в города нового населения в рабочем возрасте был первостепенной необходимостью. Необходимо также помнить, что периодические эпидемии бубонной чумы вспыхивали то здесь, то там, и, как писал Ричард Сели в 1479 году, многие лондонские горожане эмигрировали из города прочь. Ограниченность пространства в больших городах приводила к тому, что семьи занятых в административной работе аристократов и джентри жили в некотором отдалении от глав семейств, что накладывало свой отпечаток на отношения между супругами и требования к хозяйке.

Средневековый рынок. Миниатюра XV века

Среди самих городов существовали различия, как минимум, экономические и, соответственно, управленческие, которые не могли не оказывать влияния на социальные условия жизни горожан. К 1400 году большая часть крупных городов получила, в известной степени, права самоуправления, что подразумевало наличие там прослойки буржуазии, или «свободных горожан», которые выбирали своих представителей в органы управления. Помимо этого, были города, которые управлялись непосредственно королем. Другие – скорее лордом, нежели королем. Салсбери и Беверли управлялись епископами. Сент-Олбанс и Бери-Сент-Эдмундс управлялись аббатами. В Линкольне, Нориче и Йорке вообще часть города управлялась органами самоуправления, а часть – приорами.

Разумеется, при каждой форме самоуправления была собственная юрисдикция. Поэтому известны случаи, когда горожане просто переезжали в другую часть города со всем хозяйством, если ситуация их к тому вынуждала. Например, в Йорке один олдермен в 1470-х переехал на

территорию юрисдикции доминиканского приората, чтобы избежать притеснений конкурента, давящего на него условиями городской юрисдикции. В другом случае подмастерья одной из гильдий того же Йорка собирались на свои вечеринки в части города, находящейся под юрисдикцией приората, где их мастера не имели над ними никакой власти. Удобно, хотя выглядит, на первый взгляд, обескураживающе бестолковым.

Историк Сильвия Трапп рассчитала, что многие горожане XV века были иммигрантами в первом или втором поколении: они либо переезжали в город из окрестных деревень, или эмигрировали из других стран. Например, сравнивая списки торговцев и олдерменов 1377–1437 годов, она пришла к выводу, что их число не могло поддерживаться на существующем уровне только за счет естественного замещения. В Ромни сохранились более подробные списки всех свободных горожан, из которых видно, что около половины из них родились в городе и в радиусе пяти миль от города, одна четверть – на расстоянии пятидесяти миль, и остальные были выходцами из различных мест восточного Кента. Исследования по фамилиям дают понять, что половина всех мигрантов в Йорк и Норич приехали из мест в радиусе двадцати миль от городов, а в Лондон – в радиусе сорока миль.

Довольно обычным для английских городов XV века был приток иностранцев, особенно для Лондона. Итальянские и ганзейские купцы, ремесленники, прислуга... В 1441 году в Лондоне, Вестминстере и прилегающих к ним районов жили 2200 иностранцев (не включены замужние женщины), по большей части голландцы и немцы. В Винчестере иностранцы составляли в 1440 году 3 % всего населения города. Большая часть приезжих быстро ассимилировались с местным населением через браки, да и приезжали, по большей части, те, кто уже имел родственников или хороших знакомых в Англии.

Прирост городского населения в начале пятнадцатого века и резкое его снижение к середине того же века служат до сих пор предметом самых горячих дебатов среди историков. Например, население Колчестера составляло в пост-чумном 1350 всего три тысячи человек, в 1414 – восемь тысяч человек, и к концу века – на треть меньше. В Ковентри в 1430-х были зарегистрированы около десяти тысяч человек, но в конце века – только пять тысяч семьсот. Джереми Голдберг объясняет это тем, что спрос на рабочую силу в городах в начале века привлек туда многих женщин, а последующая экономическая депрессия заставила их вернуться, так сказать, в лоно семей. В связи с чем, кстати, снизился возраст вступления в брак среди женщин низших классов.

Основной ячейкой средневекового города XV века была семейная единица, то есть люди, живущие в одном хозяйстве (том самом условно-расчетном «дворе»), в котором число людей варьировалось от одиночек и семей до своего рода коммун, состоящих из членов семьи, подмастерьев, квартирантов и прислуги, живущей в доме. В Ковентри величина такой семейной единицы на конец пятнадцатого века была 7,4 среди торговцев, 2,6 среди простых горожан и 1,8 среди бедняков. Глава такой ячейки, обычно мужчина (или вдова, или одинокая женщина), отвечали перед соседями за поведение людей, живших под их крышей. Патриархатом это не было. И в пятнадцатом веке хозяйство не всегда наследовал старший сын, очень часто оно делилось поровну между братьями и сестрами. Все, собственно, зависело от воли завещающего, в рамках закона, разумеется (вдова и дети все равно получали свою долю, даже если хозяин делал завещание не в их пользу).

Рост городов сильно ограничивался городскими стенами. Был сделан архитектурный анализ городского строительства пятнадцатого века: жилые дома строились под прямым углом к улице, чтобы экономить площадь, а лавки и мастерские – вдоль. Если в четырнадцатом веке большинство строений имели два этажа, то в пятнадцатом – уже три. На практике это означает, что население начало жить более скученно. Не везде, конечно. Колчестер и Дарем мало отличались от окружавших их деревень, дома там были маленькие, крытые соломой и одноэтажные.

Всего в Англии пятнадцатого века было около 600 городков, жители которых назвались горожанами, в отличие от обитателей крупных городов, именуемых гражданами. Собственно классовое разделение происходило по признаку достатка, то есть, с точки зрения города, по размеру налогов, выплачиваемых жителями в городскую казну. Свою роль играли также происхождение и респектабельность. В некоторых городах у владельцев пабов не было ни малейшего шанса занять выборную должность, их профессия не считалась достаточно респектабельной для этого.

Население средневекового Лондона на переломе XIV–XV веков колебалось от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек, так что плотность населения нетрудно себе вообразить. Дома в Лондоне четырнадцатого века делились на три категории. Самые богатые строились вдоль улицы (занимая 30–40 футов), имели множество магазинов и помещений под аренду. В их внутренних дворах располагался еще один большой торговый холл и несколько помещений под аренду.

Более скромные дома строились в форме буквы L, с холлом, располагающимся под прямым углом к улице. В остальном они были

подобны своим богатым соседям. Самые маленькие состояли из одного торгового помещения, с комнатой позади него и с кухней во внутреннем дворе, если такой имелся.

О застройке Лондона есть много документов. В 1384 году, например, был дан подряд на застройку района возле Темзы с условием, что подрядчик построит несколько домов в три этажа, высотой в 7 футов, и размерами отдельных помещений 12 на 10 футов. За фасадной стороной улицы должен был быть построен холл размерами 40 x 23 фута, отдельный кабинет, кухня и кладовая. Эти дома должны были строиться из дуба и иметь подвалы глубиной в 12 футов. Пространство между деревянными панелями заполнялось раствором с соломой и ивняком. Надо сказать, что в маленьких английских городках еще сохранились в некотором количестве дома, построенные по этому принципу – они практически вечные. Фасад мог быть выложен, для пущей представительности, камнем. К пятнадцатому веку началось строительство из кирпича.

Неосторожное обращение с огнем, нарушения общественного порядка, замусоривание улиц и вообще характер горожан вынудили мэра Лондона еще в 1187 году издать указ, что стены между соседними жилыми помещениями должны иметь три фута толщины и достигать до конька крыши. Ниши в этих стенах, используемые как своего рода продуктовые шкафы, не могли быть глубже, чем в один фут. Крыши должны были быть шиферными, каменными или кирпичными. Устройство отхожих мест, расположение окон так, чтобы вид из них не открывался на частную территорию соседа, стоки для грязной воды тоже регулировались законом. Лестницы на разные уровни строились с внешней стороны домов. Город регулировал длину, на которую можно было выдвигать вывески в сторону улицы (семь футов); площадь, на которой можно было выкладывать товар перед лавками (два с половиной фута); высоту, на которой можно было делать «дополнительный» этаж, который тоже выдавался в сторону улицы, потому как ввысь строить запрещалось (девять футов достаточно, чтобы под выступающей частью мог проехать всадник).

Сохранилось сравнительное описание одного дома, находящегося около речной таможни, во времена короля Ричарда Второго (четырнадцатый век) и на век позже. Похоже на то, что это был как раз один из тех самых домов, о подряде на которые упомянуто выше.

В четырнадцатом веке дом имел три этажа – двенадцать, десять и семь футов соответственно. На всю площадь дома, сорок на двадцать четыре фута, под ним находился подвал высотой в семь футов. Из холла через заднюю дверь был выход в крытый внутренний двор или общую комнату,

как угодно. Там же находились кухня и кладовая. В пятнадцатом веке в дом можно было попасть уже только через ворота, сразу направо от которых располагался целый кухонный блок: малая кухня и угольный подвал, кладовая для вин и эля, кладовая с вентиляцией для хранения солонины, рыбы и овощей, чулан для хранения хлеба и выпечки и большая кухня с несколькими кладовыми. Внутренний двор был перестроен так, что в ту сторону добавились две спальни, часовня, кабинет и уборная. Общая комната и место для променада были перенесены на западную стену, чтобы поймать туда как можно больше послеобеденного солнца. И был достроен чердак, где были кладовые и комнатки для прислуги. Такие вот метаморфозы.

О средневековых английских замках

Надо сказать, что настоящих средневековых замков в Англии сохранилось немного, хотя в свое время настроили их предостаточно. По регистрационной описи, Domesday Book, к 1086 году были построены 49 замков, и еще 35 были построены до 1100 года. Большинство из них было уничтожено по приказу Оливера Кромвеля в ходе гражданской войны 1640-х годов. Никто с уверенностью не может сказать, был этот человек просто безумен, или он был безумным фанатиком, но в результате наши знания о том, как были действительно устроены и функционировали средневековые замки, не являются полными.

Тем не менее, кое-что сохранилось, хотя и в перестроенном виде. За историей того же Уорик Кастл стоят жизни поколений рыцарей – и жизни тех, кто связал с этими рыцарями свои судьбы. В стенах этого замка – 950 лет истории, загадок, драм, трагедий.

Правдивая история Уорик Кастл

Первым его владельцем был сам Вильгельм Завоеватель, который и начал строительство укреплений. Потом замок перешел к его сыну Вильгельму Руфусу, который не построил ничего, но отдал замок Генри де Бьюмонту, который стал первым графом Уорика. Потом замок перешел к его сыну Роджеру, который не стал возводить стены и башни, а построил госпиталь для прокаженных – тогда подобных госпиталей не хватало (1140-е годы). Наследник Роджера – Вильгельм де Бьюмонт – построил, собственно, дом и крепость. Он погиб в крестовом походе, и Уорик Кастл перешел к его брату Валериану. Тот тоже что-то строил и укреплял стены. Одна из загадок замка относится как раз к временам, когда в Уорик Кастл хозяйничал Валериан. Его права оспаривал какой-то «самозванец», попортивший наследнику немало крови. Кем он был? Неужели Роджер не только молился, но и прижил на стороне сына, который был старше Валериана? Или это действительно был, как тогда шептались, сам Роджер, который вовсе не погиб, но был объявлен погибшим Валерианом, которому не терпелось прибрать замок к рукам? Как бы там ни было, у Валериана был трогательный объект благотворительности: он поддерживал женские монастыри.

Валериан умер, когда его старшему наследнику Генри было всего 12

лет, то есть мальчик не был совершеннолетним. И его отправили на воспитание к Томасу Бассетту, на чьей дочери Филиппе он потом женился. В жизни этого парня было, как минимум, две драмы. Во-первых, пока он был несовершеннолетним и под опекой, его владения в Уэльсе были отданы королем Джоном Вильгельму де Брозу, которого именно тогда понадобилось прикормить. Тем не менее, Генри позже возглавлял королевскую армию и поддерживал короля Джона, а вот де Брозу пришлось плохо до такой степени, что он бежал во Францию. Во-вторых, передача наследства Генри после того, как он достиг совершеннолетия, не прошла плавно. Что-то там произошло. Скорее всего, роль сыграла первая женитьба Генри де Бьюмонта на некой Маргарет д'Ойли из семейства, особенно агрессивно нажимавшего на короля Джона относительно Хартии Вольностей. Что стало с Маргарет – неизвестно, но вот второй женой Генри стала Филиппа Бассетт, которая для этого разошлась со своим мужем.

Томас де Бьюмонт тоже рано осиротел и тоже получил свои владения со скрипом, после производства в рыцари и женитьбе на дочери незаконного сына короля Генри II – Эле. Если в жизни этого лорда и была какая-то тень, так это независимое состояние Элы, которая предпочитала тратить свои кровные на заботу о своей душе в жизни этой и вечной. Отсутствие детей у этой пары можно списать на пристрастия Элы, но не больше повезло с наследниками и новой хозяйке Уорик Кастл – сестре Томаса – Маргарет. Первым ее мужем стал граф Пемброк, а вторым – Джон дю Плесси, фаворит Генриха III.

Вот эта история – очень темная. Тогда титул графов Пемброка носили представители семьи Маршалл. Один из них был женат на сестре короля – Элеанор. Но семейство рассорилось с королем из-за того, что тот слишком любил своих французских родичей. Кажется, именно муж Маргарет в склоке участия не принимал, но немилость короля не обошла и его. Вот король Генри и отобрал у Маргарет Уорик Кастл, чтобы отдать его Джону дю Плесси. Правда, дав ей возможность получить свое обратно, став женой Джона. Напрасные хлопоты. Детей у пары не было, и Уорик Кастл достался внуку Валериана де Бьюмонта – Вильгельму Модиту.

Это было время баронских войн. Симон де Монфор осадил Уорик Кастл, взял его штурмом и увез графиню Уорик в Кенилворт. Что это было? Симон стал вторым мужем сестры короля после Маршалла. Возможно, он считал, что имеет на замок право. Возможно, он был влюблен в графиню, возможно, просто нуждался в деньгах и знал, что граф свою графиню выкупит за круглую сумму. Так оно и получилось. А вот наследников у этой пары тоже не было. Можно только строить предположения о жизни

трех бездетных поколений владельцев Уорик Кастл. Зато потом замок перешел к сестре Модита – Изабель Бьючамп – и, соответственно, к ее сыну. Вильгельм де Бьючамп был близким другом короля Эдварда I, военным до мозга костей и человеком хозяйственным. При нем в Уорик Кастл появились первые окна со стороны реки.

Этот вояка интересен, несомненно, любителям военных подвигов, но здесь он интереснее в качестве отца Изабель де Бьючамп и Гая де Бьючампа. Гай был замешан в истории казни храброго рыцаря Гавестона, побратима короля Эдварда Второго, а Изабель вышла замуж за Хью де Деспенсера вторым браком. Очевидно, по большой любви, потому что парочка не озаботилась получить на брак королевскую лицензию. Трактовать это можно по-разному. Изабель была богатой наследницей, что делало ее живым вознаграждением любому дворянину, которого хотел отблагодарить король. Стать женой того, чьей женой ей быть хотелось, у Изабель было шансов маловато. Вот она и рискнула. Хью заплатил за своеволие гигантский штраф в 2000 марок. Любовь? Да, но мог быть и расчет. Все-таки приобрел-то он больше, чем потерял. У Изабель и Хью было четверо детей, одним из которых и был Хью Деспенсер Младший.

Что касается десятого графа Уорика, Гая де Бьючампа, то он был в постоянной оппозиции к Эдуарду II. Как ни странно, он умер в своей постели, хотя, возможно, и не по естественным причинам. Поговаривали, что король его отравил за убийство Гавестона. Поэтому граф и заболел и был вынужден уехать в Уорик Кастл, где вскоре умер. Еще одно привидение в замковую коллекцию.

Его сын, Томас де Бьючамп, сделал блестящую карьеру при Идеальном Короле Эдварде III. Герой Кресси и Пуатье – третий, кто стал кавалером ордена Подвязки, он построил в Уорик Кастл две башни, Цезарь Тауэр и Гейтхаус Тауэр. Женат сэр Томас был на дочери Роджера Мортимера, леди Кэтрин. Это был удивительный брак, который много говорит о благородстве и справедливости короля, которому Роджер Мортимер был смертельным и кровным врагом, и о большой любви и преданности, очевидно. Ведь Томаса и Кэтрин поженили совсем крохами, чисто по политическим соображениям. Потом Роджер Мортимер попытался стать королем, жизнь Эдварда была в опасности, но он победил. Таким образом, у Томаса Бьючампа оказалась очень неудобная политически жена, с которой он бы мог развестись очень легко. Но он и не пытался! А король после женитьбы сделал леди Кэтрин одной из первых дам своей королевы. Даже надгробье графа и графини Уорик, где Томас держит леди Кэтрин за руку, много о них говорит, хотя в Англии оно такое не единственное.

Уорикский замок в Англии

Следующий Томас де Бьючамп, 12-й граф Уорик, снова оказался в оппозиции к королю. Правил тогда Ричард II. Надо сказать, вражда там была действительно не на жизнь, а на смерть, но история повернулась в пользу графа. Англия получила новую династию, и Уорик сохранил и жизнь, и владения. Он построил в замке башню Гай Тауэр (в честь оппозиционера-деда?), и соединил ее стеной с Гейтхаус Тауэр.

Следующий граф Уорик, Ричард де Бьючамп, знаменит, в основном, как распорядитель казни Жанны д'Арк, что нечестно, потому что в жизни у него было куда как больше более благородных приключений. Он был в Святой Земле, откуда возвращался через Восточную Европу и Россию, играл заметную роль в делах великого Генри V, и, в итоге, именно на него была возложена обязанность воспитания Генриха VI. Как показала история, вылепить из имеющегося материала короля даже Уорику не удалось. Но он сделал что мог, превратив робкого плаксу в абсолютно бесстрашного и непоколебимого в своих странностях упрямца. Сын Ричарда, Генри, прожил всего чуть больше 20 лет, что жаль. Странный король Генрих VI считал его чуть ли не братом и, вероятно, действительно короновал друга королем о-ва Вайте. Кто знает, как повернулась бы судьба английского королевства, если бы Генри де Бьючамп был при короле. Но Генри умер, и

Уорик Кастл отошел к его двухлетней дочери, которая вскоре тоже умерла. И хозяйкой замка стала сестра Генри, Анна де Бьючамп.

Вот на Анне и женился Ричард Невилл, став шестнадцатым графом Уорика, которого все знают под именем Делатель Королей, Кингмейкер. Дурацкое прозвище, абсолютно не соответствующее действительности, хотя и звонкое. Сэр Ричард был умен, талантлив, харизматичен, любим народом и при этом весьма последователен и довольно лоялен. Но он погиб при туманных обстоятельствах, восстав против своего суверена. Что из того, что этот суверен просто напросился на ссору с Уориком... А новым владельцем Уорик Кастл стал зять Кингмейкера, Джордж Плантагенет, герцог Кларенс, личность со всех сторон малосимпатичная. Разве что пожалеть его можно за то, что он сам себе был злейшим врагом. Он был многократным предателем. Сначала он предал брата, потом – тестя, потом чуть не сжил со света сестру жены, не жалел усилий, чтобы аннулировать брак своего брата-герцога, и потом снова стал роптать против брата-короля...

В конце концов, злой язык Джорджа привел его в Тауэр. Там он и погиб. Или был казнен втихаря. В историю про утопление в бочке с мальвазией верится с трудом, но достоверная биография Кларенса, написанная Джоном Эшдаун-Хиллом, появится в марте 2014 года, и, очевидно, загадка Кларенса будет разрешена. Но как бы там ни было, а Уорик Кастл навсегда останется связанным с трагедиями трех женщин из одной семьи: матери, Анны Бьючамп, которую король Эдвард IV заживо объявит легально мертвой, и Изабель и Анны Невилл, чья юность будет отравлена политическими интригами.

Семнадцатым графом Варвика стал сын Джорджа – Эдвард. Его жизнь была короткой и трагичной. Герцог Глостер, впоследствии король Ричард III, забравший осиротевших племянников к себе, относился к мальчику душевно. Во-первых, потому что он категорически не одобрял братоубийства, и потому, что племянников любили его жена и теща. Но потом случился Босуорт, король Ричард пал в бою, и в Англии воцарилась новая династия, для которой Плантагенеты были угрозой. И беднягу заключили в Тауэр, где и казнили по притяннутому за уши обвинению. А Варвик Кастл стал собственностью короны.

Лидс Кастл и его хозяйки

Лидс Кастл тоже тесно связан со своеобразными женскими судьбами.

Более того, женщиной он был спасен от обнищания и запустения. Будущая леди Бейли, американка Оливия Сесилия Пейджет, не только имела деньги, но и была особой с художественным вкусом. Она восстановила замок в его прежнем блеске, да еще и собрала туда средневековую мебель, керамику, гобелены, миниатюры. Все – только лучшее. Благо, в желающих обратить семейные ценности в деньги недостатка не было. Леди Бейли, Оливия, вообще не была пустышкой с деньгами. И во Франции училась, и была медсестрой во время Первой мировой. Титул она не купила – она вышла замуж за настоящего лорда. А деньги завещала фонду, на средства которого Лидс Кастл продолжает процветать.

Лидс Кастл – старый замок, построил его еще Робер де Кревкер в 1119 году, хотя и до него там было поместье. Саксонское, так что норманн де Кревкер просто перестроил его по законам тогдашней моды, монументально и в камне. Наверное, в качестве родового замка – ведь сыновей у него было двое. Замок унаследовал старший, Даниэл, и на этом везение де Кревкеров закончилось. Сын Дэниэла умер раньше отца, а внук, Робер, имел только одного сына, на котором линия и пресеклась. И Лидс Кастл стал в 1278 году королевским замком Эдуарда I, который проводил там довольно много времени со своей женой.

Стать королевским замком было завидной участью. Король построил замку барбакан, подъемный мост, внушительные ворота с подъемной решеткой. И все было прекрасно до самого 1321 года. В Англии тогда правил король Эдуард II, и Лидс Кастл он подарил своей французской жене, Изабелле, которую история Англии лучше знает под кличкой «французская волчица». Но в любом замке был, конечно, коннетабль, и эту должность в Лидс Кастл занимал некий барон Бартоломью де Балдсмир. Барон Деспенсеров не одобрял, но королю был предан. С Деспенсерами его связал долгом благодарности случай, происшедший с его женой, Маргарет де Клер. В 1319 году дама держала путь в Чесхонт Мэнор, когда на нее напала какая-то банда разбойников, которые взяли ее заложницей и потребовали выкуп в 100 фунтов. Но баронесса провела в плену только одну ночь. Ее спасли, причем спас не кто-нибудь, а Хью Деспенсер Младший, женатый на племяннице жены коннетабля, Элеанор.

Баронесса де Балдсмир была дамой характера взрывного, смесь ирландской и норманнской крови давала о себе знать. Муж без опаски оставлял на нее командование Лидс Кастл, когда уезжал по своим обязанностям в другие замки. И надо же было так случиться, что именно баронесса командовала гарнизоном, когда к воротам замка прибыла королева Изабелла. Это был ее замок, но баронесса королеву впустить в

Лидс Кастл отказалась. Причина была проста: между Изабеллой и Деспенсерами, как известно, сердечной дружбы не было, зато баронессе они приходились родственниками. Очевидно, пылкая дама решила разрубить гордиев узел раз и навсегда: сопровождение королевы, конечно, полезло в ворота силой, а баронесса приказала лучникам стрелять – причем, в королеву. Но... хочешь сделать дело толком, сделай его сам. Лучники королеву застрелить, все-таки, не посмели. Положили шестерых около нее, но не саму Изабеллу.

Неизвестно, что на самом деле думал о происшедшем Эдуард, но Изабелла не только была его женой, но и соправительницей, поэтому отправился король воевать с Лидс Кастл. Пять дней Маргарет держала оборону против королевской армии под обстрелом баллист и сдала замок не раньше, чем король пообещал помиловать всех, в замке находившихся. Конечно, сделать вид, что ничего не произошло, было совершенно невозможно. Маргарет отправили в Тауэр, где она провела ровно год. За это время ее супруг ухитрился примкнуть к партии, разбитой при Бороубридж, и вскоре Маргарет оказалась вдовой, да еще без состояния – состояние изменников отходило к короне. Дорогие родственники Деспенсеры, очевидно, вступились, и баронессу сначала сослали в монастырь под замок (впрочем, на шикарное содержание), а позже и вовсе выпустили. Потом и состояние вернули.

Судьбы средневековых женщин и судьбы замков вообще оказывались связанными очень часто. Николь де ла Хэй была шерифом Линкольна в 1216 году. А до этого успешно защищала замок в 1191 году, и снова – во время баронских войн 1215–1217 годов. Прожила Николь долгую жизнь, около 80 лет. Когда ей было «всего» 65 (в 1215 году), король Джон лично приехал инспектировать оборону замка. Николь вышла к нему навстречу с ключами от замка и попросила снять с нее обузу, потому что возраст уже не тот. Но Джон-то знал по своей матушке, что возраст воинственности не помеха, и ответил ей: «Возлюбленная Николь, я желаю, чтобы вы держали этот замок, пока я не дам другого распоряжения». И она его держала. Пока был жив Джон, и позже, при его сыне Генри.

Что касается матушки короля Джона, Алиеноры Аквитанской, то ее историю знают все. Напомню только об эпизоде, когда ее попытался взять в плен племянник Артур. Престарелая королева легко ушла из ловушки верхом, добралась до первого подвернувшегося замка, и, с ходу организовав его оборону, отбилась от неприятеля. А было старушке тогда под 80 лет.

Эмма, графиня Норфолкская, была женой англосаксонского графа

Ральфа де Гвадера. Граф это был не абы какой, а принадлежащий к немногочисленным представителям англосаксонской знати, которые имели достаточно свободы и влияния при норманнах. Земли де Гвадеров находились по обе стороны Ла-Манша. Поскольку ко времени вторжения Вильгельма Завоевателя граф жил в Бретани и был больше связан интересами с норманнами, чем с саксами, он принимал участие в битве при Гастингсе на стороне норманнов. Все шло прекрасно до 1075 года: сэр Ральф храбро отражал набеги датчан, заседал в королевском совете, а после смерти отца получил гигантские владения в Норфолке, Саффолке, Эссексе и Хертфордшире и титул графа Восточной Англии.

В 1075 году граф де Гвадер женился. Женой его стала дочь Вильгельма Фитц-Осборна, одного из богатейших магнатов Северной Англии. Вскоре после женитьбы де Гвадер поднял мятеж против своего короля. Почему – никто не знает достоверно, потому что есть два взаимоисключающих свидетельства: согласно норманнским хроникам, Эмму в жены де Гвадеру отдал сам король. Согласно легенде о восстании, оно произошло потому, что король отказался подтвердить брак, на который разрешения не давал. Не был этот мятеж и направлен против норманнов, потому что саксы участвовали в его подавлении. Причиной могло быть то, что именно в 1075 Вильгельм Завоеватель отправился воевать с Бретанью, где были владения де Гвадеров. Так или иначе, мятеж начался, и в нем участвовали сам Ральф де Гвадер, брат его жены Роджер Херефордский и некий Вальтеоф Нортумбрийский, сакс-аристократ из Северной Англии. Этот Вальтеоф тоже был настолько близок к королю Вильгельму, что тот отдал за него свою племянницу Джудит. Примкнув к заговору, Вальтеоф быстро раскаялся, рассказал о заговоре епископу Кентерберийскому Лафранку, и тот отправил его в Нормандию вымаливать у короля прощение.

Войска Роджера, пытавшиеся проникнуть в Среднюю Англию, были остановлены на Севере вустерширским ополчением (фирдом), во главе которого стоял Вульфстан, последний англосаксонский епископ Вустера. Против отрядов Ральфа выступили крупные воинские соединения ближайших соратников короля Вильгельма, которым было доверено управление Англией в отсутствие последнего, – Одо, епископа Байе, и Жоффруа, епископа Кутанса. У Кембриджа войска епископов отбросили отряды Ральфа, который отступил к Норичу, откуда отправился к тем самым датчанам, с которыми раньше воевал, за помощью. Датчанам было не до него, они делили наследство.

Как ни парадоксально звучит, единственное серьезное сопротивление силам епископов оказала юная жена Ральфа де Гвадера. В 1075 году ей

было 16 лет. Поскольку муж ее, по сути, бежал в Данию, Эмма осталась защищать себя и Норичский замок сама. Делала она это настолько успешно, что королевские силы предпочли с ней договориться о том, что она сдаст замок при условии, что и она сама, и ее войско свободно уйдет из замка, и в течение 40 дней покинет страну. Эмма Норфолкская со своим отрядом отбыла в Бретань, где позже и встретилась с мужем. В Бретани Ральф не успокоился, продолжая ссориться и мириться с герцогами и королями, но в 1095 он и Эмма отбыли в Палестину с Робертом Куртгезом. Они завоевывали Сирию и осаждали Никею, и погибли оба около 1096-го года, сражаясь в составе антиохской армии.

О собачках при средневековых леди

В Лидс Кастл есть любопытнейший музей средневековых собачьих ошейников, в котором собрано около ста экземпляров. Все они были подарены супругой историка – специалиста по Средним векам Джона Ханта, Гертрудой.

Разумеется, не может не возникнуть закономерный вопрос: каких же размеров были собачки, которые в таких ошейниках красовались? Все началось с охоты. Норманны были страстными охотниками, лесов и дичи в Англии хватало, а рачительный Вильгельм Завоеватель позаботился о том, чтобы все так и оставалось, лесные парки короли Англии хранили ревностнее, чем собственную казну. О том, как полезна собака при охоте, много распространяться не стоит – это очевидно. Так же, как очевидно и то, что наибольшей популярностью в средневековой Англии пользовались борзые (грейхаунды). Собачки, кстати, размеров весьма впечатляющих.

У борзых есть свои достоинства и недостатки. Нюх, скорость, свирепость к добыче и кротость к хозяину – это плюсы. Ограниченный запас сил, из-за которого борзых можно было спускать только тогда, когда дичь уже можно было видеть – это минус.

Аланты были куда сильнее, выносливее, да и мощнее. Эти собаки напоминали кавказских овчарок, и их можно было использовать как охранников. Скорее всего, они уже были в Англии к моменту завоевания (их, во всяком случае, точно завозили на остров римляне – 5 500 голов). Их сила позволяла использовать алантов в охоте на медведя или вепря.

Проблема этих псов была в их свирепости. Неизвестно, как они на своей исторической родине стада охраняли, но их английская ветвь пала жертвой отбора. Очевидно, разводя только злюк, люди как-то не подумали,

что результатом станет мощная зверюга, нападающая на все вокруг, от домашних животных до хозяина. Ничего удивительного, что эти хищники вымерли.

Мастиффы тоже были известны еще у римлян. Их тоже могли использовать в охоте на крупную дичь, но вообще их разводили как боевых псов и псов-охранников. Во всяком случае, в битве при Айзенкуре мастифф защищал раненого хозяина много часов и потом с триумфом вернулся на родину. Вместе с хозяином, живым и почти здоровым.

Из пород, способных вынюхивать добычу, популярны были гончие: мелковатые running-hound (типа современных фоксхаундов) и более крупные, лэймеры (предки бладхаундов). Вот эти собаки очень ценились за умение молчать до часа Х. Они могли абсолютно молча выследить добычу и привести к ней хозяев. Но игрушками они не были. Когда дело доходило до экшена, от команды этих псов даже крупного зверя не спасали быстрые ноги и крепкие копыта. Конечно, были терьеры – как же без них, охотников на крыс. Были харьеры. Мода на них пошла с 1260 года, когда сэр Элиас де Мидхоуп продемонстрировал свои экземпляры соседям во время охоты. И, наконец, спаниели, тоже серьезные собаки, появившиеся на острове вместе с кельтами. Или с римлянами. Или с крестоносцами. Есть разные теории, и у каждой есть свои адепты.

О том, что прекрасной даме иногда приходилось быть и храбрым рыцарем

Вообще, говоря о женщинах в Средневековье, невозможно обойти стороной жгучий вопрос о том, могла ли женщина быть рыцарем. Не просто защищать свое имущество и своих людей с оружием в руках, но быть формально членом рыцарского ордена? Могла. Поскольку большинство рыцарских орденов были организациями международными, покинем на время чисто английскую территорию.

В 1148 году Тортоза была сарацинской крепостью, которая контролировала морскую торговлю, а точнее, сильно ей мешала. Мешала настолько, что ее взяли штурмом соединенные силы англичан, французов и тамплиеров Англии, Франции и Испании, которые были собраны для участия во Втором крестовом. Руководил ими граф Барселоны Раймунд (Рамон) Беренгер IV. Потом начались проблемы. Поскольку поход был неудачен, начались внутренние распри, поиски виновных, и сарадины решили этим воспользоваться.

В 1149 году они атаковали крепость и город, и отражать эту атаку пришлось женщинам, потому что мужчины были заняты осадой Лериды. Это было потрясающе, потому что женщины благополучно отбились не от какого-то отряда мародеров, а от регулярных войск, и отнюдь не швыряясь камнями, а сражаясь в мужских доспехах. Когда подошли силы графа Раймунда, дело уже было сделано, и графу осталось только отблагодарить женщин Тортозы за доблесть, что он и сделал. Он основал для них рыцарский орден, который назывался *orden de la Nacha*, Орден Топора, *the Orde de l'Atxa* (основным оружием сражавшихся прекрасных дам был боевой топор). Замужним женщинам были даны одинаковые рыцарские права с их мужьями, незамужним – с их отцами и братьями. Это был боевой рыцарский женский орден, опознавательным знаком которого было изображение красного топора на тунике.

Дамы-рыцари. Из манускрипта «Странствующий рыцарь», 1400 год

Удивительно мало пишут об этом событии, поэтому многие о женщинах-рыцарях просто никогда не слышали. Членов ордена называли Cavalleras, Equitissae и Militissae. Для них была учреждена форма, напоминавшая форму капуцинов, они были освобождены от налогов, они получили право участвовать в тех же сборах, что и мужчины, сидеть выше их и передавать рыцарский титул по женской линии. Известно, что в 1472 году, при осаде бургундцами Бове, атака была отбита под руководством Жанны Аше, члена Ордена Топора. Орден никогда не был расформирован, и предполагается, что он исчез сам по себе, со смертью последней женщины-рыцаря. Если исчез.

У Ордера Рыцарей Святой Марии было несколько наименований: The Order of the Blessed Virgin Mary, the Order of Saint Mary of the Tower и the Order of the Knights of the Mother of God. Этот орден тоже был военным, но не был чисто женским. Основан он был Лодериго д'Андало в 1233 году в Болонье, и, несмотря на то что являлся орденом религиозным, принимал в свои ряды и женщин. Папа одобрил устав ордена, задачи которого были обозначены следующим образом: «...членам ордена дозволяется носить оружие для защиты католической веры и религиозной свободы, и они должны это делать по специальному призыву римской церкви. Для подавления гражданских волнений они могут иметь только оружие, предназначенное для защиты, и только по разрешению епископа».

Женщины в этом ордене носили звание *militissa*. Орден был предназначен для успокоения стычек между гвельфами и гибеллинами, в чем достиг довольно скромных успехов, и был распущен в 1558 году.

В орден Сантьяго со времени его основания (1175 год) принимали женатых рыцарей, и вскоре были созданы отдельные женские подразделения с женщинами во главе. Этих подразделений к концу тринадцатого века было шесть: Санта Эуфемия де Козуэлос в северной Кастилии, Сан Спириту де Саламанка, Сантос-о-Велло в Португалии, Дестриана около Асторги, Сан Педро де ла Пиедро в Лериде, и Сан Винсенте де Жункерес. Орден был основан для защиты паломников в Компостеллу, и его обязанностью было сражаться с сарацинами, но, помимо обязанностей военных, орден нес обязанности по сопровождению и устройству ночлега паломников. Женщины носили в ордене звание *commendadora*. Этот орден существует по сей день.

В Англии женские подразделения были у Ордена Госпитальеров. Женщин-рыцарей там называли *sœurs hospitalires*. Их крепость-монастырь в Бакленде существовала до 1540 года, когда, очевидно, была закрыта вместе с остальными монастырями. В Арагоне подобными конвентами были Сихена, Сан Сальвадор де Исо, Гризен, Альгвайре. Во Франции – Бьюли, Мартель и Ф’е.

Было женское отделение даже в ордене Калатрава, в Сан Фелисес де лос Барриос. Основанный в 1157 году орден воевал за королей Кастилии и Арагона с сарацинами. Необходимость в этом ордене отпала еще в 1492 году после взятия Гранады, но расформирован он был только в 1838 году.

Женщины были в Тевтонском ордене практически с самого начала. Они полностью принимали стиль орденской жизни и его дисциплину. В начальный период женщины ордена выполняли обязанности лекарского и обслуживающего персонала, но в 1190 году в Тевтонском ордене появились военные женские подразделения. Орден потерял влияние в 1525 году и был распущен в 1809.

Для женщин-аристократок в Европе были созданы следующие рыцарские ордена. Катарина Боу создала один во

Фландрии в 1441 году. Кем она была – трудно сказать, и об этом ордене не известно ничего, кроме того, что он был создан. Есть предположение, что Катерина Боу, скорее всего, принадлежала к Бургундскому двору. Через десять лет Изабелла, Элизабет и Мэри из рода Хорнов создали несколько монастырей, где женщины после 3 лет послушничества производились рыцарем-мужчиной в ранг рыцарей прикосновением меча и с обычными в таких случаях словами посвящения. Об этом упоминается у Дюканжа, то

есть эти ордена существовали еще в XVII веке. Он пишет в своем Глоссариуме о том, что этот обычай практикуется в Брабанте, в монастыре св. Гертруды. Об этих женских рыцарских орденах, их целях и задачах известно настолько мало, что даже неясно, существуют ли они в наши дни. В сущности, аристократия никуда не делась, титул рыцаря никуда не делся – о них просто перестали говорить в масс-медиа.

Немалую роль в попытке стереть участие женщин в военных конфликтах Средневековья сыграла политика. По мнению многих историков, конец пятнадцатого века стал переломным моментом в европейском «женском вопросе». Изменившаяся политическая и экономическая ситуации привели к тому, что отныне и на много веков роль женщины в обществе стала сводиться к роли подчиненной не только по букве, но и по духу. Ну а движение Реформации довершило начатое. Место женщины было определено где-то на уровне «церковь, дети, кухня», а женщины-рыцари прошлого, существование которых отрицать не получалось, были объявлены или сумасшедшими, или еретиками, а то и вовсе ведьмами.

Разумеется, в Англии был Орден Подвязки, который англичане абы кому тогда еще не давали. Тем не менее, рыцарями ордена между 1358 и 1488 стали 68 женщин: все консорты, все женщины королевской крови и все жены рыцарей Ордена – но не только. Поскольку отметка ордена делалась на могильных камнях его членов, известны практически все женщины-рыцари этого ордена, причем рыцарство в те годы отнюдь не было церемониальным, а всегда предполагало серьезную подготовку.

Достаточно часто можно встретить обсуждение того, почему так мало известно о военной тренировке женщин, о женщинах-рыцарях и вообще о женщинах-воинах Средневековья. Историки (Беннетт, Голдсмит, Лейзер) объясняют феномен тем, что не пишут про то, что само собой подразумевается, что является общей практикой, не заслуживающей какого-то особого удивления. От женщины-аристократки естественно ожидалось, что при необходимости она сможет с оружием в руках защитить тех, кто в ее защите нуждается. А без знания, практического знания воинского искусства, это было бы невозможным.

Совсем другой вопрос, как к вероятности подобной карьеры относились сами женщины. Историки очень любят анализировать на этот предмет немецкую полупоэму/ полубасню тринадцатого века – мэрэн под названием *Das Frauenturnier*, Турнир Благородных Дам. Сюжет сводится к тому, что женщины, воспользовавшись временной доступностью доспехов и оружия своих мужей и родственников, решают устроить турнир. Все

женщины берут для турнира имена своих мужей и родичей. Все, кроме одной. Побеждает в турнире бедная девица, чей отец-рыцарь слишком безденежен для того, чтобы дать за ней приданое. Очевидно, по причине полного ничтожества его имени, девица предпочитает назваться именем местного герцога. Когда герцог узнает о случившемся, он идет знакомиться с девицей, прославившей его имя, и дает 100 марок в качестве приданого, чтобы отец подыскал ей хорошего мужа.

Казалось бы, много из такого варианта «Золушки» не выжать, но для историка это не проблема. Историк Вестфаль-Виль обращает внимание на диалог о чести, который ведут между собой женщины перед турниром. Одна говорит о том, что честь женщины – это ее женственность, ее любовь к мужу, ее верность мужу. Вторая заявляет, что между честью мужчины и честью женщины нет никакой разницы, и что честь – это доблесть. Что самое интересное, произведение не высмеивает ни одну точку зрения, ни другую. Вестфаль-Виль отмечает еще одну особенность: все дамы сражаются успешно, даже та, которая поначалу отбрыкивалась, заявляя, что «никогда этого не делала». В анализе содержится еще масса интереснейших деталей, которые не имеют ни малейшего отношения к вопросу об отношении женщины к воинской доблести применительно к себе. Вывод же, пожалуй, может быть следующим: женщина должна быть доблестной, если у нее не остается другого выхода. Во всех остальных случаях традиционная женственная мягкость гораздо уместнее и предпочтительнее.

О «капитане Маргарет» и о том, где находится пресловутое место женщины

Для начала рассуждения о «средневековой женщине» имеют под собой не больше оснований, чем рассуждения о каком-то гипотетическом универсальном Средневековье. Не было тогда просто «женщин». Были дочери, жены, незамужние женщины, вдовы. И каждая категория имела определенные права и обязанности и определенный статус в глазах закона, который к тому же редко когда совпадал с реалиями жизни. Субъективное право или отсутствие оно – это одно, а умение или неумение конкретно взятой женщины пользоваться правами – это совсем другое.

Система общих законов (common law) средневековой Англии абсолютно не делает различия между правами и обязанностями мужчин и «свободных» женщин (femme sole) – то есть незамужних женщин и вдов. Такая женщина имела право владеть землей, даже в должности барона с военными обязанностями и представительством в парламенте. Она, в качестве феодала «в своем праве», могла приносить вассальную клятву, заключать контракты, делать завещания, вызывать на суд. И, соответственно, сама могла быть вызвана в суд. Например, леди Маргарет Бьюфорт в 1470-х годах выставила только по поводу одного опекуинства около 28 исков, а несколько раньше, в 1440-х, леди Алис Чосер, графиня Саффолк, была судима за дебош, который она и еще двое джентльменов (сэр Томас Тадденхем и сэр Джон Хейдон), все переодетые простыми горожанами, учинили в Нориче.

Замужняя женщина согласно закону передавала свое имущество мужу на период замужества. Или, если в браке рождался ребенок, на период жизни мужа. Если муж переживал свою жену, он имел право затребовать принадлежавшие ей земли по праву, именуемому «the curtesy of England», при условии, что брак был легален и что в браке был рожден ребенок (неважно, выживший или умерший на момент заявления права). В свою очередь, при заключении брака в контракте оговаривалась обязательная «вдовья доля» для новобрачной на случай смерти мужа. Плюс овдовевшая супруга имела права на те земли, которые ее муж приобрел или просто захватил во время их брака. Муж не мог исключить свою жену из завещания, закон гарантировал ей треть его имущества в любом случае.

Что касается дочерей, то их положение в семье ничем не отличалось от положения сыновей. До совершеннолетия (12 лет для девочек и 14 для

мальчиков) они вообще не рассматривались юридически независимыми личностями, то есть находились в полной власти своих родителей или опекунов. И будущее детей решалось так, как это соответствовало планам и амбициям их родителей с учетом, разумеется, блага ребенка.

Так что «место женщины» в структуре средневековой Англии определялось, скорее, особенностями ситуации, в которой женщина оказывалась, и особенностями ее характера, нежели какими-то определенными законом рамками, которым женщина была обязана соответствовать. В большинстве случаев девочка вырастала в женщину, естественно впитывая те социальные правила, по которым жили женщины вокруг нее и которым ее учили. От женщины ожидалось, что она, в первую очередь, как минимум не уронит честь своей семьи и честь семьи супруга, когда придет время жить своим домом. Что она будет обладать достаточными навыками и манерами, чтобы не оказаться среди других пресловутой черной вороной в стае белых лебедей. И что она, наконец, сумеет стать достойным партнером своему мужу, чтобы успешно разделить его ношу и заботы. Разумеется, реальная жизнь в этот обязательный минимум набора достоинств вносила свои коррективы.

В качестве примеров тех самых внесенных жизнью коррективов хорошо подходят жизни двух английских королев, Маргарет Анжуйской, супруги короля Генриха VI, и Элеаноры Кастильской, супруги Эдварда I.

Маргарет Анжуйская прибыла в Англию пятнадцатилетней девочкой, воспитанной своей матерью, королевой Неаполитанской, потому что батюшка будущей королевы, герцог Рене Добрый, то воевал, то был в плену. Герцогиня Изабелла, таким образом, правила вполне суверенно, как мужчина, без всяких скидок на женскую слабость. Бабка Маргарет, Иоланда Арагонская, была царствующей королевой Арагона, титулярной королевой-консортом Неаполя, герцогиней Анжу и прочее, и прочее. Это Иоланда дала денег армии Жанны д'Арк, обеспечив конечный триумф французов в Столетней войне, это Иоланда, по сути, сделала Шарля VII королем, не чураясь решительных действий в формировании окружения Шарля, используя информацию, получаемую от любовниц фаворитов дофина, убирая, при надобности, противников физически. Вот в какой среде была воспитана Маргарет Анжуйская.

Замуж за короля Генриха VI Маргарет выдавали по чисто политическим соображениям. Его отец, король-легенда Генри V, сделал то, о чем мечтали английские короли с времен Эдварда III. Он стал наследником короля Франции. И его сын был коронован в Нотр-Дам 17 декабря 1430 года.

Маргарет выдавали, таким образом, за короля Англии и Франции, и это была хорошая партия, хотя и требующая от новобрачной незаурядной дипломатичности. Но в реальности, к моменту ее замужества, дела англичан в завоеванных предыдущим поколением районах Франции шли неважно. Да и в самой Англии дела шли из рук вон плохо.

По политическим соображениям женили и самого короля Генриха VI. Не то чтобы в этом было что-то необычное, нет. Брак короля в принципе всегда был скорее альянсом, нежели союзом сердец, хотя с женами Плантагенетам обычно везло. Необычным в ситуации было то, что вопрос о браке короля и союзниках решали две враждующие между собой придворные фракции. К тому моменту, как в планах прозвучало имя Маргарет Анжуйской, некоторое количество невест уже обсудили. И дочь нового Императора Священной Римской Империи Альберта II (очевидно, это была Анна, родившаяся в 1432), и дочь Шарля VII Французского (очевидно, речь шла о Катерине, родившейся в 1428), и даже дочь Арманьяка (у него была только одна дочь, Бона, которая родилась в 1435).

В 1442 году сэр Роберт Руз и Томас Бэкингтон были подряжены начать переговоры и поручили некоему художнику по имени Ганс нарисовать правдивые портреты вышеупомянутых леди, чтобы король мог сделать выбор. Невеста Арманьяк отпала практически сразу: армия Шарля VII бродила у самых границ бывшего сенешаля Франции, и он страшно боялся открыто заявить себя союзником англичан, которые, не став вдаваться в тонкости, просто оскорбились. Этого брака особенно желал дядя короля, Хэмфри Глостер, который не воспринял легко крушение своего плана, заподозрив за этим крушением происки врагов. И здесь в общую картину вступил еще один персонаж, Уильям де ла Поль, граф Саффолк, который не без протекции другого могущественного вельможи, кардинала Бьюфорта, стал очень близким для молодого короля человеком. Глостер к 1442 году уже неоднократно пытался Бьюфорта свалить, но потерпел сокрушительное поражение. Именно через Саффолка кардинал Бьюфорт, который тоже приходился королю дядей, предложил племяннику портрет Маргарет, дочери Рене Анжуйского.

Красоту Маргарет славили тогда по всей Франции, но о членах могущественных семейств вообще принято говорить в превосходной форме, а внучка Иоланды Арагонской входила, несомненно, в ряды элиты на брачном рынке Европы. В любом случае невинный душой, сердцем и телом Генрих немедленно объявил, что он глубоко влюбился в портрет леди.

Честно говоря, подозрения Хэмфри Глостера имели под собой

солидную основу: кардиналу Бьюфурту на Маргарет указал не кто иной, как герцог Орлеанский, бывший пленник Англии, увидевший в этом браке двойную возможность. Во-первых, Маргарет была близкой родней Шарля Французского, и ее брак с английским королем принес бы обеим странам мир, на котором уже настаивал сам Святейший Престол в Ватикане. Во-вторых, Маргарет с детства имела довольно сильный характер, и была, несомненно, умна, что делало из нее идеальную спутницу слабому и витающему в собственных образовательных прожектах Генриху. Кардинал увидел третий плюс: умна-то умна, с характером-то с характером, но молода и неопытна, и, как истинная католичка, будет искать утешения в трудностях именно у него.

Хэмфри, герцог Глостерский. *Рисунок XV век*

И вышло так, что еще до того, как нога Маргарет Анжуйской ступила на английскую землю, ее репутации уже был нанесен ущерб: Хэмфри Глостер, не могущий себе больше позволить ущипнуть кардинала,

распустил сплетню, что Саффолк пылко влюблен в принцессу и поэтому хочет ее в Англию – понятно, с какой целью. Саффолку было в тот момент за пятьдесят, он был вполне счастливо женат на своей великолепной Алис Чосер, которую боготворил и уважал, так что вряд ли ему подобная любовь могла прийти в голову. Но сплетня была запущена и вскоре зажила собственной жизнью. Ведь это Саффолк подготовил почву для брака, рассказывая королю о Маргарет Анжуйской, Саффолк дал королю ее портрет, и Саффолк заключал брачный договор. И Саффолк действительно попал с королевской женитьбой в ловушку. Только не в ту, на которую намекал Глостер. Ловушку Саффолку расставил старый лис Рене Анжу. Невзирая на громкие титулы короля Неаполя, Сицилии, Иерусалима и Арагона, графа Прованса, и герцога Бара и Лотарингии, владел Рене только совсем небольшой территорией и держал свой двор в Нанси. И вот когда договорившийся уже со всеми сторонами Саффолк прибыл в Нанси с официальным предложением, Рене вдруг заявил, что рыцарская честь не позволяет ему отдать свою дочь за короля Англии, который владеет исконными землями семьи Рене: Анжу и Меном. То есть, проще говоря: отдайте мне и Франции Анжу и Мен – и получите дочку. К Рене присоединяется Шарль VII: отдайте Рене и Франции Анжу и Мен, и получите дочку Рене себе в королевы и мир с Францией.

И Саффолк согласился на обмен. Тем более что у него был мандат парламента, подтверждающий любые его действия. Как к такому договору отнесутся в Англии, он прекрасно знал, поэтому брачный договор держался в строжайшем секрете. В 1445 Саффолк от лица короля заключил брак по доверенности с Маргарет Анжуйской в Нанси, с Францией был заключен двухлетний мир, и Саффолк с женой доставили новую королеву на английскую границу, где ее встретил Ричард Йорк, который тогда был наместником короля во Франции. Собственно, именно жены Саффолка и Йорка и стали единственными знакомыми дамами для пятнадцатилетней принцессы, и эта дружба выдержала немалые испытания в будущем. Потому что и Алис Чосер, и Сесили Йорк относились именно к тому типу женщин, которых Маргарет привыкла уважать в собственной семье. Разница была в том, что и Алис, и Сесили были замужем за мужчинами могущественными, деятельными и энергичными, полностью соответствующими средневековым представлениям о том, каким должен быть настоящий мужчина. А мужем Маргарет стал человек «не от мира сего», обладающий лишь формальной властью.

23 апреля 1445 года Маргарет Анжуйская была обвенчана с 23-летним Генрихом VI в Тичфилд Эбби епископом Салсбери, который был

исповедником Генриха. Тогда она еще не знала, что для церемонии лошадей пришлось занять у епископа, а деньги выпросить у парламента, потому что сам король был абсолютно разорен, и казна королевства пуста. Вряд ли умная Маргарет также имела представление о том, как работает система английской ограниченной монархии. 28 мая королевская чета торжественно въехала в Лондон, где народ, ничего не знающий об условиях брачного договора, встретил красивую королеву с большим энтузиазмом и с маргаритками на шляпах (в честь ее имени). Парламент тоже ничего не знал, но о многом догадывался, поэтому там энтузиазма было гораздо меньше. Королеву короновали 30 мая с большой пышностью – и в долг, разумеется.

О том, в каком положении она оказалась при дворе, Маргарет узнала достаточно быстро. Она поняла, что ее муж никогда и ничего не делал по собственной инициативе. По собственной инициативе он только молился и учился. И вот в этот момент прозрения в противоборство вступили требования к ней самой, как к женщине и королеве. В нормальных условиях она должна была разделить с мужем его ношу, активно участвуя в его делах. Но Генрих не делал ничего и никакой ноши даже не замечал. Он царственно жаловал парадные мантии со своего плеча, которые его придворному штату потом приходилось выкупать, потому что денег на гардероб у короля не было. Он величественным жестом отметал все требования реформ в государстве, потому что считал, что король стоит выше требований. Он цеплялся за Бьюфорт, которое заняли вакуум в административном управлении, и не любил Хэмфри Глостера, который его теребил и что-то от него требовал. Маргарет поняла ситуацию так, что ей придется быть в этой стране и королевой, и королем.

Но для того, чтобы править, нужно иметь опору при дворе, и в качестве такой опоры королева выбрала Бьюфорт. Она нуждалась в ресурсах этого клана, а Бьюфорты нуждались в своей венценосной союзнице, потому что никакие богатства и политическая власть сами по себе не давали им власти формальной. Результатом стала смерть Хэмфри Глостера при настолько невнятных обстоятельствах, что повсюду заговорили об убийстве. И тень этого подозрения пала и на молодую королеву, тем более что она получила имущество Глостера. К тому же, к 1447 году вся Англия узнала, во что ей обошлась королева. Как назло, Маргарет никак не удавалось выполнить главную обязанность супруги короля: родить наследника и обеспечить королевству престолонаследие. Регистры передвижений королевы тех лет рассказывают о ее паломничествах к святыням, помогающим в этой задаче, и многочисленных

пожертвованиях. Король Генрих время от времени демонстрировал вспышки энергии, но в целом обладал темпераментом вяловатым, так что вмешательство высших сил в проблему продолжения рода не помешало бы. А пока наследника не было, королева сосредоточилась на создании собственного двора, активно защищая интересы своих придворных и наращивая собственное богатство, раз уж у ее мужа и в казне денег не было. Тем более, что ближайшими подругами королевы были богатая наследница Алис Чосер, представительница могущественного клана Невиллов Сесили Йоркская и своенравная Жакетта Люксембургская, знающая, как и когда надо брать свою судьбу в свои руки. Эти дамы знали о деньгах и власти все, и были, несомненно, близки по духу внучке Иоланды Кастильской.

Долгожданный наследник родился только 18 октября 1453 года, когда дела королевства были уже хорошо перепутаны. Франция была потеряна, Англия бунтовала, а сам король впал в странное кататоническое состояние. Ричард Йорк был назначен лордом-хранителем королевства и исполнял обязанности короля. Болезнь Генриха все объясняют по-разному. Кто-то считает, что король, утомленный постоянными проблемами и окончательной потерей Франции, впал в глубочайшую депрессию. Кто-то утверждает, что физическое перенапряжение вызвало у него небольшое кровоизлияние, в результате чего некоторые участки мозга безвозвратно пострадали. Кто-то намекает, что король не вынес правды об отношениях между женой и Сомерсетом, открывшуюся благодаря тому, что двор постоянно находился в движении, и любовникам стало сложно скрывать связь. Факт же о болезни короля известен только один: его состояние чрезвычайно напоминало «остекленевшее» состояние его деда, Шарля VI Французского. И таким он оставался долгих восемнадцать месяцев.

Крестили наследника престола со всей подобающей пышностью и называли Эдвардом. Только был в то время у королей (и не только) любопытный обычай: отец должен был публично признать ребенка своим, чего Генрих в его состоянии сделать никак не мог. Королева попыталась форсировать события через три месяца, притащив младенца Генриху в присутствии герцога Бакингема, но чуда не произошло. Генрих взглянул на наследника только раз и снова закрыл глаза. Поскольку при нынешнем дворе друзей у Маргарет практически не было, сплетни о том, что отцом ребенка королевы является один из Бьюфортгов, герцог Сомерсет, набрали такую силу, что дошли до наших дней. Очевидно, больше «свалить ответственность» было не на кого, а дела правительственные были у королевы под контролем действительно только благодаря Сомерсету, то

есть они были достаточно близки.

Законнорожденность ребенка при таком своеобразном отце, как Генрих, в любом случае была бы поставлена под вопрос, даже если бы Генрих признал его честь по чести: уж очень появление принца меняло в королевстве расстановку сил. Ричард Йорк больше не мог быть преемником или заместителем Генриха по праву рождения. Максимум, на что он мог рассчитывать – быть лидером оппозиции, требующей перемен. Воплощение в жизнь более сильных амбиций потребовало бы смены династии: проще говоря, открытого бунта против короны со всеми вытекающими последствиями. Зато теперь на первую роль в королевстве открыто выдвинулась королева Маргарет как мать наследника престола. Да, власть над мужем у нее была и раньше, и через его авторитет она более или менее двигала события так, как ей хотелось, но по мелочам, просто ради личного обогащения и комфорта. Теперь перед ней открылась куда как более широкая арена, причем без нужды прятаться за чьей-то спиной и формальным авторитетом.

В январе 1454 года Маргарет выдвинула требование, что управление страной должно быть передано ей, с правом назначать лорда-канцлера, лорда-казначея, шерифов графств и пользоваться Большой печатью. Королевский совет предпочел не ответить ни да ни нет, а просто обращение королевы проигнорировал. Но королева была уже реальной силой, и перед парламентом, назначенным на 13 февраля, лондонцы пытались не ассоциировать себя ни с одной из партий, нанося визиты и королеве, и Йорку, который во время болезни короля управлял королевством и управлял хорошо. Тем не менее, в Лондоне решили, что король, в принципе, в маразм не впал, поэтому 23 марта к нему в Виндзор отправилась целая делегация: епископы Или, Честер и Винчестер, графы Уорик, Оксфорд и Шрюсбери, виконты Бьюмонт и Бурше, приор Сент-Джона, и лорды Фальконберг, Дадли и Стортон. Они решили попытаться получить от короля указания относительно положения вещей – но тщетно. Король молчал. Он даже глаза закрыл, не желая, чтобы случайное выражение было истолковано как какая-нибудь реакция.

А под Рождество 1454 года король решил проснуться. Начал он, понятно, с посылки богатых даров в Кентербери и Сент-Эдвард. Маргарет же первым делом схватила принца в охапку и кинулась к мужу: ребенка, которому было уже 14 месяцев, давно было пора признать законным отпрыском своего отца. Генрих вежливо спросил об имени мальчика, о том, кто были его крестными, и потом, по обычаю, принес благодарность Богу, положив руку на голову принца. Формальность была соблюдена, но

существует исторический анекдот, что, выполнив ритуал формального признания, король пробормотал, что отцом принца является не иначе как Святой Дух. А на следующий год началось то, что мы знаем под именем Войн Роз, хотя этот романтический термин для кровавой гражданской войны придумал гораздо позже романист Вальтер Скотт.

Маргарет будет пытаться быть и королевой, и королем. Она будет собирать войска, искать союзников, искать средства для содержания армии. Она обратится к исконным врагам Англии и отдаст английские города, вынужденные открывать ворота своей королеве, на разграбление шотландцам. Она, как когда-то ее бабка, будет устраивать покушения на своих противников. Она познает горечь жизни в изгнании, смерти и измены друзей, непостоянство политических союзников. Она переживет и сына, и мужа. И станет королевой, которую по-настоящему боялись и по-настоящему ненавидели. Она станет «капитаном Маргарет», как называли ее Йорки, – то есть наместницей короля, хотя и не будет сама водить свои войска в атаку. Она станет душой и воплощением Войн Роз и самой ненавидимой королевой в истории Англии.

Насколько эта ненависть базируется на поступках Маргарет и насколько на том, что она вышла за рамки определенной для нее обычаями и ожиданиями гендерной роли? Но парадокс ситуации с Маргарет как раз и заключается в том, что ей пришлось выйти за рамки уготованной для нее роли, чтобы этой роли соответствовать. Чтобы принести честь и славу своему дому, королеве пришлось взять на себя функции короля. Возможно, если бы Маргарет преуспела в этой объединенной роли и принесла бы королевству мир и единство, история осудила бы ее не так строго. Но Маргарет не учили быть королем. Ее не учили государственной дипломатии, и страна, которую она приняла вместе с короной, знала до нее только двух женщин, пытавшихся править, – «императрицу» Матильду, дочь короля Генри I, и Изабеллу – «французскую волчицу», жену Эдварда II. Обе оставили по себе достаточно дурную славу, которая не могла не вылиться в негативное отношение к любой женщине, которая не захочет или не будет иметь возможности прикрывать свои действия именем и авторитетом супруга.

Элеанора Кастильская может быть примером средневековой леди, чья судьба оказалась противоположной судьбе Маргарет Анжуйской только потому, что при сходных обстоятельствах в ее жизни действовал фактор, которого не было у Маргарет: деятельный, толковый и активный муж. Элеанор тоже была непопулярна в Англии уже до своего прибытия, заочно, просто из-за того, что была иностранной принцессой. Англией тогда

правил король Генри III, известный своей щедростью. Поскольку земельные ресурсы даже в Англии не были неисчерпаемыми, английская знать обоснованно опасалась, что родственники и свойственники супруги наследника престола, которые придут вместе с ней, будут обласканы королем в ущерб своим, англичанам, как более-менее и получилось. Хотя брак наследного принца Англии с сестрой короля Кастилии был англичанам выгоден: в качестве приданого Элеанор были переданы права ее брата на Гасконь. Конечно, Генри III и так успешно отбил от претензий кузена (отец Генри и бабка Альфонсо были братом и сестрой), но кастильцы в тринадцатом веке были силой, с которой было разумно считаться, и король отправил своего наследника лично жениться на Элеанор, что не часто практиковалось в королевских семьях. Обычно браки такого уровня заключались по доверенности. Но для Генри III было важно, чтобы его сын был посвящен в рыцари своим потенциальным соперником в борьбе за остатки наследия Ангевинов.

На момент брака, 1 ноября 1254 года, Элеанор было около 13 лет, а ее новобрачному – на пару лет больше. Известно, что на следующий год после замужества она родила мертвую дочь, что неудивительно, учитывая ее возраст. С началом Второй Баронской войны Элеанор уже мобилизует лучников в провинции Пуатье, откуда была родом ее мать. Де Монфор настолько опасался ее активности, что в 1264 году посадил Элеанор под арест в Вестминстер – не очень типичный поступок в отношении женщины по тем временам. На следующий год был Эвесхем, Англия снова была в руках роялистов, и отношения Элеаноры и Эдварда стали очень близкими и стабильными. Элеанора твердо решила родить наследника, и ей это удалось весной 1268 года. Вообще за 36 лет замужества она родила 16 детей. Если вычесть первые девять лет после брака, в которые молодым было не до семейных отношений, и первые неудачные роды, то получится 15 детей за 25 лет.

Удивительная женщина: родив наследника престола и сразу на следующий год здоровую дочь, уже в 1270 году она с мужем отправляется в крестовый поход. В мае 1271 рождает в Палестине еще одну дочь (умершую осенью), а в апреле 1272 года – еще одну, Жанну Акрскую. Присутствие Эдуарда в Акре, куда он прибыл, собственно, один, потому что у союзников нашлись более насущные дела по поводу наследств и распрей в Европе, настолько раздражало берберов, что летом 1272 года они предприняли попытку его убить. Эдуард отбил, но получил ранение отравленным кинжалом в руку, и его спасло только вмешательство полевого хирурга и, если верить полулегендарной истории, первая помощь, оказанная женой. В

1272 году Эдуард с Элеанорой вернулись на Сицилию, где узнали, что король Генрих умер. Их короновали в 1274 году.

Став королевой, Элеанора быстро поняла, что любви от подданных ей все равно, как иностранке, не видать. Поэтому она позволила себе весьма необычное для королевы, но очень выгодное увлечение: она начала скупать земли, беззастенчиво выкупая у евреев-ростовщиков закладные баронов и забирая заложенные земли себе. Между 1274 и 1290 годом (когда она умерла), Элеанора собрала себе такое количество земельных владений, что они приносили ей 2 500 фунтов в год. Серьезные деньги, не говоря о том, что эти земли попали из-под владения ими баронами под руку королевской семьи. Управляла королева своими землями без сантиментов, что позволяло англичанам списывать жесткость правления Эдуарда на влияние жестокой королевы. Королевская чета не делала ничего, чтобы как-то это мнение изменить. Они вообще составляли блестящий тандем. Когда Кастилии понадобились войска, ни один человек не был отправлен туда из Англии, в Кастилию отправились гасконцы. Когда Эдуард прессовал своих баронов, королева советовалась и испрашивала разрешения по поводу любого административного движения со своей стороны у членов правительства. Элеанор никогда не позволила ни одному из мужчин своей семьи жениться на английских наследницах. А вот женщинам она устраивала браки с английскими аристократами, и уж делом короля было договориться о положенной законом «вдовьей доле» для невест. Очевидно, не без выгоды для себя.

Элеанор умерла не во дворце и не в монастыре. Эта удивительная женщина умерла в походе против шотландцев, по дороге в Линкольн, от квартаны – четырехдневной малярии, которой она болела с 1287 года. Про эту пару часто говорили, что они больше интересовались друг другом, чем собственными детьми, но это не совсем так. Принца Генри, умершего в шестилетнем возрасте, воспитывала мать Эдварда, Элеанора Прованская, которая имела на сына огромное влияние, но никогда не переходила дорогу невестке. Дочь Джоанну воспитывала мать королевы, причем она воспитала из внучки женщину с железным характером. Когда Джоанна овдовела, она тайком вышла замуж за простого рыцаря своего покойного мужа. На рыки отца молодая женщина твердила одно: если аристократу позволено жениться на бедной, то и аристократка может выйти замуж за бедного, но многообещающего молодого человека. И король сдался, признав брак и вернув Джоанне земли, которые в порыве ярости конфисковал.

Элеанора Кастильская. Рельефное изображение с гробницы

И пусть англичане не любили Элеанору Кастильскую, вспоминали они ее всегда с уважением. Более того, Эдвард I остался на страницах истории одним из немногих английских монархов, никогда не имевшим интрижек на стороне и не прижившим ни одного бастарда.

Две королевы, две нелюбимые на новой родине иностранки, близкие по складу характера, живущие в условиях гражданской войны и совсем не вписывающиеся в традиционную нишу, обозначенную для идеальной дамы-аристократки – и какие разные судьбы. Не потому, что одна была глупее или хуже другой, просто они вступили во взрослую жизнь в совершенно разных обстоятельствах. И каждая из них заняла то место, которое ей занять пришлось. И никогда, никогда средневековая дама не жила в пресловутой «хрустальной башне» той размеренной и изящной жизнью, о которой наставительно писала в своих нравоучениях Кристина Пизанская.

Глава вторая. Детство и образование

О некоторых особенностях средневекового образования

По какой-то загадочной причине в расхожем представлении о Средневековье прочно укоренилась мысль о том, что люди в те времена были сплошь безграмотны, и тем более безграмотны были женщины. На самом деле эта предполагаемая безграмотность – всего лишь миф, и доказательств противоположного существует масса. Сведений о средневековом образовании много, настолько много, что это даже сбивает с толку: с чего начать? Пожалуй, с раннего детства ребенка из аристократической (или просто дворянской) семьи, потому что одним из мифов о женской средневековой безграмотности является следующее утверждение: люди заучивали молитвы на память и не читали их, а просто произносили заучиваемое.

Мы знаем, что первым учителем ребенка чаще всего была именно мать, потому что чтение религиозных текстов домашним в средние века (и позже) было обязанностью хозяйки дома. Но с какого момента эта тенденция получила распространение? Во всяком случае, Часослов блаженной девы Марии совершенно точно был настольной книгой в замках знати, зачастую делался для определенного заказчика, украшался его гербом и бережно хранился в семье, переходя из поколения в поколение. Часословы делались в качестве свадебных подарков и заказывались в честь знаменательных событий как знак благодарности. Один из самых ранних из известных в Англии часословов был сделан в 1240 году для дамы, живущей в окрестностях Оксфорда.

Разумеется, под рукой матери средневековые дети находились недолго. Согласно педагогическим представлениям того времени, человек был малышом до 7 лет, ребенком – до 14 и молодым – до 28 лет. То есть максимум в семилетнем возрасте образование ребенка становилось обязанностью воспитателя или воспитательницы. Предполагалось, что к тому моменту хорошая мать уже привила воспитаннику базовые знания и интерес к литературе, которые, очевидно, имела сама. Путаницу в контексте средневековой Англии в вопрос о женской образованности вносят некоторые моменты.

Во-первых, сам концепт грамотности. Человек может уметь читать, не умея писать. Является ли он в этом случае грамотным? Человек может выучиться читать на незнакомом языке, не понимая ни слова из того, что

именно он читает вслух. Является ли он при этом грамотным? Во-вторых, оригиналы средневековых книг были написаны на латыни, которая была в средневековой Европе универсальным языком образованных людей – от королей до многочисленных чиновников и священников. Насколько хорошо и насколько широко благородные дамы были сведущи в латыни? И насколько им вообще необходима была университетская и юридическая латынь, если в их распоряжении всегда были секретари? Насколько им было необходимо умение писать по этой же причине?

С ранних Средних веков сохранилось довольно мало письменных источников, написанных женской рукой. Тем более источников академических, показывающих уровень образованности писавших. Мария Французская, поэтесса, прибывшая в Англию в свите Алиеноры Аквитанской, да и сама Алиенора, получили образование не в Англии. Дело в том, что образованная средневековая дама должна была уметь читать и анализировать на латыни классиков: Овидия, Горация, Эзопа, Виргилия. В идеале уметь писать к ним комментарии, владеть искусством риторики и логики – в придачу к владению грамматикой. И уметь складывать стихи. Не те, которые сделали бы авторессу бессмертной для восхищенной публики, вовсе нет (хотя здесь вопрос был, скорее, в том, нашла бы ученая дама для себя такого покровителя, как нашла в Генрихе II Мария Французская, и при французском дворе – Кристина Пизанская, или нет). Достаточно было изящно сплести слова для домашнего употребления, чтобы окружающие восхищались, а супруг гордился. Или просто для себя, как это сделала в 1440 году герцогиня Вустерская, подписав свой Часослов следующим образом:

This boke is myne, Eleanor Worchester
An I yt lose, and yow yt fynd
I pray yow hartely to be so kind
That yow wel take a letil payne
To send my boke is brothe home agayne

Обычная просьба вернуть книгу в дом герцогини, если она ее потеряет, но выраженная изящно.

Поскольку англо-норманнская культура была в Англии культурой, импортированной с континента и удивительно быстро интегрированной в местные условия и культуру, логично предположить, что критерии обучения и образованности – как для мужчин, так и женщин – сохранились

на новой почве идентичными с континентальными как минимум на период с середины одиннадцатого по середину тринадцатого веков, когда англо-норманнская знать еще принадлежала и Англии, и Франции, курсируя между островными и материковыми владениями. Нельзя, к тому же, забывать, что само по себе создание и приобретение книг в Западной Европе периода 500—1500 годов представляет собой особую область исторического изучения предмета, достаточно сложную, отражающую изменяющиеся политические и экономические условия и развитие самой письменности. В частности, в Ирландии в 600-х годах начали делать между словами пробелы, тогда как раньше их писали слитно, затем появились параграфы и регулировки по расположению текста. В общем и целом, и производство, и продажа книг были отраслью экономики, бизнеса, подчиняющимся правилам и регуляциям, стандартам своего времени и налогообложению. Уже в начале пятнадцатого века книги имели отдельные страницы с содержанием, страницу индексов, хедлайны и нумерацию страниц. А во второй половине пятнадцатого века в Англии всюду заработали печатные станки.

Что касается того, какое количество женщин в Англии имели собственные книги и библиотеки, то Сьюзен Грог Белл из Стэнфордского университета пошла по пути изучения описей имущества и завещаний женщин, не являющихся членами духовных сообществ и живших в 800—1500 гг. по всей Европе. Сведенные в таблицу результаты показывают рост женских частных библиотек в 51 – 200 книг, начиная с четырнадцатого столетия. Она связывает это с некоторыми техническими изменениями быта: появлением большого количества застекленных окон, замена огромных очагов в общем зале на сеть каминов в небольших комнатах, а также распространение в тринадцатом веке корректирующих зрение линз и увеличительных стекол для чтения. В то же время книги стали дешевле (и их стало гораздо больше) из-за нового стиля переплета страниц (*pecia system*), позволяющего как бы разбирать одну книгу на части, давая ее на переписку одновременно многим писцам.

Известно, что в Англии латинские тексты переводились на английский с достаточно ранних времен – с двенадцатого века, если не раньше. Уже во времена короля Генриха V английский язык был достаточно развит для того, чтобы на нем велась большая часть документации. Несомненно, английский язык стал и широко распространенным языком для партикулярной литературы, и уж совершенно точно французский язык был языком английских любителей чтения, потому что именно на нем писались многочисленные романы о девах и рыцарях, которые не несли особой

смысловой нагрузки, но были в захлеб читаемы по обе стороны пролива. И да, это были копии, написанные вручную. Кстати сказать, эти копии необязательно заказывались в монастырях. Графиня Клэр наняла в 1324 году на полный пансион писца к себе домой, который за четыре месяца сделал ей роскошную копию книги «Жития Отцов Церкви», получив в качестве оплаты восемь шиллингов (около 254 фунтов на современные деньги). А вот графиня Артуа, Маго, использовала услуги не переписчика, а переписчицы Марии, которая сделала ей в 1308 году копии «Троянских Войн» и «Персиваля» за семь ливров и десять су, а в 1313 году – копию «Утешений» Боэция за восемь ливров. Маго Артуа вообще заказала более 30 копий различных книг за период с 1300 по 1330 годы, по книге в год.

Известно, как воспитывали девочек в эпоху Ренессанса, или хотя бы некоторых из них. Принцесса Мэри, дочь Генриха VIII, была в трехлетнем возрасте обручена с французским дофином, и французский двор внимательно следил за образованием и развитием принцессы. Поэтому мы знаем, что 13 июня 1520 года, в возрасте 4 лет, она уже самостоятельно приветствовала французских послов, прибывших посмотреть на нее. Мэри развлекала их разговорами на французском, играла для них на клавесине и наслаждалась тем, что находится в центре внимания и может блеснуть. В связи с ее вторым обручением, мы знаем, что большую часть времени маленькая принцесса училась. Латынь, французский, итальянский, греческий, Платон, Сенека, Плутарх, Цицерон, Мор и Эразм Роттердамский, танцы, музыка, упражнения на воздухе, а в качестве развлекательного чтения – истории о Лукреции и Гризельде. И все это к девяти годам. Позже началось углубленное обучение. Конечно, принцесса – это принцесса, спрос с нее велик. И мы знаем, что программу обучения принцессы Мэри составляла ее мать, королева Катерина Арагонская, знающая латынь в совершенстве (потому что ее латыни, в свою очередь, основательно обучили) и твердо намеренная увидеть свою дочь на троне. Насколько типичным было такое интенсивное образование для девочек из знатных семей? Во всяком случае, модель для обучения Мэри получившая средневековое образование Катерина позаимствовала у Томаса Мора, модного ученого-гуманиста, который именно так обучал своих дочек. Но Мор не был аристократом, он был именно школяром. А Катерина Арагонская получила свое образование в Испании. Образование, к слову сказать, излишне академическое и явно не включающее искусство быть женщиной. Так что вопрос об уровне женского образования и в Англии времен Ренессанса остается открытым, не говоря о Средних веках.

Во всяком случае, мы знаем, что отцы дарили дочерям книги. Такой

подарок сделал Хью де Кортни, 10-й граф Девона, своим трем дочерям. Элеанор де Бохун, герцогиня Глостерская, умершая в 1399 году, завещала свою библиотеку двум дочерям. Сесили, герцогиня Йоркская, завещала свои книги внукам. Кстати говоря, женщины обычно предпочитали дорогие, рукописные копии, но сестра Эдварда IV, Маргарет, покровительствовала книгопечатнику Какстону и даже помогла ему перевести с французского на английский «Историю Трои». Маргарет Йоркская вообще была книжницей и большой умницей. О начитанности Маргарет Бьюфорт и ее любви к книгам известно достаточно хорошо, хотя сама она не раз досадовала, что основательного знания латыни, которое позволило бы ей свободно писать на этом языке, у нее не было.

Христианские моралисты, кстати сказать, относились к обучению девочек очень положительно. «Закажи буквы для нее и храни их в коробочке из слоновой кости или дерева», – писал св. Джером матери новорожденной дочери в четвертом веке. «Учи ее им, и когда она неверной рукой начнет писать, руководи ее рукой или сделай образцы прописи». Франческо де Барберино, итальянский юрист и поэт конца тринадцатого – начала четырнадцатого столетия, написавший трактат «О правилах и манерах для леди», считал естественным, что женщина будет ответственна за начальное и моральное образование своих детей – и дочерей тоже. «Учи ее писать и читать, и если ей придется в будущем управлять хозяйством, приобретенная мудрость укрепит ее природный ум». Кстати сказать, ученый муж прямо рекомендовал, что девочек должны обучать женщины, что говорит о том, что социум должен был поддерживать на определенном уровне количество достаточно образованных для преподавательской работы женщин.

Как именно обстояло дело со знанием подобных идей относительно женского образования в Англии, точно сказать просто невозможно. Но есть косвенные доказательства. Во всяком случае, культ св. Анны, обучающей деву Марию чтению, пришел во Францию именно из Англии. Культ, изображающий моменты обучения в иллюстрациях, в скульптурных группах, на витражах. Откуда и почему? Идея явно не была взята из библейских источников, потому что по ним Анна и Иоахим отвели Марию в храм, когда той было всего три года. Тем не менее, алтарная картина в доминиканском приоре в Тетфорде, включающая сценки из жизни девы Марии, показывает св. Анну обучающей дочь читать – причем на латыни. Скорее всего, заказчиком и патроном работ был Генри Ланкастерский, и дело было в 1335 году. Текст, который изучает св. Мария, представлен на картине ясным и для зрителя. Это очень интересный текст из псалма 45:10,

текст обращения к дочери и наставления в том, что дочь должна быть посредником между своей семьей и мужем: «Hearken, dauther, and see and inclin thine ear, for the king has desired thy beauty». Интересным его делает то, что в нем отсутствует призыв забыть своих людей и дом своего отца, который есть в оригинальном тексте псалма: «Hearken, O daughter, and see, incline thine ear, And forget thy people, and thy father's house, And the king doth desire thy beauty, Because he [is] thy lord – bow thyself to him». То есть, в «Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего, И возжелает Царь красоты твоей; ибо Он Господь твой, и ты поклонись Ему» отсутствует фраза «и забудь народ твой и дом отца твоего», и вовсе не за недостатком места. В варианте Тетфордского приората св. Анна наставляет св. Марию таким образом выступать посредником между человечеством и небесным супругом, энергично указывая на слово «царь» в тексте.

На миниатюрах того периода действительно книги находятся именно в руках женских персонажей, не мужских. Дева Мария часто держит в руках книгу, и на миниатюре 1220 года одна из женских фигур, изображающая Истину, тоже изображена с книгой в руке. В церкви Всех Святых в Йорке сохранился витраж, подаренный в 1420 году сэром Николасом Блэкбурном, мэром города, где тоже изображается св. Анна, обучающая деву Марию, причем моделью для образа св. Анны послужила леди Маргарет Блэкбурн, а моделью для девы Марии – одна из дочерей сэра Николаса, Изабель или Алис. Эта семья интересна тем, что Маргарет Блэкбурн не была по рождению ни леди, ни, тем более, принцессой. Маргарет Ормшед, как и ее муж, была из семьи богатых землевладельцев в графстве Ричмонд – и тем не менее была основательно образованной женщиной.

Тем не менее мы не можем знать, являются ли изображения, о которых шла речь выше, отражением широко распространенной в жизни практики, или они были задуманы в качестве образца для подражания матерям, наставляя их на путь образованности, которую они должны были передавать своим детям. Возможно, они были и тем, и другим, являя собой моральный идеал общества того времени. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что ничто не появляется из пустоты. Если в истории сохранилось огромное количество документов, свидетельствующих о чрезвычайной образованности представительниц английской аристократии и джентри в эпоху уже ранних Тюдоров, то эта образованность просто не может не быть результатом ранее существовавшей, работающей и хорошо развитой системы образования.

Св. Анна, обучающая деву Марию. Изображение с витража церкви Всех Святых в Йорке. *Около 1420 года*

Можем ли мы сделать из всего этого вывод, что люди Средневековья вполне отдавали себе отчет в том, что знание – это добродетель и что невежественный человек не может соответствовать требованиям времени? Разумеется. И, хотя здесь идет речь о представительницах «привилегированных классов», как говорится, для полноты картины нельзя не упомянуть о том, что работа по распространению грамотности среди населения велась на всех уровнях. При всей неоднородности городского социума и дети буржуа, и дети ремесленников в двенадцатом – четырнадцатом веках начинали свое образование одинаково, в элементарных школах, куда ходили и бедные, и богатые, и мальчики, и девочки. Некоторые получали это образование дома, у профессиональных учителей, но все-таки чаще всего в обычной школе, хотя бы и в сопровождении наставника. Известно, что все программы элементарных школ были практически идентичными, обучение проводилось без разделения школьников, и женщины преподавали в этих школах наравне с мужчинами, что уже говорит о наличии хорошо образованной прослойки среди женского населения средневековой Англии. Практика частных школ была введена во Фландрии и Италии только во второй четверти четырнадцатого века. Оттуда она распространилась по другим странам. Школы, таким образом, разделились на муниципальные и частные, и именно тогда начали раздаваться голоса о необходимости разделения детей.

О том, получали ли хоть какое-то формальное образование крестьянские девочки, не осталось никаких записей. Но здесь вопрос был не только и не столько в том, кого и чему учить, сколько в государственной политике. Потому что тенденция оттока образованного населения из села на работы в замки, в города и в бюрократический аппарат существовала уже в Средние века, а необходимость обеспечить сельское хозяйство достаточной и компетентной рабочей силой была очевидной для всех. В принципе, за образование на селе в первую очередь отвечали местные священники, но есть предположение, что крестьянам знания передавали нарративно, устно, как это было принято еще в одиннадцатом веке во всех слоях населения. Во всяком случае, в крестьянских хозяйствах вообще не существовало никаких разделений обязанностей для детей на женские и мужские, и трудно предположить, чтобы девочки были исключены из существующей системы образования, в каком бы виде она ни существовала. Во всяком случае, писать, читать и считать крестьяне не

могли не уметь – этих навыков требовал их стиль жизни, подразумевающий ведение не самых простых учетных книг.

Но академическая грамотность – это всего лишь часть того, что мы называем образованностью. Для того чтобы успешно занять место хозяйки замка или поместья, девушка должна была, как минимум, иметь практические навыки ведения обширного хозяйства, управления штатом, умения развлекать гостей и свою семью, а также уметь «поставить себя», что называется. Однобокость образования и тогда не считалась хорошим делом. Достаточно заглянуть в роман Хельдриса Корнуэльского «Тишина», чтобы понять, какие требования общество и обстоятельства уже того времени предъявляли к женщине, и насколько сложно было совместить одно с другим, чтобы получить удовлетворительный результат.

Роман был написан в тринадцатом столетии, и определить его по жанру можно как средневековое фэнтези. Это роман о девушке, которую родители вырастили как юношу. Дело было в том, что в романе король запретил девушкам наследовать за родителями, поэтому история и закрутилась. Тишина, Сайленс – такое имя было дано девушке, которая, подрастая, думала отнюдь не о любви и замужестве, а о том, сможет ли она стать добрым рыцарем. И, если закон о наследовании будет изменен, и ей больше не придется скрывать свой пол, сможет ли она быть хорошей женщиной, не умея ни шить, ни вышивать?

По литературным обычаям того времени, Обучение в паре с Рассудком и Природа ведут длительные дебаты, показывающие полный хаос в душе Сайленс. Она знает, что умение махать мечом – это, конечно, дело славное и нужное, но оттого, что ее воспитали мальчиком, ее женская составляющая никуда не делась. Девушка подспудно понимает, что не сможет всю жизнь прожить в образе мужчины, что никакое состояние не стоит потери своего «я». И четко осознает, что составляющие воспитания для ее истинного «я» ей преподаны не были. Ее научили стремиться к совершенству как рыцаря, и ей больно оттого, что как женщина она от совершенства далека.

Чтобы разорвать порочный круг, Сайленс принимает радикальное решение. Она убегает с менестрелями, потому что менестрелем может быть и женщина, и мужчина. И потом одерживает всяческие победы и как менестрель, и как рыцарь, и попадает в конце концов ко двору того самого короля, глупое распоряжение которого превратило ее жизнь в постоянное сражение самой с собой. Под личиной славного рыцаря и искусного менестреля Сайленс становится настолько популярной, что этого рыцаря (вернее, образа рыцаря) начинает добиваться королева Юфимия, которая в

конце концов лживо обвиняет всеобщего любимца в изнасиловании.

Поскольку Сайленс не может рассказать, что она никак не могла изнасиловать даму, ей приходится принять наказание: отправиться на поиски Мерлина, которого, как известно, могла поймать и пленить только женщина. И, разумеется, Сайленс Мерлина поймала, но он всем открыл, что храбрый рыцарь – это на самом деле храбрая девица, а вот королева Юфимия водит шашни с мужчиной, который притворяется монахиней. Так что король в конце концов не просто отменил свой несправедливый закон, но и женился на Сайленс. Это, возможно, и есть то самое, для чего написан весь роман: король, имея в женах склочную, лживую и порочную женщину, потерял уважение к женщинам вообще и поэтому запретил наследницам наследовать за родителями (хотя в романе явной причиной выводится смертельный поединок между двумя рыцарями за руку наследницы). Встретив создание талантливое, чистое и благородное, он отменил несправедливый закон. Заметьте посыл: поведение твоего мужа отражает твое совершенство или отсутствие такового.

Так что да – для того чтобы с достоинством зваться дамой, средневековая девочка из аристократической семьи должна была пройти такую школу, перед которой трудности современных бизнес-вумен как-то меркнут. А может быть, и не меркнут. И в наше время социально успешные женщины являются объектом наветов и сплетен. Женщин, преуспевших в карьере, небрежно обвиняют в том, что они не умеют шить и вышивать. Женщин, отличившихся на войне, с гнусной ухмылкой обвиняют в распущенности. И в наше время женщина разрывается между семейными, профессиональными и социальными требованиями и ни на минуту не может достичь того идеала, который устанавливают масс-медиа, все время поднимающие планку. Нельзя даже сказать, что в наше время над женщиной хотя бы не висит опасность в любой момент оказаться вовлеченной в локальную войну. Висит, к сожалению. Разве что наше образование меньше подготавливает нас к сюрпризам реальной жизни, а Мерлин, который мог бы все расставить на свои места, похоже, наглухо забаррикадировался в своей пещере.

Об ученых дамах и истории Средневековья

Очень многие предвзятые мнения относительно образованности средневековых женщин берут свое начало в девятнадцатом веке, когда целая плеяда женщин-историков стали писать многотомные сочинения по «женскому вопросу» в контексте истории. Пожалуй, в числе первых из них были Агнес и Элизабет Стрикленд, за ними последовали Мэри Энн Эверетт Грин, Алис Стопфорд, Люси Тамлин Смит, Джорджиана Хилл, Лилиан Ноле, Эйлин Пауэр и многие другие.

Эти исследования были далеко не идеальны и по нескольким причинам. Во-первых, дамы, которые их писали, не всегда затрудняли себя работой с архивами. Яркий пример тому – монументальный труд Джорджианы Хилл «Women in English Life from medieval to modern times». Она резво перескакивает из седьмого-восьмого веков прямиком в конец пятнадцатого – начало шестнадцатого столетия, упомянув пару образованных саксонских монахинь и переходя сразу к леди Маргарет Бьюфорт. Относительно остальных Хилл отмахивается заключением, что средневековые дамы из-за плохих дорог сидели в своих поместьях, так что это вынужденная изоляция обращала их к учению, а не требования социума. И что поскольку рукописные манускрипты были дороги, то вряд ли в Средние века вообще много читали.

Комментарии излишни, но можно ли многого требовать от дамы, начавшей с издания рецептов приготовления кролика и пудингов? Хилл была образованной дамой, бесспорно, но не настолько образованной, чтобы делать выводы о таком масштабном предмете, как средневековое образование и образованность. Она могла бы задуматься над тем, какое количество переписчиков было при каждом монастыре, и о том, что отнюдь не все рукописные манускрипты были украшены персонализированными и драгоценными миниатюрами. Не говоря уже о том, что высший класс всегда имел неплохие библиотеки по темам от библейских до управленческих, включающие солидное количество трудов по истории и медицине, романы, всевозможные астрологические таблицы, третизы по темам охоты и ведения войны. Мы знаем, что Генрих V занимал редкие книги у графини Уэстморлендской, мы знаем о библиотеке Маргарет Бьюфорт, герцогини Йоркской, и даже Элизабет Вудвилл имела свою библиотеку, о чем свидетельствуют подписанные ею книги. И это только примеры навскидку, в действительности вряд ли был хоть один замок или

одно поместье, в котором вообще не было книг. Другой вопрос, что писцы, нанимаемые знатью, не всегда отличались точностью в копировании текстов, так что появление книгопечатания, несомненно, не напрасно получило сразу высоких покровителей. Женщин, в случае Англии.

Совершенно отдельно в плеяде ученых дам девятнадцатого столетия стоит Каролина Амалия Халстед (Аттхилл в замужестве), написавшая в 1839 году биографию Маргарет Бьюфорт (Life of Margaret Beaufort, Countess of Richmond and Derby). Эта дама умела работать с источниками! Биографию родоначальницы династии Тюдоров она написала, работая, помимо прочих архивов, с личным архивом графов Дерби (семейства Стэнли), и на сегодняшний день именно данная биография является наиболее заслуживающей внимания и наиболее основательной. Не случайно Халстед указала своим соавтором саму Маргарет Бьюфорт. К сожалению, Халстед, историк, уже в начале девятнадцатого века пришедшая путем анализа всех мыслимых существующих архивов именно к той картине внешнего вида и личности Ричарда III, которую мы имеем сейчас благодаря раскопкам и более современным авторам, практически забыта и крайне редко цитируется. Она просто разделила судьбу женщин-историков, которые не имели по очевидным причинам научных степеней и которых влиятельный историк Чарльз Росс заклеил «группкой любителей, ведущих войну против профессионалов». Забавно, что ее труды явно используются современными авторами, теми самыми профессионалами, не забывающими хотя бы включать работы Халстед в библиографии, но ее имя практически никогда не упоминается вслух в ряду тех, кто внес свой вклад в нашумевшие исторические исследования.

Доступ к архивам в девятнадцатом веке не был простым и легким квестом. Сестры Стрикленд пытались получить доступ у лорда Джона Расселла и наткнулись на твердый отказ. Позже к архивам их все-таки допустили, но этот эпизод проливает свет на трудности, с которыми сталкивались женщины-историки, которые пытались писать историю женщин. Мэри Энн Эверетт Грин повезло в ее ученой карьере больше, и она не только сразу же получила доступ к архивам, но и встретила важных для ее карьеры покровителей. Кроме того, путешествуя с мужем-художником, она проштудировала все заслуживающие внимания архивы других европейских стран. Именно ее работа «Lives of the Princesses of England: from the Norman Conquest» может рассматриваться как наиболее фундаментальная для тех лет, но здесь всплывает другая причина, по которой работы викторианских историков порой далеки от совершенства. Политика.

Еще Агнес Стрикленд возмущалась тем, что «все прислуживает политической системе», и мы прекрасно знаем, что так оно и есть по сей день. Нет, необязательно из-за чьего-то злого умысла, хотя Эйлин Пауэр в начале двадцатого века была вынуждена многое урезать и пригладить в своей работе «Medieval Women», которая и без того не поражает своими объемами, потому что издатели сочли эссе неуважительным к женщинам, к церкви и к правилам приличия. Средневековая раскрепощенность оказалась просто неприемлемой для общества, в котором на тот момент поддерживались консервативные моральные ценности. Впрочем, Эйлин Пауэр является представительницей уже принципиально нового поколения средневековщиков-феминистов – тех, кто с 1890-х годов стали изучать «женский вопрос» с точки зрения экономической и социальной истории: профессор Лилиан Ноле, бизнес-леди и феминистка Алис Кларк, Иви Пинчбек. Термин «феминистка» здесь очень важен, потому что именно феминизм как идеология зачастую мешает женщинам-историкам абстрагироваться от штампов восприятия любой системы как системы, подавляющей женщину. Если Джорджиана Хилл, восторженно относящаяся к прогрессу, попросту решила, что раньше все было темно и ужасно, а сейчас все хорошо и будет еще лучше, то ученые леди, жившие во времена, последовавшие за индустриальной революцией и среди потрясений начала двадцатого века, не смогли удержаться от искушения искать в жизни средневековой дамы некий идеал, которого, конечно же, никогда не существовало.

То есть не существовало на практике. В теории же женщин, разумеется, учили, какими они должны быть в идеале. Причем самой модной в Англии была книга, написанная именно женщиной, вопреки ироническому замечанию поэта Чосера, что все книги о женщинах написаны мужчинами. Кристина Пизанская была явлением интернациональным. Итальянка по происхождению, живущая во Франции четырнадцатого – пятнадцатого столетий, она была самой читаемой писательницей по всей Европе. Автором бестселлеров, как бы сейчас сказали. *Le Livre des Trois Vertus*, Книга о Трех Добродетелях, была написана в 1405 году для женщин, но читали ее и мужчины. Кстати, уже сам факт, что находящаяся под покровительством французского королевского двора профессиональная писательница писала для женщин, говорит о том, что среди целевой группы тех лет существовал достаточно обширный читающий контингент.

О трех добродетелях, или руководство к тому, как стать истинной леди

Эта монументальная книга является продолжением более философско-полемиического сочинения «О Ераде Женском», но для современного читателя и с практической точки зрения она куда как интереснее, чем многоступенчатый диспут о том, что женщина ничуть не хуже мужчины. Потому что «Книга о трех добродетелях» – это и руководство к действию, и обзор многочисленных обязательств, с которыми средневековая дама должна успешно справляться. Слишком часто можно услышать, что средневековых аристократок не учили ничему, кроме элементарных знаний и умения управляться с хозяйством и детьми. Поэтому имеет смысл подробно рассмотреть то, что именно включало это «управляться» и какого уровня интеллекта оно требовало.

Три Добродетели – это Рассудительность, Честность и Справедливость, и все советы в книге даются именно от их имени. Не то чтобы из скромности автора, просто в те века это было законом жанра. Там, где современный автор употребляет загадочное «мы», авторы-гуманисты средневековья писали от имени Добродетелей и прочих сущностей, стоявших как бы над человеческими несовершенствами.

Первый призыв Трех Добродетелей к женщинам – учиться, и первым уроком должна быть любовь к Богу и богобоязненность. Логика урока проста: поскольку великие леди подняты Божьей милостью и удачей над другими людьми, то они должны быть обеспечены и самой лучшей духовной пищей. Любить Бога надо за то, что он дал. Создания Божьи, которые любят его, следуют по его стопам, которые по определению добродетельны. Бояться Бога надо за его божественную и святую справедливость, которая не оставит безнаказанным ни одного несправедливого деяния.

Три Добродетели предупреждают, что на праведный путь время от времени падают тени греха и соблазна.

В принципе, отнюдь не всегда высокорожденная леди просыпалась «между мягкими простынями, окруженная изысканными атрибутами и всем, что угодно для телесного комфорта, окруженная коленопреклоненными прислужницами, готовыми немедленно исполнить приказ, отданный одним взглядом или невнятным словом». Мы знаем, что высокорожденные леди, хозяйки замков и даже королевы нередко

просыпались в походных палатках, а то и на крепостных стенах под звуки начинающегося штурма. Но здесь речь идет о другом. Речь идет об искушении почувствовать себя лучше других, за которым может последовать искушение вспомнить о нанесенных обидах и почувствовать себя вправе отомстить за эти обиды сладко и основательно. Речь идет об упоении властью, и эта тема никогда не теряла актуальности.

Кристина Пизанская презентует свою книгу королеве Изабелле Баварской. *Миниатюра начала XV века*

И что хорошего может последовать из мстительности, тщеславия и праздности, рассуждают Три Добродетели. Ты можешь собрать столько денег, что сможешь купить чью угодно дружбу, и удовлетворить любую свою прихоть. Ты можешь платить своим слугам гроши, но они все равно будут прислуживать тебе в надежде на лучшее. Кто посмеет послушаться тебя, и какой вес будут иметь плохие слова о тебе? Короче говоря, у тебя будет все – кроме радости от этой жизни, потому что никто не может быть счастлив и удовлетворен, если он не заработал это счастье и

удовлетворение. Только легкое сердце дает счастье и радость в жизни. И только любовь Бога и богобоязненность могут рассеять тени Искушения. Только Бог в своем милосердии напомним тебе, что ты – слабое создание, подверженное болезням и страстям, что твое тело смертно. Так чем же ты превосходишь остальных? Рецепт рассеивания чар Тщеславия Три Добродетели видят в труде. «Безделие – мать всех грехов и жестокая мачеха всем добродетелям», – говорят они. Интересна мысль и о том, что самоуничтожение перед Богом, потому что только перед ним может высокородная леди чувствовать себя жалкой и недостойной, является своего рода уравнивающим властью фактором.

Путей любви к Богу и спасению два, объясняют Добродетели. Первый – умозрительный. Абсолютно забыть все – родителей, семью, себя саму – и думать каждую секунду своей жизни только о Боге, вот что такое умозрительный путь. Второй путь служения Богу – путь активной жизни. Нужно быть милосердной, учат Добродетели. Нужно служить людям, помогать, по возможности, больным и бедным, не щадя себя. Нужно любить людей, печалиться их бедам, радоваться их радостям, как если бы они были собственными. Добродетели явно предпочитают активный путь служения Богу пути созерцательному – ведь от него больше пользы окружающим. Тех, кому ближе по духу путь созерцательный, Добродетели утешают примером Марии Магдалены, которая только сидела у ног Иисуса в тот момент, когда ее сестра Марта хлопотала по дому, но, тем не менее, была занята не менее важным делом. Однако, предупреждают они, прежде чем выбрать свой путь, высокородная леди должна обдумать несколько моментов. Во-первых, нужно подумать о сильных и слабых сторонах своей собственной личности. Если женщина чувствует, что созерцательный путь служения Богу ей не под силу, она не должна отчаиваться – ведь когда Господь говорил, что богатым не будет спасения, он говорил лишь о тех, кто богат без добродетели. Он говорил, что блаженны нищие духом, те, кто не считает себя выше прочих по праву богатства, но служит людям.

Второй урок Трех Добродетелей заключается в том, что настоящая принцесса/леди должна блюсти честь своего общественного положения. Что означает, что она должна «контролировать свое сердце, не давая ему наполниться гордостью и высокомерием». Настоящая леди будет настолько кроткой, что даже мысленно не возжелает наказать тех, кто поступил по отношению к ней плохо. И если так случится, что ее обидчики пострадают, она пожалеет их и будет им сострадать. Настоящая леди будет сильна в своем мужестве и крепка в своем спокойствии, она не будет обращать внимания на уколы завистников. Истинная леди будет всегда в глубине

души верить, что, будучи созданием грешным и слабым, она в какой-то мере заслуживает упрека. Такое поведение будет прекрасным примером для менее значительных персон, ведь, как сказал св. Григорий, «как роза цветет и благоухает среди шипов, так терпеливый человек победно красуется среди тех, кто пытается обидеть его».

Истинная леди будет помнить слова св. Павла, что никакое поклонение Богу, никакое поклонение святыням и дары монастырям не помогут тем, кто не имеет сострадания в сердце своем. Настоящая принцесса не ограничится сожалением в сторону тех, кто страдает, но засучит рукава и поможет страдальцам сделать их жизнь лучше. Она также не будет просто откупаться деньгами на благотворительность, но пойдет к людям с утешением и добрым словом. Таким же образом, как благотворитель, леди будет посредником между своими людьми и своим мужем.

Ведь может так получиться, что муж, по стечению обстоятельств (или следуя дурному совету), может начать притеснять подданных. В этом случае люди должны знать, что их леди настолько сострадательна и чиста, что придут к ней со своими горестями. И те, кто случайно обидел хозяина словом или делом, тоже придут к ней, как и те, кто ищет награды и повышения. И настоящая леди никогда не откажется их выслушать и никогда не заставит их ждать. Она заверит своих подданных, что сделает все возможное, и попросит их сохранить веру и лояльность своему лорду. Она сделает так, что люди уйдут от нее успокоенными и уверенными, что она не оставит их. А мужу она представит ситуацию, обосновав, почему она просит и почему ему необходимо ответить на петиции положительно, и сделает это кротко.

А если случится так, что принц, муж истинной леди и принцессы, рассорится со своими баронами, настоящая леди должна задуматься о том, сколько зла и разрушения принесет такая ситуация, обратить мысли к Богу с просьбой о совете и попытаться найти пути примирения. Она должна убедить супруга и его советников, что кровопролитие – великое зло, и не должна медлить со своими словами. В крайнем случае, она может попросить кого-то говорить от своего имени.

Добродетели предупреждают леди, что она не должна перепоручать благотворительность никому из своих подданных, никаким раздатчикам милостыни, которые должны быть только исполнителями ее воли. Она должна знать, где и кто в окрестностях нуждается в помощи: благородные люди, сраженные болезнью или терпящие тяжелые времена, бедные вдовы, арендаторы, бесприданницы, роженицы, бедные студенты, нищие священники. Она будет сама посылать своего раздатчика милостыни к этим

людям, тайно, как св. Николай, делая им подарки и не показываясь при этом сама. А леди будет нести моральное облегчение – посещать бедных и несчастных и утешать их словом и прикосновением.

Все это означает, что принцесса должна уметь управлять своими финансами. И это не означает, что она должна раздавать все, что имеет. Леди, несомненно, должна иметь средства на то, чтобы поддерживать свой статус, если эти средства принадлежат ей законно и не выкручены непосильными поборами с ее людей. Принцесса всегда должна оплачивать работу слуг, делать подарки, когда это уместно, и платить свои долги и прочие положенные ей по статусу повинности. Нет смысла в благотворительности, если она делается в долг. Лучше воздержаться от покупки еще одного наряда и еще одной драгоценности, если их и так слишком много. Но принцесса должна помнить притчу о том, как некоторые люди раздавали все, что имели, бедным, а потом умирали с голоду, а тот, кто был умнее и наблюдательнее, обеспечивал свои будущие нужды.

Добродетель Рассудительность хочет отдельно научить истинную леди тому, как блюсти свою репутацию и честь своего имени, что означает иметь хорошие манеры и благонравное поведение. Честь дороже жизни, утверждает Рассудительность, потому что тот, кто умер хорошо – спасен, а тот, кто запятнал себя бесчестьем, мертв дважды – и заживо, и в памяти. «Добрая репутация для леди – как благоухание, распространяющееся повсюду, чтобы люди могли вдыхать его», – продолжает Рассудительность и затем переходит к практическим указаниям того, как и что должна делать принцесса, чтобы благоухать подобным образом.

Во-первых, манеры и поведение, и, во-вторых, стиль жизни – вот над чем нужно работать. Жить необходимо трезво и целомудренно, и трезвость распространяется не только на еду и питье, но и на все области жизни, где излишество губительно. Не спать слишком много, потому что у истинной леди всегда много дел. Не разбазаривать много средств, потому что излишества в гардеробе и ларце с драгоценностями глупы и лишь тешат грешное Тщеславие. Не тратить деньги и силы на возвеличивание своего статуса, потому что он уже есть. Нельзя поглощать все, что жизнь складывает перед тобой, но нужно проявлять разумность в выборе.

Но и это еще не все. Истинная леди не болтает много и, тем более, не болтает попусту. Потому что положение обязывает. Люди должны доверять каждому слову своей госпожи, как и каждому слову своего господина, и поэтому истинная леди никогда не скажет публично то, что сама не проверила на истинность и разумность. Имеет значение и то, как она

говорит, если говорит. Излишняя фривольность так же неприятна и неприемлема, как и излишняя сухость. Настоящая леди говорит приятным голосом, спокойно, по сути и без излишне живой жестикуляции. Истинная леди также не смеется громко и не смеется попусту. Но, главное, истинная леди не злословит и не критикует, но всегда подчеркивает в своих речах те добрые качества, которые есть в каждом человеке. Даже говоря с прислугой, даже отчитывая ее, истинная леди будет избегать резких и злых слов, но спокойно объяснит, что и как должно быть сделано, и что если это не будет сделано, то слуга будет уволен. И она будет отдавать разумные приказы и отдавать их вовремя.

Поскольку благородная дама знает ценность хороших слов и мыслей, она будет часто слушать проповеди достойных проповедников, и озаботится, чтобы дамы и девушки из ее окружения слушали их вместе с ней. Потому что всем нужны добрые примеры, и все должны делать все возможное для спасения души своей и своих близких. Но не только проповеди слушает истинная леди. Она будет рада слышать о людях окружающего мира, рыцарях и людях благородных, об их делах и открытиях, об ученых клириках и их мудрости. Она будет привечать их у себя и награждать достойными дарами. Истинная леди также будет стараться, чтобы среди ее друзей были люди, известные праведной жизнью и любовью к Богу.

Что касается целомудренности, то ни слово, ни дело, ни внешний вид, ни поведение, ни важность истинной леди не должны давать ни малейшего повода для критики. Леди должна быть заслуживающей доверия в глазах своего мужа, потому что именно ей придется быть главой дома, когда муж занят где-нибудь в другом месте. Именно она будет главой совета, и она должна понимать не только то, о чем там говорится, но и принимать во внимание то, кто говорит, и являются ли ее советники людьми чести. Не говоря о том, что честь хозяйки дает весомость ее суждениям. За своим столом леди не только ест, но и продолжает делать политику, заботясь о том, чтобы все уважаемые люди вокруг нее были приглашены к столу, и чтобы каждый чувствовал за этим столом соответствующее его рангу уважение. С людьми пожилыми следовало разговаривать серьезно и сдержанно, с молодыми – в более веселой и легкой манере.

Свои свободные часы леди будет проводить не в праздности, но выполняя какую-либо работу, которая может сопровождаться приятным времяпровождением для ее домочадцев, причем атмосфера этих часов должна быть легкой, чтобы каждая девица из свиты леди любила ее как личность добрую и милостивую. Леди также должна озаботиться тем,

чтобы каждый день иметь время выслушать тех, кто захочет с ней побеседовать.

Разумеется, Добродетели наставляли будущих леди и в том, как вести себя с супругом, и здесь тоже главное слово получила Рассудительность. Первым правилом для истинной леди является любовь к мужу и согласие в жизни с ним, иначе она рискует познать все адовы муки уже в земной жизни. Будь муж стар или молод, истинная леди будет вести себя по всем правилам любви и уважения, скромно, вежливо и без сетований. Леди должна предусмотрительно заботиться обо всем, в чем будет нуждаться ее супруг, душевно и телесно. И разве сможет супруг отказать такой достойной леди хоть в чем-нибудь? Но может случиться так, что леди усмотрит в делах или мыслях супруга тень греха. В этом случае ее долгом является поговорить о них со своим исповедником и попросить того наставить заблудшего супруга на путь истинный. Истинная и разумная леди будет также проявлять заботу о телесном здоровье супруга и регулярно беседовать об этом с врачами мужа.

Нет также ничего постыдного и в том, чтобы всегда быть в курсе дел своего супруга. Поскольку зачастую принцессы и аристократки не могут общаться со своими мужьями так свободно, как это делают женщины других классов, разумная леди всегда будет в хороших отношениях со старшими офицерами хозяйства ее мужа и всегда будет их спрашивать о его делах. Истинная леди всегда рада видеть своего мужа, когда он приходит к ней, она говорит то, что сделает его довольным, и будет иметь при этом счастливое выражение лица. И если читательница спросит, все ли мужья заслуживают подобного отношения (ведь некоторые из них ведут себя по отношению к супруге отстраненно и не выказывая любви), то ответ будет таков: эта книга обращена к женщинам и наставляет их в том, как избежать неприятностей и облегчить свою жизнь. Да, есть мужья, которые извращены и грубы. И есть мужья, которые явно не любят свою жену или имеют любовниц. И если супруга никак не может повлиять на ситуацию, она должна вести себя так, как если бы они ничего не знала и не замечала. Грубые речи в таком случае только «пришпорят» мужа, и леди может оказаться отверженной и публично оскорбленной, и смеяться в этом случае будут именно над ней. Так что разумная леди должна понимать, что, каким бы супруг ни был, ей с ним жить до конца – и нужно вести себя с достоинством.

Разумная леди озаботится тем, чтобы быть интересной и приятной своему мужу, и если ей нужно что-либо донести до его сведения, она сделает это тактично, мягко и приватно. И даже если она хочет отлучить

его от той привязанности, которую она должна к нему испытывать, она сделает это с улыбкой и не обидно, словно в шутку. Разумеется, истинная леди будет всегда продолжать стараться направить своего супруга на путь истинный при помощи исповедника и никогда не станет слушать сплетен о муже – ведь они только опечалят ей, не принеся никакого проку. И, раньше или позже, недостойный супруг задумается о своих грехах и захочет исправить их, и тогда он оценит, с какой добродетельной леди связала его жизнь, и вознаградит ей за любовь и терпение любовью и уважением.

Если же супруг отправится надолго в какое-то опасное приключение, истинная леди в его отсутствие будет покидать дом как можно реже, одеваться скромнее обычного и увеличит сумму раздаваемой милостыни. А когда супруг вернется, она встретит с радостью не только его, но и всех его спутников, и будет рада выслушать истории об их подвигах и приключениях. Она окажет им уважение и одарит подарками. Но не только к спутникам супруга она должны проявить внимание, но и к тем, кто ухаживал за ним и заботился о нем во время похода, – и отметит тех, кто делал свою работу добросовестно. Леди должна проявлять свой интерес к благополучию мужа открыто, потому что это – единственный метод, которым леди может доказать лояльность своему лорду. Люди судят о других по внешнему проявлению эмоций, а не по скрытым добрым намерениям.

Вторым правилом для леди (да и для любой разумной женщины), желающей показать свою любовь супругу, является отношение к его родичам. Настоящая леди не пожалеет усилий для того, чтобы расположить их к себе, и на людях всегда будет оказывать больше внимания им, чем своим родственникам. Она всегда будет превозносить их достоинства, а если кто-то из них не ведет себя по отношению к ней любезно, она должна постараться выиграть его симпатию – не теряя собственного достоинства. И не только родичам своего супруга должна леди выказывать симпатию, но и тем, кого он любит. И даже если среди них есть люди недостойные, она все равно будет дружелюбна к ним. Лучше она их сделать не сможет и с мужем разлучить не сможет тоже, так к чему ссориться со своим лордом и наживать себе врагов? Люди говорят правду, что жена никогда не полюбит того, кого любит ее муж, но даже если эти люди действительно плохи, леди поговорит со своим супругом о них наедине или через исповедника, а на людях будет любезна и вежлива, и за это муж будет ее уважать. Чем более леди уважаема и любима родней и друзьями мужа, тем прочнее ее положение в любой час невзгоды.

Третьим правилом для леди является энергичная забота о своем

потомстве, даже о сыновьях, хотя забота об их воспитании и обучении и должна лежать на муже. Даже если леди не слишком расположена к такой ответственности, она постоянно должна помнить, как важно научить детей дисциплине. Истинная леди всегда должна быть в курсе, насколько хорошо ведут себя ее дети, и кто отвечает за их образование и уход за ними, и как хорошо этот человек справляется со своей работой. Хорошие дети – это лучшая страховка, уважение и украшение, которое может иметь любая леди. И самое лучшее, что можно сказать о леди – это то, что она заботится о своих детях. Разумная и мудрая леди будет любить своих детей и будет энергично их обучать. Она убедится, что ее дети умеют возносить молитвы Богу и читать и писать, и убедит их отца, что они должны быть обучены латыни и прочим наукам. Когда дети вступят в возраст понимания, она позаботится, чтобы они были обучены подобающим манерам, управлению и всему, чему должны быть обучены дети лорда. Мудрая леди будет пристально наблюдать за всеми, кто имеет доступ к ее детям, и немедленно заменять воспитателей, чье поведение и характер не соответствует возложенной на них ответственности.

Храбрость, Забота, Любовь, Мудрость, Верность. Гобелен 1912 года

Истинная леди позаботится, чтобы дети ее уважали. Она будет часто их видеть и наблюдать за их речами и манерами, и немедленно исправлять

все их ошибки. Она будет беседовать с ними, чтобы проверить их ум и развитие. И никто, у кого манеры плохи, а поведение недостойно и фривольно, не должен иметь доступа к детям лорда. Истинная леди не позволит, чтобы книги, которые читает ее дочь, содержали что-либо недостойное, ибо то, что усваивается в нежном возрасте, усваивается навсегда. И, разумеется, достоинства леди всегда будут лучшим примером для ее детей.

Но как должна вести себя истинная леди с теми, кто ее, несмотря на все ее достоинства, все-таки не любит, и с теми, кто ей завидует? И на этот случай у Добродетелей есть рекомендации. Для начала, говорят они, необходимо усвоить как данное, что нет на свете такого человека, который был бы всеми любим. Даже Иисуса Христа, который был идеален, убила человеческая зависть, так что уж говорить об остальных. Так что же должна делать истинная леди, если она заметит, что некоторые люди не желают ей добра или пытаются лишить ее любви супруга, или пытаются ее оговорить? Ни в коем случае не относиться к ним как к своим врагам, учат Добродетели. Своим поведением она должна дать им понять, что уважает их и ценит так же, как и своих друзей, и не допускает и мысли, что они могут относиться к ней по-другому. Они должны думать, что она доверяет им, и не видеть, что ее дружественное расположение – результат расчетливости.

Леди притворится, что она доверяет их советам, она будет приглашать их на конфиденциальные (как они будут думать) совещания, где под видом великих секретов будет говорить самые обыденные вещи. И все это она должна делать с великой искренностью, чтобы они не насторожились. Она должна быть осторожна, чтобы не сказать о них что-то злое за их спинами. Никто из равных или слуг не может быть настолько преданным своей леди, чтобы не проговориться об этих словах. Разумеется, искушение облегчить сердце в такой ситуации очень велико, но одно неосторожное слово может похоронить весь проект. Потому что ее враги решат, что она любезна с ними из страха, и обнаглеют окончательно.

Если кто-то доложит истинной леди, что некоторые личности говорят о ней дурно, она немедленно должна отвергнуть донос словами, что прекрасно знает этих людей и что они желают ей только добра, а их слова были сказаны не по злобе, а по какой-то другой причине. Но не показывая, что она в курсе козней своих врагов, леди будет наблюдать за ними пристально. Держа своих врагов рядом с собой, она избежит несчастий открытых ссор, требований реванша и несчастий для многих людей, которые в ситуации вражды были бы обязаны вступить за ее честь. Если

же враги ее не уймутся, то именно они будут выглядеть дурно в глазах всего света, потому что они будут дурно говорить о той, кто должна быть им другом.

Добродетели наставляют будущую идеальную леди и в том, как и для чего нужно строить добрые отношения с персонами более низкого ранга, и с какими именно. В первых рядах, разумеется, должны быть священники и члены религиозных орденов. Во-первых, они всегда могут за леди помолиться, а во-вторых, всегда могут оповестить большой мир о ее достоинствах, не говоря о том, что в минуту испытаний их помощь могла оказаться неоценимой. Во-вторых, разумная леди приблизит к себе советников собственного мужа. По причине вполне очевидной: если они сочтут ее разумной и доброй госпожой, они будут хвалить ее достоинства мужу, а заодно леди будет держать руку на пульсе того, чем занимается ее супруг, какого рода информация к нему идет, да и оговорить ее перед супругом будет при таком раскладе трудно. Очень полезно, напоминают Добродетели, завязать добрые отношения с ведущими торговцами и управляющими, а также важными персонами в городах и поселениях, находящихся под рукой супруга леди и ее собственной. Кроме того, что эти люди будут благодарны ей за честь доброго приема, они охотнее дадут заем, когда и если таковой понадобится. Дополнительным бонусом от общения с таким широким кругом людей будет информированность о том, что происходит вокруг. Люди не пойдут с информацией к леди и лорду, которых не знают, и они не будут уважать чужаков, как бы высок ни был их статус. Сделать семью лорда «своей», за которую и жизнь отдать можно, было задачей леди.

Поскольку леди всегда окружена женским персоналом разного ранга и возраста, она должна установить в своем хозяйстве полный порядок, потому что бесчестье и дурное поведение окружения леди – это бесчестье самой леди. Принцесса, таким образом, должна занимать своих дам и шлифовать их поведение. Элегантные игры, к которым могли присоединиться и мужчины, поощрялись. Но леди должна была зорко наблюдать, чтобы мужчины определенного пошиба не смели выпрашивать у дам подарки в знак любви и бесчестить несчастных потом насмешками, не говоря о более серьезном бесчестье. Дамы же, в свою очередь, и особенно дамзели, должны были вести себя безукоризненно – говорить приятные вещи мелодичными голосами, не быть фривольными, не носиться, вздернув голову, «как дикие лани». Они должны быть разумны, образованы и хорошо одеты, обладать безукоризненными манерами, помня о том, что они – на виду, и простые женщины будут им подражать.

Авторитет леди при ее дворе должен быть абсолютен, и непокорные должны немедленно отлучаться от ее компании, потому что своей непокорностью они не делают чести ни ей, ни себе. Впрочем, дисциплину можно поддерживать и будучи кроткой и вежливой, просто своим авторитетом и силой своих добродетелей.

Разумеется, имея столько обязанностей, истинная леди и принцесса должна уметь управлять своими финансами. Она всегда должна знать свои расходы и доходы и всегда должна выслушивать доклады своих управляющих по определенным дням. Она должна вникать, как в ее хозяйстве распределяется еда и прочее добро. Она должна понимать, как именно управляется ее хозяйство, и иметь в помощниках людей доброй репутации и хорошего ума, добродетельных и справедливых. Истинная леди никогда не допустит, чтобы цены, по которым производятся закупки в окрестностях, были слишком низки и чтобы ее люди притесняли ее подданных чрезмерно и несправедливо. Разумная леди разделит свой доход на пять частей. Первой частью будет та сумма, которую она хочет ассигновать на благотворительность и помощь. Второй – расходы на хозяйство, и при этом она должна поставить дело так, чтобы ее супруг не совершал никаких сделок, не поставив ее в известность. Третья часть должна быть платой подчиненным, прислуге и управляющим, четвертая предназначалась для неожиданных и планируемых подарков по различным случаям. Пятая же часть принадлежала самой леди – ее сбережения и деньги на личные расходы.

Кристина Пизанская и Три Добродетели через нее признают, что есть леди, которые еле сводят концы с концами, и леди, которых мужья держат без единого собственного гроша, но рекомендует бедняжкам лишь запастись терпением и шлифовать свои добродетели, потому что этот труд в любом случае даром не пропадет. Книга, собственно, на этом далеко не заканчивается. В первой части, для знатных дам, она содержит практические рекомендации благородным вдовам, которые будут приведены в другой главе, а вторая часть посвящена рекомендациям женщинам, не принадлежавшим к аристократии.

Разумеется, не может не возникнуть искушение проанализировать, насколько хорошо вышеприведенное руководство к действию усваивалось целевой группой. В принципе, усваивалось вполне успешно, за одним ярким исключением. Настоящие, живые принцессы/великие леди вовсе не желали самоуничтожаться. Набожнейшая герцогиня Йоркская и во вдовьи годы именовала себя «королева в своем праве Сесилия, мать короля», а не менее набожная Маргарет Бьюфорт подписывалась «Маргарет Р.», что

могло означать как Ричмонд, так и «реги́на», и означало, скорее всего, именно второе. Во всем остальном видные дамы королевства полностью соответствовали тому идеалу, который вывела в своей книге Кристина. Они были уважительны и лояльны к мужьям хотя бы на публике, заботились об их здоровье. Даже Маргарет Анжу отложила на время свои грандиозные планы, отправившись ухаживать за супругом, впавшим в кататоническое состояние, хотя этот поступок и был вынужденным. И они были уважаемы своими мужьями. Все эти дамы обладали прекрасной деловой хваткой и успешно управляли как своими финансами, так и социальными связями своих домов. Разумеется, Алиенора Аквитанская, основательно и искусно натравливающая своих сыновей на своего мужа, в образ истинной принцессы у Кристины Пизанской не вписалась бы. Как не вписалась бы и свергнувшая мужа и открыто поселившаяся во дворце с любовником Изабелла – «французская волчица». Не вписалась бы в этот образ и Маргарет Анжу, не останавливавшаяся перед физическим устранением своих врагов. Не говоря уже об Элизабет Вудвилл, смертной ненавистью ненавидящей родню своего супруга. Но идеал потому и называется идеалом, что в живой жизни соответствовать ему не всегда хочется, да и не всегда может.

О том, как осуществлялась «шлифовка» девочек из благородных семей

Большинство светских новостей, слухов, сплетен и мнений обо всем, что происходило в английском королевстве в Средние века, историки черпают из двух архивов, так называемых «писем Стоноров» и «писем Пастонов». Оба архива изданы, и с перепиской может ознакомиться каждый. Другой вопрос, что интерпретировать их удастся даже не всякому историку, особенно письма Стоноров. Зачастую совершенно невозможно понять, о ком из многочисленных Мэри, Джейн или Элизабет в письмах идет речь. Зачастую в письмах отсутствуют даты, отсутствуют имена отправителей или адресатов. Тем не менее, эти письма – живые, домашние, «непричесанные» – очень важны для понимания того, как жили и с какими проблемами сталкивались люди привилегированных классов в средневековой Англии.

Стоноры были семейством джентри, то есть землевладельцами благородного происхождения, весьма состоятельными и, разумеется, состоящими в родстве с половиной английской аристократии и дворянства. Благо, со времен Вильгельма Завоевателя у семейства было время и возможности богатеть и родниться. В данном случае, интерес представляет поколение Стоноров, которое жило в Оксфордшире во второй половине пятнадцатого века. Потому что одно из писем, касающихся темы отправленных на воспитание дочерей, было, очевидно, ответом вдовы Томаса Стонора I ее дочери, которая была против своей воли и воли матери помещена королевой на воспитание в чужую семью. И вот бедолага писала Алис Стонор, умоляя принять ее обратно домой, потому что семья, в которую ее поместили, не любит ее и устала от нее.

У Томаса Стонора и Алис Кирби было пять или шесть дочерей (и два сына), так что неизвестно, кто именно из девочек Стоноров жаловался на судьбу – Элизабет, Изабель (хотя, скорее, прав историк Кингсфорд, а не Алисон Ханьям, что это была одна и та же девочка, Элизабет, она же Изабель), Мод, Филиппа, Джоан или Анна. Тем не менее, любая из них была очень богатой наследницей, и ее насильственное отлучение от дома было вызвано волей королевы наградить кого-то из своих людей доходами до совершеннолетия опекаемой и, скорее всего, ее замужеством с отпрыском семейства опекунов. Алис отвечает дочери, что она и ее новый муж, Ричард Дрейтон, были бы счастливы видеть девочку у себя, но не

смеют сделать это без письменного разрешения королевы и согласия нынешних опекунов дочери:

«видя раздражение Ее Величества против меня, мой муж сказал, что он не готов ее послушаться». «Я думаю, что они не так уж устали от тебя, принимая во внимание ту энергию, с которой они тебя добивались», – пишет мать. Королевой, о которой идет речь, была Маргарет Анжуйская, которая на новый 1449 год подарила по золотому армлету Алис Стонор и Ричарду Дрейтону, и еще раз, в 1453 году, Ричарду Дрейтону. Об этой королеве много чего можно сказать, но она свято и рьяно выполняла ту часть наставления Кристины Пизанской, которая инструктирует принцессу блюсти интересы своих приближенных.

А вообще девочек помещали на воспитание в чужую семью по многим причинам. Очевидным поводом была смерть хозяина дома. Как бы богата ни была вдова, она практически никогда не могла рассчитывать на то, что ей позволят воспитывать собственных детей. Наследники и наследницы имели такую колоссальную ценность на брачном и политическом рынках, что зачастую ребенка забирали от матери чуть ли не в младенческом возрасте, помещая в семью «хранителя» до достижения 14 лет. Обычно – с правом устройства брака. Таким образом, корона укрепляла доходы и лояльность своих союзников и регулировала приток благ к определенным семействам за счет чужих наследств. Все-таки количество земель короны было ограничено, при этом пожалованные земли, титулы и должности были подвижными. Король дал, король и взял – и передал другому. А вот наследственные земли были личным, неотъемлемым источником дохода рода. Единственным доступным для короны способом произвести перераспределение ценностей в этом случае было распоряжение о передаче наследников в другую семью.

Мать, конечно, могла потребовать должность хранителя для себя, но мало у кого было достаточно влияния и силы, чтобы получить согласие королевской администрации. Известны даже случаи, когда матери похищали своих детей вместо того, чтобы передать их в чужие семьи, но никто теперь не может с уверенностью сказать, что ими двигало: то ли материнская любовь, то ли понимание того, какой ценностью является наследник или наследница семьи. В принципе, еще Магна Карта пыталась ограничить подобную практику короны, и короли клялись не изымать наследников из семей без согласия родителей или опекунов, но согласие легко получить, если семейство просто опасается перечить, а вдовами, большая часть которых быстро вступали в новое замужество, было легко манипулировать. Сохранилось, например, письмо короля Генриха III к

Мабель, вдове Роджера Торпелла: «Мабель, вдове Роджера Торпелла. Она должна помнить, что король дает права на земли и наследников вышеупомянутого Роджера Торпелла, с правом женить наследников, Епископу Чичестерскому, канцлеру, на время детства наследников... Поскольку Уильям, старший сын и наследник, умер, король приказывает ей, ради нее самой и ее добродетели, не задерживать Айселотту, следующую по старшинству и наследованию, а передать ее посланцу епископа, который предъявит письмо, доказывающее, что он этим посланцем является». Довольно недвусмысленный приказ. А ведь Генрих III считался королем даже слишком либеральным. Учитывая же особенности характера Маргарет Анжуйской, легко понять, что Алис Стомор и ее муж просто боялись за себя и за дочь.

Второй причиной, по которой джентри и даже аристократы добровольно помещали своих наследниц на воспитание в могущественные семьи, было желание заключить союз о покровительстве своего рода, попасть на ту социальную ступеньку, которая в противном случае была бы недоступна. К примеру, дочери еще одного Стомора, Уильяма, уже во времена Эдварда IV воспитывались при дворе самой Сесилии, герцогини Йоркской, матери короля. И смогли устроить так, что их мачеха, всего лишь купеческая вдова, попала в светское общество и была в свите герцогини в 1476 году, когда та встречалась со своим сыном-королем в Гринвиче. Собственно, именно из письма этой Элизабет Стомор и известно, что герцогиня осталась недовольна платьями своих воспитанниц Стомор и пригрозила, что если их отец не озаботится гардеробом девочек, она отправит их прочь.

И третьей причиной была привлекательность богатых брачных рынков, которыми потенциально и являлись дворы больших вельмож. Дороти Пламптон, в свое время засыпавшая отца мольбами забрать ее от леди Дарси (на которые тот ни разу даже не ответил, имея на руках еще пятерых сыновей и семь дочерей), с помощью леди Дарси благополучно вышла замуж. Леди, впрочем, изначально взяла Дороти к себе, чтобы помочь Пламптонам, переживавшим в тот момент не лучшие времена. У Дороти совершенно очевидно не было приданого, но для кого-то покровительства леди Дарси оказалось вполне достаточно.

А иногда в семьях появлялись сложные дочери, которые своим поведением доставляли семейству и себе такие проблемы, что единственным способом пристроить их хоть в какое-то замужество было покровительство какой-нибудь значительной леди. Например, у Агнес и Уильяма Пастонов, семьи уважаемой и имеющей дело с виднейшими

аристократами своего времени, старшая из дочерей, Элизабет, ухитрилась связаться с каким-то молодцем, замужество с которым с точки зрения семьи было совершенно невозможным. Девицу побили и заперли, но отношения между дочерью и родителями осложнились до такой степени, что она была готова выйти за Стивена Скропа, который по возрасту годился ей в деды и, по слухам, был исключительно безобразен, но даже из этой попытки ничего не вышло. Элизабет было уже 29 лет, когда ее взяла к своему двору вдовствующая леди де ла Поль – и через год засидевшаяся в девичестве бунтарка оказалась замужем за сэром Робертом Пойнингсом. Правда, муж вскоре погиб при Сент-Олбанс, но теперь Элизабет была сама себе хозяйкой. Впрочем, с мужьями ей определенно не везло. Ее второй муж, сэр Джордж Браун, ухитрился в 1483 году примкнуть к бунту герцога Бэкингема и был казнен. Невольно приходит в голову, что родители оказали Элизабет Пастой очень дурную услугу, пытаясь устроить ее жизнь наилучшим образом.

THE
PASTON LETTERS

A.D. 1422-1509

NEW COMPLETE LIBRARY EDITION

EDITED WITH NOTES AND AN INTRODUCTION

BY

JAMES GAIRDNER

OF THE PUBLIC RECORD OFFICE

VOLUME VI

LONDON
CHATTO & WINDUS

EXETER
JAMES G. COMMINS

1904

Письма семьи Пастонов. Титульный лист

Впрочем, Агнес Пастой вообще была суровой матерью даже по меркам средневековых понятий о воспитании, заключающихся в том, что детей не ограждали от реалий жизни. Агнес и относительно сына рекомендовала школьному мастеру розги в качестве аргумента в пользу усердия. Если с современной точки зрения подобные методы кажутся бесчеловечными, то имеет смысл вспомнить о том, что феодальное общество держалось на иерархии и подчинении. Над каждым бароном был местный граф или герцог, над каждым пэром – король, и над всеми был Бог, представляемый церковью. В свою очередь, и король, и пэры были зависимы от своих подданных – в Англии, по крайней мере, которая избежала многих несчастий, ограничив власть монарха уже в двенадцатом столетии. Дисциплина, умение подчинять себе свои страсти и подчинять себя вышестоящим, при таком положении вещей была практически базовой необходимостью. И девочки в этом отношении вовсе не были исключением. Им тоже нужно было учиться подчиняться, требовать подчинения и иметь превосходный самоконтроль.

Глава третья. Возлюбленная, невеста

Несомненно, одной из удивительных особенностей жизни девочек из аристократических семей в период английского Средневековья было то, что возлюбленными они были для кого-то всегда, но вот невестами, зачастую, только чуть ли не в колыбели, особенно девочки, бывшие богатыми наследницами земельных феодалов и членами королевских семей. Джоан Бьюфорт, одна из дочерей Джона Гонта, стала женой уже в 12 лет, его же дочь Катерина – в 13. Дочь Эдварда III Изабелла была в первый раз обручена, когда ей было всего три года. Другая дочь того же короля, Джоан, была в пятилетнем возрасте даже оставлена при французском дворе – как невеста одного из дофинов. Еще одна дочь, Мэри, была обручена с наследником Бретани в одиннадцатилетнем возрасте. Маргарет стала женой в 13 лет. Будущая герцогиня Йоркская, Сесили, вышла замуж в девять лет (жениху было тринадцать). Маргарет Бьюфорт обручили, когда ей было три года, и в девятилетнем возрасте ей пришлось самой выбирать между двумя женихами. Элизабет Вудвилл вышла замуж в первый раз, когда ей было пятнадцать, столько же лет было и Маргарет Анжуйской, когда она вышла за короля Англии. Жанна де Бар, которую выдали в десятилетнем возрасте за Джона, графа Варенна, чуть было не стала разведенной женой в пятнадцать, потому что осталась жить у родителей, и муж простоне знал, что его жена-ребенок превратилась в красивую девушку. А главное любовное приключение ее жизни случилось, когда даме было под пятьдесят.

При помощи браков в Средние века делалась политика, заключались политические альянсы, объединялись владения. Поэтому говорить о периоде жизни, в который девушка была невестой, в контексте Средних веков как-то не получается. Для многих, очень многих период сознательного выбора мужа наступал тогда, когда молодая женщина либо вдовела, либо политические ситуации, на которых базировались ее обручения, менялись так часто и резко, что дева успевала дожить чуть ли не до тридцати, вступая в первое замужество. И зачастую традиционный теперь период ухаживаний в жизни девушки начинался только тогда, когда она становилась женой и знакомилась с супругом. Отсюда такая пестрая палитра браков и новых замужеств, тайных союзов и скандалов, которые описаны в этой главе. Эти истории не подобраны специально, просто в них рассматриваются личности, максимально известные хотя бы по именам.

О том, что жениться желательно правильно

Средневековые англичане подходили к вопросам брака не менее основательно и трепетно, чем это делаем мы, но, как люди верующие, более занятые и более практичные, излишними церемониями они себя не обременяли. Дело в том, что никаких бумажных сертификатов, подтверждающих факт регистрации брака, в Англии Средних веков просто не существовало, хотя в приходских церковных записях брачующиеся иногда регистрировались – если те сочетались браком в церкви. Бюрократизировать бракосочетание начало только в шестнадцатом веке с подачи незабвенного Томаса Кромвеля, привыкшего в своей предыдущей деятельности ростовщика к тому, что после каждой сделки на руках сторон должна оставаться какая-то расписка. Впрочем, процесс шел с переменным успехом, и еще в елизаветинские времена далеко не был завершен.

Так что долго еще пара считалась совершенно официально женатой, просто изъявив устно друг другу желание быть мужем и женой. Где угодно, хоть в церкви, хоть в лесу. И подтвердив факт актом физической близости, хотя иногда обходились, за малолетством или по другим обстоятельствам, и без этого. Правда, в случае ситуаций спорных, церковный суд по-разному рассматривал обещания, за которыми утверждающая стадия вступления в интимные отношения следовала, и те, где этих отношений не было, и пара обменялась только устными обещаниями.

«Present Vows» (*sponsalia per verba de praesenti*) считались законным, нерушимым браком, если за стадией взаимных клятв быть мужем и женой пара закрепляла духовную связь через физическую близость. Такой брак мог быть в дальнейшем расторгнут только в случае, если один из супругов решал вдруг вступить в монашество или по специальному разрешению папы, по каким-то веским причинам.

Сложнее было с другим видом брачных обещаний, «Future Vows» (*sponsalia per verba de futuro*), содержащих условие. Скажем, супруги обещали завершить клятвы фактической близостью в какой-то определенный срок в будущем или при условии, если один из приносящих клятву должен для завершения обряда что-то исполнить («я буду твоей через год, на Михайлов день, если к тому времени ты сделаешь то-то и то-то», к примеру). Такой «отложенный» брак расторгался легче. Например, если обе стороны по согласию решали, что они вовсе не хотят становиться парой через год, на Михайлов день. Или если один из давших обещание за

этот год вступил в уже действующий, подкрепленный близостью, брак. От такого отложенного брачного обещания можно было считать себя свободным, если вторая сторона навсегда покидала Англию. Физическая неверность, заболевание проказой или отказ от христианской веры одной стороны тоже освобождали другую сторону от всех обязанностей. Правда, в конце XII века папа Александр III настаивал, что и завершённые, и отложенные браки должны рассматриваться как нерушимые, но большого успеха его точка зрения не имела. Та же Маргарет Бьюфорт расторгла навязанный ей первый брак достаточно легко и даже никогда не считала его браком.

Леди Маргарет Бьюфорт, дочь Маргарет Бьючамп из Блетсо и Джона Бьюфорта, первого герцога Сомерсета, родилась в 1441 году. Не в 1443, как утверждается во многих ее современных биографиях, а на два года раньше. Эта дата указывается и в заключении о смерти ее отца, и в *Magna Britannia* Даниэля Лисонса, и в работе сэра Уильяма Дагдейла, который был чиновником геральдической палаты и знал, о чем говорил. Леди Маргарет родилась не только баснословно богатой наследницей, но и наследницей королевской крови. Ее отец был потомком все того же многодетного короля Эдварда III – опять же, по линии Джона Гонта, третьего сына. Если бы она не была женщиной, она действительно имела бы право на трон после того, как прямая линия английских Ланкастеров прервалась на сыне Генриха VI. Технически это было возможно, потому что декрет короля Ричарда II, объявивших Бьюфорттов такими же законными детьми, как если бы они были рождены в законном браке, никаких ограничений относительно престолонаследия не содержит. И даже в далеком 1444 году, когда ничто еще не предвещало грядущих трагедий, ценность происхождения трехлетней сиротки, ее состояние и кровные связи с аристократическими семействами королевства делали девочку заслуживающей пристального внимания со стороны короля и королевского совета.

Все эти обстоятельства также сделали девочку желанным призом на брачном рынке. Первым, кто решил прибрать богатую наследницу к рукам, был всесильный в те годы герцог Саффолк, Уильям де ла Поль. Поскольку судьба наследниц ранга Маргарет Бьюфорт решалась королем, Саффолк запросил и получил опеку над леди Маргарет из рук Генриха VI. Говорят, что между королем и отцом Маргарет Бьюфорт, который воевал за короля во Франции, существовал договор, что опекуном леди Маргарет будет сам король, а жить она будет при матери. Но леди матушка, овдовев, вышла замуж, а король был заинтересован в преданности Саффолка, так что договор был нарушен.

Любой опекун считал себя обязанным попытаться связать опекаемого со своей семьей. Девочки вступали в права наследования в 12 лет, и доходы, которыми свободно пользовался опекун до совершеннолетия опекаемого, могли уплыть из рук герцога. Поэтому Саффолк быстренько обручил Маргарет со своим сыном Джоном. Когда Маргарет исполнилось девять лет, встал вопрос о том, что обручение пора увенчать браком. Конечно, на практике это означало бы то, что малолетние муж и жена просто ждали бы вступления в возраст совершеннолетия младшего партнера, прежде чем вступить в супружеские отношения и подтвердить этим свершение брака. В данном случае младшим партнером был именно жених, Джон де ла Поль, так что ждать пришлось бы долго. Заметьте, тот самый случай отложенного завершения брака.

Но случилось так, что интересы герцога Саффолка пересеклись с интересами самого короля. Дело в том, что у Генриха VI в 1437 году образовались два сводных брата, Эдмунд и Джаспер, о существовании которых он долго не знал. Но в том году умерла его мать, Катерина Валуа, причем при самых драматических обстоятельствах. А именно – в результате осложнения после родов. Вся эта история, спасибо Тюдорам и их «пересмотрам» событий прошлого, довольно темная. К тому моменту, когда герцог Саффолк решил женить своего сына на богатой наследнице Маргарет Бьюфорт, на дворе стоял уже 1450 год. Страна бурлила, лорды практически не подчинялись ни королю, ни парламенту, а наследника у короля после пяти лет брака все еще не было. Корона медленно, но верно уплывала в сторону линии Йорков, и с этим что-то нужно было делать. Как минимум, усилить связи сводных братьев короля с аристократией, которая смотрела на потомков невнятной франко-уэльской связи косо. Приданое богатой наследницы могло положение существенно улучшить. Король Генри не был бы королем Генри, если бы он не переложил ответственность за столь критический выбор на чужие плечи – в данном случае, на плечи девятилетнего ребенка.

Намного позже, в проповеди по поводу похорон леди Маргарет, этот момент будет упомянут ее исповедником. По его словам, ребенок постился и молился, пока к ней в 4 часа утра не явился сам св. Николай – во сне или наяву, она не может четко сказать. И святой приказал ей взять в мужья Эдмунда Тюдора, брата короля. На практике это, скорее всего, означало, что девочка решила предпочесть взрослого принца малолетнему сыну герцога и была достаточно искушена в женских дипломатических премудростях, чтобы переложить, в свою очередь, ответственность за выбор на того, чье мнение не подлежало подвергать сомнению, – на явившегося к ней святого.

В конце концов, с де ла Полями никому, находящемуся в здравом уме, ссориться не хотелось.

Можно также заподозрить леди Маргарет в том, что она, находясь рядом с герцогом Саффолком на протяжении нескольких лет, не могла не знать деталей его взлета и проблем, а также того, что в 1450 году над домом де ла Полей тучи сгустились настолько, что связать себя с наследником непопулярного герцога было бы сущим безумием. Кто-то может возразить, что девятилетний ребенок не может быть столь расчетливым. Может. Особенно ребенок, воспитанный и обученный примечать малейшие колебания придворного климата. Пока невеста подрастала и, по-видимому, совершенствовалась в своих добродетелях, король осыпал сводных братьев благодеяниями. Казалось бы, титул графа Ричмонда – это не так уж и звонко. Только в этом титуле была одна особенность: граф Ричмонд сидел в совете выше других графов, сразу за герцогами. Этот титул был дан Эдмунду Тюдору. Ему же достался и Бэйнард Кастл, принадлежавший еще недавно дядюшке короля. Джаспер Тюдор был сделан графом Пемброка.

В 1455 году Маргарет исполнилось 14 лет, ее детство закончилось, и она, наконец, смогла начать совместную жизнь со своим избранником-принцем, которому только что исполнилось 25. Отныне она называлась графиней Ричмонд. Трудно сказать, была ли она так счастлива, как ожидала, и действительно ли отправилась в Пемброк Кастл так радостно, как потом описывала. Выбора-то у нее просто не было: Тюдоры были нужны своему сводному брату-королю в Уэльсе. Началась война. Во всяком случае, мы знаем, что ее принц не стал ждать, пока его жена, плоховато развитая физически для своего возраста, повзрослеет достаточно для семейной жизни, и какая-то глубокая травма у этой железной леди с тех времен осталась, потому что впоследствии она пылко возражала против отправки своей внучки, тоже Маргарет, в Шотландию. Маргарет-младшей тоже было около 14 лет, и все, что было известно о ее муже, шотландском короле, предполагало, что он тоже не станет ждать, пока его жена повзрослеет.

Свидетели обмена клятвами могли быть, но можно было и без них. Церемония вступления в брак могла иметь место в какой-то форме, но можно было обойтись и без церемонии. Как ни парадоксально это звучит, сегодня мы вернулись в этом вопросе к той свободе, которая была свойственна английскому Средневековью: каждый вступает в брачный союз на свой, подходящей именно данной паре, лад. Правда, в Средние века и без слов подразумевалось, что этот союз будет союзом длиной в

жизнь, так что имущественные соглашения на каждую возможную жизненную ситуацию рассматривались тщательно и серьезно. И церковь признавала такие браки действительными и нерушимыми. Вопреки непонятно откуда взявшемуся мнению о том, что церковь признавала физические отношения между мужчиной и женщиной как неизбежное зло и только ради рождения потомства, средневековая церковь активно поддерживала идею любви между супругами, поддерживала до самого конца Средних веков. Проповедник-доминиканец Жерар де Майли писал о том, что муж и жена должны разделять любовь, глубоко укоренившуюся в их сердцах (*intime vel interna cordium dilectione*), Гуго Сен-Викторский, теолог двенадцатого века, подчеркивал, что любовь (*dilectio*) между супругами лежит в основе супружеского таинства, которое является любовью душ. Собственно, и сам св. Августин считал, что суть брака – в личных и интимных отношениях между супругами. Фома Аквинский писал о дружбе, которая должна объединять супругов в браке. Если перейти от теологии к юриспруденции, то средневековые кодексы (например, Грацианский Кодекс, *Decretum*, ГГ40 год), опирающиеся на римское право, используют термин «супружеская привязанность» (*maritalis affectio*) как уважение, внимание одного супруга к другому и его потребностям.

Откуда подобная неформальность в эпоху, которая, как принято считать, параноидально относилась к сексуальности вообще и женской сексуальности в особенности? Грацианский кодекс это объясняет, рассматривая процесс вступления в брак состоящим из двух стадий: стадии изъявления намерения, во время которой между будущими супругами устанавливалась духовная связь, и стадии завершения, когда связь духовная подкреплялась связью физической. Ни к чему были свидетели, если при церемонии обмена клятвами присутствовал сам Бог, который, как известно, всегда и повсюду.

Об удивительной жизни «прекрасной кентской девы»

Как водится, в реальной жизни подобная практика зачастую приводила к интереснейшим ситуациям. Например, жила-была в 1340 году юная девица, рожденная в младшей ветви королевской семьи. По всем обычаям того времени, ее должны были выдать за какого-нибудь аристократического отпрыска, что и было сделано. Правда, в семье с некоторых пор появилось сильное подозрение, что данная девица успела приглядеть себе молодого человека, явно для ее ранга не подходящего. Девицы в двенадцать лет не очень умеют хранить свои секреты, особенно если хотят, чтобы к ним относились как к взрослым. Но подозрение подозрением, а жизнь жизнью. И стала девица женой графского сына. Поскольку жених был не старше невесты, практически брак означал только то, что подростки жили под одной крышей, в доме графа. Все-таки в Средние века не приветствовалось вступление в половую жизнь раньше шестнадцати лет, хотя исключения бывали, как по настоянию жениха, так и по настоянию невесты.

DECRETVM GRATIANI

EMENDATVM ET NOTATIONIBVS
ILLVSTRATVM

Vnà cum glosfis,

GREGORIO XIII. PONT. MAX.
iussu editum.

GREGORIVS·XIII·P·M·

VENETIIS M D XCI.

Грацианский кодекс 1140 года

Прошло лет девять. Какие отношения связывали девицу и ее супруга, который через четыре года после свадьбы унаследовал титул графа – неизвестно. Вряд ли граф вообще проводил много времени дома, ведь держатель такого титула имел массу обязанностей перед королем, а Англия воевала с Францией в Столетней войне. Во всяком случае, детей в этой семье не было. Жена графа также ни разу даже не намекнула своему супругу, что супругой его, собственно, не является. А потом грянул гром. В Англию вернулся некий барон, профессиональный солдат, который предъявил требования на супругу графа, утверждая, что они поженились до того, как семья выдала ее замуж. Барона звали Томас Холланд, девицу – Джоан Кентская, внучка короля Эдварда I, а графом был Уильям де Монтегю, граф Салсбери. Разразился скандал, в котором все стороны показали себя не слишком красиво. Потрясенный граф запер свою то ли жену, то ли нет, в башне, пытаясь купировать скандал и предотвратить возможность дачи Джоан показаний, что ему, конечно, не удалось – ведь он не мог отлучить жену от ее исповедника, а исповедник был выше графских проблем. В результате в 1349 году папа Клемент VI брак между Джоан и Уильямом расторг, и Томас Холланд получил свою супругу, тайный брак с которой церковь признала единственно правильным. И жили они вместе не очень долго, но очень счастливо. Со временем утешился и граф, и тоже обрел супругу, которая любила его и ценила.

Но у этой любопытной истории есть продолжение. Оставшись в 1360 году тридцатидвухлетней вдовой с четырьмя (возможно, даже пятью) детьми, Джоан получила признание в тайной любви и давней страсти со стороны самого наследника престола Эдварда, принца Уэльского, известного больше как Черный Принц (по цвету доспеха, а не особенностям внешности или характера). Естественно, правящего короля (Эдварда III) подобные авансы сына в сторону дамы со скандальной репутацией в восторг не привели. И, предсказуемо, Джоан решила создавшуюся проблему знакомым образом, заключив с Черным Принцем тайный брак. Вообще-то, парочке просто повезло, что они имели дело с таким либеральным в вопросах брака королем, как Эдвард III, который вообще позволил всем своим детям сделать выбор супругов по сердцу. Потому что в случае второго тайного замужества Джоан легитимность брака была сомнительной, мягко говоря: в данном случае имело место ограничение для вступления в брак по степени родства.

Говоря вообще, церковь запрещала все браки между родственниками,

имеющими общих предков до прапрадеда. Так что можно посмеиваться над одержимостью средневекового дворянства генеалогией, но нельзя не признать, что эта одержимость имела под собой хорошее основание. Незнание и тогда не освобождало от ответственности, и если заключающие брачный союз не хотели, чтобы их лет через – двадцать, по требованию какого-нибудь имеющего свой интерес умника, объявили чужими друг другу людьми, а их детей – бастардами, то они доставали из сундуков генеалогические таблицы, выясняли, в какой степени закон делал их родственниками, и испрашивали у Святейшего Престола диспенсацию. И получали.

Вообще родство, скажем, «в первой и второй степени» звучит интригующе. Например, племянница пришлась бы дяде родней в первой степени, а вот тот же дядя той же племяннице – родней во второй степени. Головоломно. А ведь было еще «родство в третьей и четвертой степени». Или одновременное родство по всем четырем степеням. Но современники в этой системе разбирались.

Кроме родства кровного, которое еще можно, потренировавшись, понять, церковь установила родство «принадлежности». Как уже упоминалось раньше, для средневековой церкви секс был не только соединением тел, но и соединением душ, в котором партнеры становились родными, начинали принадлежать друг другу. Очень романтично, но в дела брачные это вносило изрядную путаницу. Потому что даже церковные прелаты зачастую толковали эту «принадлежность» как связующее звено между родней мужа и жены. На самом же деле, жена не становилась кровной родней родственникам мужа, а муж не становился кровной родней родственникам жены. То есть, родня родней – но не кровная. Фома Аквинский выразил это с присущей ему четкостью: «брат или отец моей родной не являются мне родными ни в какой степени родства». На этот счет даже было вынесено решение на IV Латеранском соборе в 1215 году. Все понятно? Ну нет, конечно же. Потому что то же решение запрещало брак между парами, находящимися в родстве «аналогичном», т. е. женщиной и вдовцом ее сестры, распространяющемся на их потомства до четвертого колена. Не спрашивайте, почему, никакой логики в этом нет. Возможно, просто писец на соборе заклевал носом и пропустил пару слов.

Крестные родители рассматривались еkkлeзиастическим законом настоящими родителями, что делало их детей родными братьями и сестрами крестнику, потому как здесь тоже имела место быть духовная связь. Тем не менее, в случае подобного, чисто духовного родства, диспенсация на брак все-таки выдавалась, даже если жених с невестой

формально считались состоящими в первой степени родства. Что в случае кровного родства, конечно, не проходило.

По сути, церковь могла признать действительным брак между мужчиной и женщиной, находящимися в запрещенной степени родства, если те могли доказать, что понятия не имели о том, что состоят в родстве. Наверное, подобное и тогда случалось не чаще, чем теперь, но случалось. Оставим в стороне полную логическую абсурдность утверждения того, что брат твоего мужа – это твой родной брат и что замужество твоей сестры делает тебя родной сестрой брата ее мужа. По этому поводу еще Мартин Лютер прошелся, ехидно добавив: «если только тебя не спасут от такого «родства» деньги». Потому что логика логикой, а политика политикой. Торговля диспенсациями действительно обогащала папскую казну несказанно, не говоря о том, что сама система диспенсаций давала Святейшему Престолу огромную власть над европейской аристократией. Так что в этой системе нужно было разбираться, и люди в ней разбирались, хотя и не без ропота на поборы. От системы диспенсаций Англия избавилась только тогда, когда Большой Гарри, король Генрих VIII, решительно и вовремя отделил все свое королевство от своего рода европейского союза тех времен, который пытался координировать Ватикан (надо сказать, тогда уже не с большим успехом, чем сегодняшний Брюссель). Запреты на родственные браки, впрочем, остались в любом случае, исчез только обходной путь к их нарушению.

Разумеется, разбирались в системе и короли. Тем более что в случае брака Черного Принца и Джоан Кентской родство было весьма прямолинейным – оба были потомками короля Эдварда I. Поэтому королевская чета вздохнула, смирилась с фактом, и Эдвард III просто запросил у Святейшего Престола диспенсацию на брак своего наследника. И получил. И сыграл молодым великолепнейшую свадьбу 10 октября 1361 года в Виндзорском дворце, где уже тайно женатых обвенчал явно архиепископ Кентерберийский. На самом деле Эдвард III и его супруга ничего против самой Джоан не имели, просто они совершенно правильно предвидели, что в будущем наличие у жены наследника престола четырех детей от предыдущего брака породит некоторую путаницу и определенные проблемы. Так и случилось, когда сын Джоан и Черного Принца, Ричард II, стал королем.

О том, откуда пошел род бьюфтортов

Не менее своеобразно устроил свою личную жизнь и третий из сыновей Эдварда III, Джон Гонт. Все началось самым обычным образом. 19 мая 1359 года в Редингском аббатстве он сочетался браком с младшей дочерью герцога Ланкастерского, Генриха. Через этот брак со своей троюродной кузиной Джон становился графом Ланкастера, графом Дерби, графом Линкольна и графом Лестера. Невесте шел пятнадцатый год, жениху исполнилось девятнадцать. Это был очень счастливый брак, хоть и не слишком долгий. Бланку Ланкастерскую описывали как очень красивую женщину, необычайно светловолосую, голубоглазую, обладающую холодноватой грацией. За 10 лет брака она родила шестерых детей, из которых выжили трое. Это были Филиппа, будущая королева Португалии, ее сестра Элизабет Плантагенет и будущий король Англии Генрих IV.

В 1369 г. на Англию в третий раз обрушилась бубонная чума, которая унесла и Бланку. Сэр Джон в тот момент находился в море. Вернувшись, он устроил супруге похороны, достойные королевы, и потом еще долгие годы день смерти леди Бланки был днем траура при дворе графа. В одну из таких годовщин он заказал совершенно никому тогда неизвестному Джефффри Чосеру написать поэму на смерть Бланки Ланкастерской. Эта прочувствованная поэма дошла до наших дней под названием «Книга Герцогини». Говорят, что в поэме Чосер действительно обработал стихи самого Джона Гонты на смерть жены. Похоронили, кстати, Гонты в 1399 году рядом с Бланкой. Но это – только присказка.

Конечно, Джон Гонт женился снова, на инфанте Констанс Кастильской, в 1371 году. По большей части потому, что хотел иметь свое королевство. От этого брака родилась одна дочь, которая впоследствии вышла замуж за Генриха Кастильского. Но уже через два года супруги зажили каждый своей жизнью, тем более что королем Кастилии Гонт так и не стал. Нуждаясь в утешении, он сошелся с гувернанткой своих дочерей от Бланки, Катариной Суинфорд, урожденной Реэт, дочерью менестреля-воина, произведенного в рыцари на поле битвы. С ней они и прожили во всем известной «тайной связи» до 1396 года, нажив четверых детей. На ней он и женился после смерти Констанс, вызвав этим немалый шок у многих людей своего круга. А сестра Катаринины вышла замуж за Джефффри Чосера, который, таким образом, сделал карьеру от безвестного поэта до члена королевской семьи.

Эта история, в свое время достаточно скандальная, в которой можно только порадоваться за судьбы всех, кроме несчастной кастильской инфанты, тоже имела осложняющий будущее аспект. А именно то, что четверых добрых детей Катарина Реэт и Джона Гонта брак их родителей автоматически законными детьми не сделал. Законными их сделал только декрет племянника Гонта, короля Ричарда II, который провозгласил кузенов Бьюфуртов такими же законными детьми дядюшки, как если бы они были рождены в браке. Без всяких ограничений, кстати. Ограничение насчет того, что Бьюфорты исключаются из линии престолонаследия, сделал позднее их сводный брат, которым стал королем Генри IV, и это ограничение было проведено через парламент. Дважды.

Прошло время, в Англии отгремела гражданская война, и на престоле королевства в очередной раз сменилась династия. Теперь там сидели Тюдоры.

Однажды, изучая в связи с проектом поисков останков Ричарда III документы того времени, профессор Лестерского университета Джон Эшдаун-Хилл зацепился за странную последовательность, с которой обычно сдержанный в проявлениях эмоций Ричард III именовал Генри Тюдора бастардом. Тем более что, технически говоря, бастардом сын Маргарет Бьюфорт не был, он ведь родился в законном браке. Допустим, происходили предки его матери, Бьюфорты, от незаконной связи, но ведь были же потом узаконены и прочно заняли места среди пэров королевства. Значит, что-то было не так со стороны отца Генри Тюдора, Эдмунда.

Впрочем, со стороны Эдмунда все было не так. Для начала, совершенно неизвестно, когда Оуэн Тюдор и Катерина Валуа, вдова Генри V и мать Генриха VI, поженились и поженились ли вообще. Но здесь выходит на первый план само понимание того, что означало «поженились» в период около 1430 года. Как упоминалось выше, по издавна существующей практике пара считалась законно женатой, если мужчина и женщина в любой форме изъявляли друг другу желание жить мужем и женой и завершали клятву тем, что ложились в постель. Присутствие священника при обмене клятвами не было обязательным, присутствие свидетелей – тоже, хотя часто свидетели и священник были. Церковь без вопросов признавала подобные браки легальными. В конце концов, Бог видит все и всегда, так что данная без свидетелей и формального благословения клятва все равно была клятвой.

Таким образом, законное происхождение отца Генри Тюдора было несомненным. Тогда почему Ричард, с его повышенным чувством чести и правильности, называл его бастардом? Ответ всегда был на виду, под носом

у историков – герб Эдмунда Тюдора. В Средние века герб человека был тем, чем для нас является паспорт, и гораздо больше. Он говорил о родителях, родственных связях, старшинстве, часто – о личных достижениях. Сыновьям было разрешено пользоваться гербами отцов с дополнением в виде бордюра. Джон Бьюфорт, старший сын Джона Гонта от Католины Суинфорд (де Реэт), получил, таким образом, право пользоваться гербом отца, окруженным бордюром в голубом и белом (или серебряном) – знаком младшей линии. Его сыновья, в свою очередь, унаследовали тот же герб с несколько измененным бордюром, в который были внесены дополнения.

Но почему дети, внуки и т. д. Оуэна Тюдора не унаследовали герб своего отца с дополнениями? Скажем прямо: в их гербы не было внесено вообще ни одной детали с герба отца. Более того, сыновья Тюдора и Валуа теоретически вообще не имели ни капли английской крови в своих венах, но при этом их гербы утверждали, что в их венах течет не просто английская, а английская королевская кровь. Родство с Тюдорами в случае Эдмунда и Джаспера было полностью проигнорировано. При том, что парламент Генри VI никоим образом не опротестовал и не объявил незаконным брак Оуэна Тюдора с вдовствующей королевой Катериной Валуа. Эдмунд и Джаспер Тюдоры были приняты сводными братьями короля. Точка. Король со своей стороны обеспечил их связи с прочей аристократией, предложив Эдмунду в жены богатую наследницу Маргарет Бьюфорт.

Для разгадки этой мистерии необходимо вернуться в 1422 год. Король-легенда Генрих V умер, оставив после себя сына-младенца и 22-летнюю вдову. Какой женщиной была Катерина Валуа? Обычно ее личность задевают в истории как-то вскользь, подчеркивая только заброшенность и чрезвычайную набожность. Набожной она, разумеется, была, но вот насчет заброшенности распространенная версия не совсем верна. Средневековые вдовы-аристократки редко оставались одинокими. Разве что решали в пользу полумонашеского образа жизни. Темперамент все-таки каждой женщине достается свой. Катерина Валуа же имела в матушках Изабо Баварскую, помимо прочего знаменитую своим сексуальным аппетитом или, по крайней мере, ничего не имевшую против подкрепления политики сексом.

И действительно, через два года после смерти мужа Катерина обнаружила, что «не в состоянии полностью подавить свои телесные страсти», как она выразилась. Очень хорошо, никто от нее подавления и не требовал. Даже факт, что Катерина была вдовой короля, не был бы

препятствием. Ведь Генрих IV, например, женился на овдовевшей Жанне Наваррской, которую встретил и в которую влюбился во время изгнания на континент. Проблема была в том, кого выбрала для себя вдовствующая королева-мать. Ее выбор пал на 19-летнего Эдмунда Бьюфорта, тогда еще не обремененного титулами и неженатого. Палата общин не видела в данном браке ничего плохого. Лестерский парламент 1426 года прямо обратился к канцлеру королевства с просьбой позволить влюбленным пожениться. Увы и ах, канцлером и поддерживающей идею силой в тот момент был дядюшка Эдмунда, Генри Бьюфорт, который был в сильнейших контрах с братьями Генри V. Джон, герцог Бедфорд, и Хэмфри, герцог Глостер, просто на дыбы встали при одной мысли, что весьма непростой юноша из семьи политического конкурента попадет в ближайший к королю круг и усилит этим оппозицию.

В результате брак Катерины Валуа и Эдмунда Бьюфорта был запрещен. Более того, в 1427 году через парламент был проведен своеобразный акт, по которому королева могла выйти замуж только с разрешения совершеннолетнего короля (на тот момент шестилетнего). Одна из сохранившихся копий этого акта включает любопытное замечание о том, что духовные лорды выразили озабоченность в отношении данной формулировки, потому что она могла быть рассмотрена как насильственное разлучение пары, уже состоящей в сексуальных отношениях и являющейся, таким образом, по обоюдному согласию мужем и женой. Очень интересное замечание, предполагающее то, что духовные лорды знали (через духовников Катерины) или подозревали, что отношения между Эдмундом и Катериной не остались на уровне вздохов. Вполне возможно, что странненький акт не столько имел целью ограничить сексуальность королевы, сколько воспрепятствовать появлению новых участников в игрищах вокруг престола короля-ребенка. В конце концов, в личную жизнь Катерины Валуа никто на практике не вмешивался.

Катерину Валуа представляют Генри V. Гравюра Томаса Стотарда.
Около 1830 года

Возникает очень сильное подозрение, что Эдмунд, сын Оуэна Тюдора, был на самом деле Эдмундом – сыном Эдмунда Бьюфорта, о чем свидетельствует и его герб, повторяющий герб Эдмунда Бьюфорта с модифицированным бордюром. В какой момент начались отношения между Катериной и Оуэном Тюдором? Были ли у них вообще отношения? Этого мы просто не знаем. В Средние века сертификатов о браке еще не было, и вполне возможно, что шустрый уроженец Уэльса просто взял «вину» на себя, прикинув, что, при доле удаче, это поможет ему в карьере. Как, в общем-то, и получилось. И если говорить о хорошо прослеживающихся в таких делах закономерностях, то брак Эдмунда Бьюфорта с Элеанор Бьючамп (вдовой) был заключен тайно и без лицензии, обязательной для лиц королевской крови. Пардон они получили и штраф заплатили только в 1438 году, хотя поженились, скорее всего, сразу после смерти Катерины Валуа в 1437 году. Впрочем, если Эдмунд Бьюфорт и Катерина Валуа были тайно женаты, это вовсе не делает Эдмунда Тюдора и его сына бастардами. Вернее, не делало бы, если бы эти Тюдоры носили

имя Бьюфортгов. Но в качестве Тюдоров бастардами они были, заявляя принадлежность к роду, с которым их ничего не связывало. Они также были бастардами, если Катерина и Эдмунд Бьюфорт начали сожительствовать уже после того, как им был запрещен брак, потому что в этом случае их связь оставалась бы просто внебрачной связью.

Так что Ричард III знал, несомненно, о чем говорит, как знали об этом и Генри Тюдор, и его сын, при жизни которых имя Тюдоров в наименовании новой династии вовсе не подчеркивалось.

О головоломности родства и похищениях девиц

Загадки средневекового эkkлeзиастического закона о браках довольно долго были оружием в руках тех, кто сомневался в порядочности Ричарда III, человека довольно строгих моральных принципов. Рассуждения по этой линии нападок шли примерно так. Если Ричард женился без папского разрешения на своей близкой родственнице Анне Невилл, совершив, таким образом, инцест по букве закона, то мог планировать и женитьбу на собственной племяннице, Элизабет Йоркской. Однажды кровосмеситель – всегда кровосмеситель, и неважно, что сплетня о предполагаемом намерении не имеет под собой никаких оснований, кроме невнятной, вырванной из контекста фразы в письме, которого никто, кроме одного человека, не видел.

Диспенсация, разрешающая брак Ричарда и Анны, впрочем, нашлась, и нашлась именно там, где ей подобало быть: в архивах папской канцелярии, которые открываются чрезвычайно медленно. Казалось бы, теперь Ричард оправдан? Но обвиняющая сторона тут же вцепилась в то, что диспенсация была неполной, а значит – недействительной. Ибо в ней всего лишь говорилось о том, что Анна и Ричард находились в третьей и четвертой степени родства, "*sed quia tertio et quarto affinitatis gradibus*". А ведь брак сестры Анны, Изабель, с братом Ричарда, Джорджем Кларенсом, делал Анну и Ричарда родственниками в первой степени родства! Так что караул и скандал, инцест и незаконность брака, не аннулированные святым словом папы.

Мать Ричарда была выходцем из гигантской по любым меркам семьи, в результате чего она и дед Анны по отцовской линии, Ричард, граф Салсбери, были оба детьми Ральфа Невилла, графа Вестморленда. Более того, детьми от одной матери: от Джоан Бьюфорт. То есть это делало Ричарда и Анну родственниками во второй и третьей степени. Кроме того, Эдмунд Лэнгли, прапрадед Ричарда, был пра-пра-прадедом Анны. Неизвестно, кто был крестными у Ричарда и Анны, но мать Ричарда точно была крестной Изабель, сестры Анны.

Хорошо известно, что в свое время, после того как молодой король Эдвард IV изумил народ невиданным мезальянсом (и раздал всех главных наследников виднейших сэров и пэров королевства в мужья сестрам своей супруги), его опора и советчик граф Уорик, отец Изабель и Анны, выдвинул категорическое предложение. Он решил выдать своих девочек за

королевских братьев, потому что по статусу теперь только сыновья герцога Йорка подходили дочерям первого пэра королевства. По каноническому закону, такой двойной брак не считался запрещенным. К несчастью для всех, именно тогда у короля были свои планы на брата Джорджа. В тот момент Джордж Кларенс был наследником престола, и его как раз прочили в мужья Мэри Бургундской или еще какой-нибудь девице из родни герцога Бургундского. Братья короля угодили под домашний арест – молодой Эдвард IV не был склонен к толерантности. Впрочем, граф Уорик в 1465 году получил, все-таки, Ричарда Глостера, который был на 13 месяцев моложе Изабель и на которого у его брата-короля планов не было, и виконта Ловелла, богатого наследника, который был чуть старше Анны. Оба подростка были определены пажами в штат графа Уорика и под его опеку, что обычно рассматривалось при подобных обстоятельствах фазой, предшествующей женитьбе. Тем не менее, Уорик решил, что Ловелл не пара его дочкам и наследницам, и женил молодого человека на своей племяннице, Анне Фитцхью, с почти неприличной скоростью – пока король не велел ему выдать за Ловелла одну из своих дочерей. Анну, скорее всего. Ричард то ли уже тогда выказал расположение к Анне, а не Изабель, то ли не стал вмешиваться в планы Изабель и своего брата, которые, похоже, были твердо намерены получить друг друга, то ли (и скорее всего) мысли подростка были заняты не прелестями окружающих дамзелей, а этапами на пути к званию рыцаря.

Известно, что в 1467 году граф запросил у Святейшего Престола диспенсацию на брак Кларенса и Изабель от имени дочери. Кларенс тоже запросил диспенсацию для себя, и его копия дожила аж до семнадцатого века и была изучена до последней запятой. Копию Изабель так и не нашли еще в папских архивах, но где-то там она есть. Нет пока никаких доказательств того, что одновременно была запрошена диспенсация для брака Ричарда с Анной. Никаких, кроме замечания миланского посла в письме своему суверену, что Уорик «женил двух своих дочерей на братьях короля, и в день св. Джона Кларенс женился на своей в Кале». Кларенс действительно женился на Изабель в Кале. Есть смысл предположить, что хозяйственный Кингмейкер в тот момент получил диспенсацию и на брак Анны с Ричардом. Именно поэтому она и не была затребована вторично, когда пришло время.

Однако, судя по тому, что в августе 1470 года Уорик запросил и получал диспенсацию для брака Анны с сыном короля Генриха VI, Эдвардом, Анна была все-таки для этого брака свободна, даже если диспенсация для ее брака с Ричардом уже существовала. По закону одно

другому не мешало. Но формального обручения, по-видимому, еще не произошло. Или же граф блефовал на грани преступления, что тоже не исключается. В конце концов, обстоятельства, в которых Уорик тогда находился, делали «или же» достаточно неважным, на кону стояло королевство. После победы графа Уорика в Англии и восстановления Генриха VI на троне о Ричарде Глостере никто не вспоминал, а для получения новой диспенсации вовсе не требовалось аннулировать старую. Тем не менее, всего через несколько месяцев ситуация изменилась. Король Эдвард IV снова сидел на троне, и герцог Кларенс оказался стражем Анны, за которой (снова?) принялся ухаживать Ричард. Только теперь ситуация между Ричардом и Анной осложнялась еще одной, новой линией родства: Анна стала вдовой сына двоюродного кузена Ричарда. Здесь не идет речь об отношениях Ричарда и Анны, но нельзя не напомнить еще раз (уж больно случай подходящий), что в тот момент, ухаживая за Анной, Ричард не мог надеяться ни на какую выгоду. У пятнадцатилетней девочки не было ничего, решительно ничего, даже надежд на наследство: все было обещано королем Эдвардом герцогу Кларенсу – в обмен на то, что братец Джордж предаст своего тестя, Уорика.

Джордж знал, что Анна не настроена уступать свою долю наследства, и он знал Ричарда, который был образован куда как более тщательно, чем братья и мог защитить интересы Анны перед любым судом. Поэтому Анна просто исчезла. Вероятно, для Ричарда не было слишком сложным найти спрятанную девушку, но он оказался в непростой ситуации. Во-первых, Кларенс был официальным стражем Анны, и без его дозволения никакой брак не был возможен. Во-вторых, увозя Анну прочь из дома Кларенса без ведома последнего, Ричард, технически, совершал похищение, что по закону тех времен приравнялось к насилию, даже если девица была согласна с планом целиком и полностью. Поэтому Анна и была привезена Ричардом не к нему домой, а в монастырское убежище. Во-первых, оттуда ее было невозможно вытащить без скандала на все королевство, и, во-вторых, там репутация девушки была в безопасности.

Увы и ах, содержание леди в монастыре не было бесплатным. Тем более вдовы убиенного принца Уэльского. Тем более против воли короля и его брата, герцога Кларенса. Несомненно, добрые сестры получили от Ричарда немалую компенсацию. Что, в свою очередь, означало, что безденежная Анна была полностью зависима от герцога Глостера, оплачивающего ее содержание, что могло быть интерпретировано как косвенное принуждение к замужеству. Собственно, именно в это и вцепился Кларенс, потребовав в 1471 году аннулирования брака Ричарда и

Анны именно на том основании, что этот брак не был проявлением свободной воли девушки, что бы там сама девушка ни утверждала.

Глостер и Кларенс выложили свои аргументы перед королевским советом на Михайлов День 1471 года. В дело вмешался король, и в феврале 1472 года Кларенс согласился на брак Анны и Ричарда при условии, что Анна не потребует от него своей доли отцовского наследства. В марте Кларенс, как опекун, даже сделал в пользу Анны дарственные на несколько поместий в графстве Глостер в качестве приданого, и, очевидно, где-то в этот период в Рим отправилось прошение о диспенсации, которая и была выдана 22 апреля 1472 года. Если обратить внимание, что в диспенсации Анна именуется "mulier" (женщина), а не "domicella" (дамзель), то не подлежит сомнению, что диспенсация была испрашена именно в свете вдовства Анны.

О тайном браке, который изменил историю королевства

Фатальным для династии Плантагенетов оказался тайный брак Эдварда IV, который тот заключил с Элеанор Тальбот (в замужестве Батлер) в 1461 году. Вернее, проблема была не в самом браке, а в том, что он был тайным и что второй раз король женился (снова тайно) на Элизабет Вудвилл, когда его первая жена была еще жива и здорова.

Отцом Элеанор был легендарный герой Джон Тальбот, 1-й граф Шрюсбери, победитель в 47 сражениях, соратник еще более легендарного короля Енри V. И потомок короля Эдварда I и Элеаноры Кастильской. Джону Тальботу, правда, пришлось довольно долго служить до титула коннетабля Франции, но, похоже, он был воином-трудооголиком, бывавшим в Англии наездами. Дожил он до 70 лет и погиб своеобразно. Его взяли в плен, и отпустили под клятву не надевать броню против французов. То есть не воевать. Но Тальбот решил трактовать клятву буквально и продолжил войну, сражаясь без доспехов. Погиб, конечно, но стал героем и Англии, и Франции – такие вот «непрактичные» тогда были времена. По линии матери, Маргарет Бьючамп, в родне Элеанор Тальбот был Ричард Уорик-Кингмейкер – он женился на сестре Маргарет, Анне. Таким образом, кузинами Элеанор были Изабель Невилл (будущая герцогиня Кларенс) и Анна Невилл (будущая королева Англии). Другая тетка Элеанор (и, вероятно, ее крестная), леди Элеанор Бьючамп, вышла за Эдмунда Бьюфорта и стала герцогиней Сомерсет. А младшая сестра Элеанор, Элизабет Тальбот, и вовсе вышла за герцога Норфолка (тогда титул держала семья Мовбреев).

Учитывая происхождение Элеанор Тальбот, ее брак с Томасом Батлером не был равным браком, даже если раскрыть, что Томас Батлер был сыном барона Седли. Здесь родословная поскромнее. Скорее всего, отцы Элеанор и Томаса были просто друзьями по оружию. Возможно даже, что Томас воспитывался у Тальботов, как тогда было принято. Просто Джону Тальботу и в голову не пришло расторгнуть помолвку дочери с сыном друга, когда он возвысился. Замуж Элеанор вышла, когда ей было всего 13–14 лет. Как обычно для девочек из аристократических семей, она переехала в дом мужа, где о ней заботилась мать новобрачного: физические отношения между мужем и женой могли по закону начаться только по достижении младшим партнером в браке шестнадцати лет. Заодно

готовилась собственность новобрачных. Седли были хоть и не слишком родовитыми, но достаточно богатыми. У них была собственность в Уорикшире, в Лондоне, в Глостершире. Семьи аристократов обычно жили во всех своих имениях, переезжая иногда по несколько раз в году. Часть собственности сдавалась в аренду. Не стоит забывать и того, что Англия переживала не лучшие времена правления Генриха VI, когда законом, как правило, было право силы. Та же матушка Элеанор в буквальном смысле слова вела военные действия с потомками мужа от первого брака. Так что переезды иногда диктовались просто требованиями безопасности.

Элеанор Батлер стала отнюдь не бедной вдовой в 23 года и очень скоро перебралась жить в ту часть своих владений, которые находились недалеко от владений ее сестры Элизабет, к мужу которой как раз перешел титул герцога Норфолка. Элеанор было 25 лет, ее сестре, герцогине Норфолк, 18. Элизабет считалась красавицей, то есть можно предположить, что Элеанор тоже была красива. Поскольку известно, что единственной блондинкой в семье Элеанор была ее мать, вероятно, обе сестры были кареглазы и темноволосы. Возможно – с рыжинкой. Их отец был довольно смуглым джентльменом, и дети унаследовали эту особенность. Рост Элеанор был 168 см, то есть она была очень видной молодой дамой, хотя более, чем это было принято среди светских дам, сосредоточена на вопросах веры. Не менее видным молодым человеком был и почти король Эдуард IV (уже провозгласили, но еще не короновали), остановившийся у Норфолков в Нориче, по дороге от Таутона к Лондону.

Эдварду было 19 лет. Здоровяк ростом в 188 см, тоже темноволосый, стриженный в стиле «Генри V». У него уже была определенная репутация с женщинами, и в тот период его, как обычно очень молодых людей, притягивали те дамы, которые были старше его. В общем, Элеанор приглянулась ему, а приглянулся ли он ей, мы не знаем. Учитывая ранг Элеанор Батлер и склад ее характера, не может быть и речи о том, что она просто прыгнула в постель к проезжему молодцу. Последующие события доказали также, что никто из родни Элеанор не пытался «подсунуть» пригожую вдову молодому королю в своих интересах. Ричард Уорик, «Кингмейкер», например, понятия ни о чем не имел чуть ли не до конца жизни. Возможно, единственным человеком, который был в курсе дела, была сестра Элизабет, герцогиня. Но, скорее всего, и она узнала обо всем только со временем.

Почему, собственно, Эдварду понадобилось жениться на Элеанор секретно? Здесь есть два варианта. Первый – это то, что они могли встретиться в 1460 году, когда Эдвард еще не был провозглашен королем,

но был держателем права престолонаследия через своего отца, которого Генри VI признал наследником короны. Да, тогда ему была нужна осторожность во всех действиях. Второй вариант менее красив. Если они встретились в 1461 году, то Элеанор просто-напросто отказалась стать любовницей короля, и тот организовал тайный брак, чтобы заполучить желанную женщину – не имея ни малейших намерений сдержать слово. Будущее показало, что Эдвард вообще не стеснялся нарушать свои обещания, если они становились неудобными для него. В случае с Элеанор он совершил фатальную ошибку. На этой тайной церемонии был свидетель, будущий епископ Стиллингтон. Есть и третий вариант, еще менее красивый. Вернее, настолько некрасивый, что его историки даже не рассматривают, хотя в свете будущих отношений Элеанор и Эдварда именно он невольно приходит на ум – насилие. Эдвард был из породы людей, категорически не принимающих слова нет, и он был способен на жестокость по отношению к женщине. Но Элеанор не была абы какой женщиной, и, чтобы погасить скандал, Эдварду просто пришлось наспех заключить с ней брачный союз, даже пригласив Стиллингтона в свидетели. Несомненно, по настоянию Элеанор.

Если бы позднее Эдвард женился на Элизабет Вудвилл открыто, английская история пошла бы другим курсом. Церковному браку предшествовало оглашение, во время которого все желающие могли вынести свой протест. Кстати, в случае Эдварда не было даже риска. Элеанор была далеко на севере и просто не успела бы со своими протестами, даже если бы захотела их предъявить. Но молодой король предпочел действовать по знакомому шаблону и женился на Вудвилл тоже тайно, что сделало его двоеженцем, а его детей от этого брака – бастардами. Что заставило его так поступить, никто не знает точно. Возможно, простое незнание закона. Возможно, ему хотелось убедиться в том, что королева способна создать династию. Очень возможно, что опасение вызвать раздражение союзников-пэров, которые наверняка бы не одобрили его выбор. Это, и еще твердая уверенность в том, что Элеанор не будет настаивать на своих правах. О том, что Стиллингтона начнет мучать совесть, Эдвард не подумал.

Эдвард IV с семейством принимают первую печатную книгу от графа Риверса. *Миниатюра 1476 года*

Надо сказать, что Элеанор действительно никогда не заявляла о своих правах. Как показали дальнейшие события, Элеанор считала себя замужней женщиной, но не была от этого факта счастлива и явно глубоко не доверяла своему мужу. Не зря. Отношения у них расстроились буквально за несколько месяцев. Тем не менее, Элеанор достаточно уважала себя, чтобы потребовать от тайного супруга некоторых вещей сразу, как и полагается при вступлении в брак. В первую очередь – милостей для своего свекра, которому те были нужны. Ральфа Батлера еще вызвали на первый парламент короля Эдварда IV, но потом освободили от явок в парламент и уплаты всяких десятин и пошлин, и налогов. Ему разрешили не принимать административных обязанностей в округе и освободили от явки в случае военного призыва. В это же время в бумагах Элеанор начинают появляться доходы от таинственной земельной собственности в Вилтшире, в

Савернейке. Таинственной эта собственность была потому, что никак с прочими владениями Элеанор она не граничит и ее приобретение никак в документах не прослеживается. Подарок. Очевидно, подарок короля Эдуарда. Профессор Джон Эшдаун-Хилл, исследовавший историю Элеанор Тальбот, тщательно проанализировал возможность того, что она получила эту собственность от своей семьи. Но ни отец, ни братья ей ничего не завещали. Ничего относительно Вилтшира не говорится и в завещании ее матери. Зато история поместья тесно связана с королями Англии. Во всяком случае, в 1452 году король Генрих VI подарил эти земли своей жене, Маргарет Анжу, а в 1466 король Эдвард подарил их своей – Элизабет Вудвилл. Это была явно королевская собственность. В 1462 году, правда, подаренное было отнято, но компенсировано. Очевидно, где-то в это время отношения Элеанор и Эдварда расстроились до враждебных.

Могла ли Элеанор протестовать против объявления Элизабет Вудвилл женой короля Эдварда IV? Теоретически – да. Прецедентов в подобных ситуациях было предостаточно, и она бы выиграла статус, даже если и не самого мужчину. Но в условиях начала 1460-х годов вызывать короля на суд было бы, как минимум, безответственно. Стране нужен был сильный, молодой король, способный создать династию, а Элеанор для подобной роли явно не подходила, проблемы с потомством были у всех ее братьев и сестер. Как максимум – времена сразу после гражданской войны были еще и дикими, так что пытаться судиться с королем было бы опасно для жизни. Возможно, поэтому Элеанор и молчала, поэтому и поселилась при монастыре. Кстати, она никогда не стала монахиней, и объяснений тому, почему богатая, молодая и красивая женщина укрылась за монастырскими стенами, не так много. Если она и покидала укрытие, то всегда находилась рядом со своей сестрой, герцогиней, под надежной охраной многочисленного эскорта. Трудно сказать, кого именно она опасалась – короля или Вудвиллов.

Элизабет Вудвилл точно знала о том, что ее муж был женат на момент их брака, хотя и неизвестно, в какой момент ей была открыта истина. Она не была самой сдержанной женщиной на свете и несколько раз при свидетелях выражала вслух опасения относительно законности своих детей. Как показало развитие событий, ее опасения были совершенно обоснованы, и Стиллингтон заговорил в самый неподходящий момент. Но к тому времени тайна первого брака короля уже стоила жизни одному его брату, герцогу Кларенсу.

О попытках формализации неформального

Как видно из приведенных выше историй, неформальность заключения браков в средневековой Англии порождала изрядное количество более или менее головоломных путаниц и потенциально опасных для будущего ситуаций. Со Средних веков сохранилось потрясающее воображение количество сутяжных документов, касающихся наследственных процессов, причем как истцами, так и ответчиками были и лорды, и седельщики, и джентри, и фермеры. Поэтому желание короны внести какой-то порядок в вопрос о том, кто, на ком и когда был женат и кто из наследников являлся законным для каждой части имущества, вполне понятен. У англосаксов вопрос был решен так, что бастарды имели совершенно равные права с детьми, рожденными в браке, и все наследники получали равную часть. Очень прагматично. Англо-норманны же старались всеми силами предотвратить раздробление собственности, которое сильно сокращало размер получаемого короной налога. Отсюда и усложнение вопроса о законности происхождения, и тщательные договоры о том, что, как и когда уйдет из семьи вместе с дочками и что взамен придет.

Самым очевидным, упреждающим решением проблемы способом выглядела формализация бракосочетания. Потому что, с одной стороны, церковь признавала основой для брака только свободную волю вступающих в брак, их возраст и вероисповедание. Ни согласие семьи, ни вопрос приданого церковь не волновал. А с другой стороны, была семья и ее глобальные интересы, были тщательно взвешиваемые соображения относительно собственности и способов ее передачи и были, наконец, государственные интересы короны, желающей получить максимальную прибыль с отданных аристократам земель. Вот и получались ситуации, когда молодые действовали независимо от воли семьи, что в будущем порождало пренеприятнейшие ситуации для всех вовлеченных. И вот к чему пришел Четвертый Латеранский Собор к 1215 году: решительно запретить священникам совершать тайные брачные обряды. Надо сказать, что именно в английских условиях это было скверным для церкви решением. Потому что своенравные англичане и так своими браками священников не перегружали. Зато перегружали суды исками.

Генриетта Лейзер описывает интереснейший случай брачной махинации, дошедший до наших дней из судебного дела «Брук против Насток». Интрига имела место в 1290 году, и началась она с того, что

Эдмонд де Насток и Элизабет де Ладехейл влюбились друг в друга и тайно поженились. По какой-то причине уровень доходов Эдмунда молодых не устроил, и они придумали, как им казалось, идеальный выход. Эдмунд попросил у Ричарда де Брука руки его дочери Агнес. Предложение было принято, и Агнес в приданое были выделены: шесть лошадей, десять быков, двенадцать коров с телятами, двенадцать волов с упряжью, восемьдесят овец с ягнятами, двенадцать баранов, тринадцать свиней, десять четвертей пшеницы, одиннадцать четвертей ржи, двадцать четвертей ячменя, три четверти соли, а также посуда, два плаща, четыре накидки, восемнадцать простыней, другая одежда, текстиль и полотенца, а также 100 шиллингов деньгами (около 212 100,00 фунтов на наши деньги, если считать их как доход). Приданое было передано после того, как пара обменялась брачными клятвами и утвердила брак близостью. Тут в схему вступила Элизабет со своими притязаниями на Эдмунда, чьей законной женой она действительно являлась. Почему-то мошенники считали, что у Эдмунда после развода с Агнес останется половина полученного приданого. Ничего не вышло, и приданое у него полностью отобрали по решению суда, да еще и обязали 16 фунтов Агнес заплатить за ущерб, то есть размер штрафа превысил размер денежного приданого втрое!

Таким образом, необходимость в упорядочивании брачных дел действительно была, и для людей разумных церковь предложила следующую схему:

- Перед непосредственным обручением семьи жениха и невесты должны были решить между собой все финансовые вопросы. Ожидалось, что невеста должна принести с собой приданое, представляющее ее долю выделенного наследства. Взамен она получала права на часть земель своего жениха (так называемая «вдовья доля»). Часто на практике приданое дочерей в поколениях переходило только по женской линии, передаваясь только от матери к дочери, и земли эти могли находиться довольно далеко от владений отца. Если дочерей в семье в каком-то поколении не было, эту «женскую землю» обычно получал младший сын.

- После того как финансовые вопросы были оговорены и утверждены, должна была состояться церемония обручения при свидетелях. Дети знати к этому моменту уже давным-давно были предварительно обручены, но даже предварительное обручение не рекомендовалось, пока ребенок не достигнет возраста 7 лет (возраст разумности), хотя обручение не могло быть признанным вступившим в силу, пока жениху не исполнялось 14 лет, а невесте 12 (законный возраст). Тогда обручение либо подтверждалось, либо расстраивалось.

- Перед самой церемонией должно было состояться публичное оглашение трижды, причем с интервалом в один день как минимум, чтобы все, у кого имелись против объявляемого брака возражения, успели бы их заявить и предъявить доказательства своим словам. Были определенные периоды года, когда браки заключать было нельзя, например, период Адвента.

- Перед решающим моментом пара встречалась перед дверями церкви, где жених объявлял при свидетелях, что приданое им получено, и вручал невесте золото или серебро в качестве подарка, а также кольцо, которое после освящения в церкви надевалось ей на палец. Потом пара обменивалась клятвами. Очень интересно и неожиданно то, что до самого 1549 года, то есть до Реформации, невеста не клялась быть послушной своему мужу. От жены ожидалось, что она будет лояльна и послушна, но публичной клятвы в этом она не давала – зачем изрекать очевидности?

- В церкви происходило, собственно, только благословение коленопреклоненной пары.

- За церемонией должен был следовать свадебный пир. В обязательном порядке, кстати, потому что сохранилось дело от 1294 года, когда некий Роберт Джувел такого пира не устроил, и суд его обязал накормить праздничным обедом истцов. Понятно, что у знати иногда стоимость пира чуть ли не превосходила размер приданого невесты, но у бедных пар за брачующимися был только эль, остальное приносили с собой гости.

- Последней частью обряда было благословение спальни новобрачных. О том, что было потом, известно очень мало, но сохранились свидетельства, что в некоторых областях Англии приданое новобрачной поступало в распоряжение мужа только после того, как он исполнял свой первый после церемонии супружеский долг. В этом случае служитель церкви исполнял роль свидетеля своего рода, что брак вступил в законную силу и без принуждения.

Насколько эти наброски соблюдались в реальной жизни? С переменным успехом. Можно сказать, что только к началу шестнадцатого века церковные браки высшей аристократии стали скорее правилом, чем исключением. А вот те, кому особенно делить и завещать было нечего, продолжали обходиться без формальностей еще несколько столетий.

О нарядах для невест и не только

«Something old, something new, something borrowed, something blue, and a silver sixpence in her shoe». Все знают этот стишок, который рекомендует невесте иметь на своей свадьбе «что-то новое, что-то старое, что-то взятое взаймы, что-то голубое и серебряный шестипенсовик в своей туфельке». Благодаря упоминанию шестипенсовика, мы можем с уверенностью сказать, что стишок говорит о временах не раньше 1551 года, когда серебряные шестипенсовики начали чеканить, и не позже 1946 года, когда чеканка прекратилась. Но вот начало? Начало стишка, несомненно, более старое, потому что в средние века голубой цвет, цвет девы Марии, действительно считался очень уместным на свадьбах и вообще в женской одежде.

До самого восемнадцатого века англичанки не выходили замуж в белом, если только белый не был любимым цветом невесты или жениха. В белом шелке выходила замуж Филиппа Ланкастерская, дочь Генриха IV, за короля Дании, Швеции и Норвегии Эрика. В белом, затканном золотом верхнем платье, отороченном беличьим мехом, поверх нижнего желтого, оточенного горностаем, выходила замуж за короля Португалии и ее тетушка, тоже Филиппа, дочь Эдварда III. Что касается остальных, то Элеанора Прованская выходила за Генри III в зеленой мантии на плечах, на Изабелле Французской нижнее платье как раз голубого цвета, а вот верхнее так расшито и изукрашено, что определить его цвет одним словом невозможно. В златотканых одеждах изображена и невеста Ричарда II, тоже Изабелла, и на миниатюре видно, что часть костюма была все того же голубого цвета. Генри V и Катерина Валуа оба одеты на брачной церемонии в золотое, а Маргарет Анжу выходила за Генри VI в затканной золотом мантии.

Кстати, не давайте поблекшим цветам миниатюр себя обмануть: в живой жизни одежда богатых англичан была не просто яркой, а очень яркой, потому что импортные красители стоили невероятно дорого, и делом чести для каждого богача было показать, что у него вполне хватает денег на дорогие ткани. Ткани пастельного цвета были уделом бедняков, которые пользовались растительными красителями, а не минеральными. В Европе сохранилось одно-единственное платье, принадлежавшее средневековой даме, королеве Швеции, Дании и Норвегии Маргарет (1353–1412), помещенное уже в 1600 году для хранения в кафедральный собор Уппсалы.

Естественно, за пару сотен лет до помещения в закрытую витрину оно успело несколько поблекнуть, но все равно дает некоторое представление о былой роскоши.

Поскольку сохранившиеся со Средних веков миниатюры изображают, по большей части, именно королевские свадьбы, то можно сделать вывод, что фату невесты тоже не носили. В принципе, покрывать голову всегда считалось пристойным, но зачастую принцессы красовались на своих свадьбах просто в открытых коронах и с распущенными волосами – если только не выходили замуж за обычных рыцарей. Дочь Эдварда III выходила за своего Анггеррана де Куси с покрытой головой. Впрочем, эта своенравная принцесса просидела в девицах до 33 лет, пока не нашла себе мужа по сердцу, так что вполне возможно, что она просто сочла смешным распускать кудри при всем честном народе в далеко не девичьем возрасте.

Можно с большей или меньшей уверенностью считать, что фата не заняла своего места в свадебном наряде до того момента, как бракосочетания не начали проводиться в церквях, где женщины всегда покрывали голову. Довольно долго они проводились у дверей церкви, а не внутри. Не всегда королевские невесты были невинными девицами и иностранными принцессами. Эдвард IV публично женился на вдове, Элизабет Вудвилл, но миниатюра изображает и ее с распущенными девичьи волосами и с короной на голове, одетой в синее платье. Впрочем, к моменту церемонии Элизабет уже была женой Эдварда, и, как королева, имела право и на корону, и на распущенные косы.

Стоит также учитывать, что зачастую миниатюристы рисовали не то, чему они были свидетелями. Они рисовали некие «виртуальные» изображения со слов очевидцев, а у очевидцев одного и того же события есть прискорбная привычка видеть его по-разному. Поэтому лучше всего придерживаться представления, что аристократы, несомненно, одевались на свои свадьбы в лучшие одежды, которые если не полностью, то частично шились именно к этому случаю. Голова невесты могла быть покрыта или замысловатым головным убором, или коронетом, бракосочетание могло проходить или перед церковью, при большом стечении народа, или в частной часовне, практически без свидетелей, или просто в большом холле замка или поместья. Могло быть и так, что невеста отправлялась в путь в дом жениха, не имея представления ни о нем, ни о своем будущем доме, имея на руках только брачный контракт. Скорее всего, в ее честь устраивался праздник, но, по большому счету, это была уже не столько свадьба, сколько прибытие новой хозяйки в свой дом. Хотя в самой Англии с ее достаточно узкой аристократической прослойкой подобная

ситуация «прыжка в неизвестность» была маловероятна.

Драгоценности в Средние века «фамильными» еще не были. Оправы переплавлялись или делались из монет согласно моде для определенных событий в жизни. Камни, с другой стороны, переходили из одной оправы в другую, но очень часто проходили через новую огранку, подходящую для нового украшения. Это были рубины из Индии и Цейлона, сапфиры из Цейлона и Персии, изумруды из Египта, бирюза из Персии и Тибета, бриллианты из Индии и Центральной Африки, аметисты из Германии и России, горный хрусталь из Германии, Швейцарии и Франции, опалы из Восточной Европы. Жемчуг из Шотландии и янтарь с побережий Балтики, а также средиземноморские кораллы тоже широко использовались ювелирами.

Хорошо описаны и изучены, например, драгоценности, сделанные специально для свадьбы сестры короля Эдварда IV, Маргарет, с герцогом Бургундии. Корона Маргарет сохранилась в Аахене. Круглая, открытая корона украшена большими розами из белой эмали и маленькими розами, покрытыми красной и черной эмалью. Круглая основа короны обрамлена внизу и сверху жемчугом, и жемчуг также щедро рассыпан по другим деталям короны – в честь невесты, как считают исследователи, потому что одним из слов, обозначающих во французском языке жемчуг, является *marguerites*, так что они использовались в качестве синонима имени Маргарет. Буквы на короне – это буквы имени Маргарет и соединенные буквы М и С, для *Margaret* и *Charles*. Сзади корона украшена гербом Бургундского дома. В короне преобладают парные цвета: белый с голубым и красный с черным. Белый с голубым были цветами бургундских Валуа. Что касается комбинаций красного с черным, то, скорее всего, и это имеет отношение к Бургундскому дому, потому что Орден Подвязки, сделанный для мужа принцессы Маргарет Карла Смелого, состоит именно из красных камней и черной эмали. Некоторое удивление вызывает у историков крошечный размер короны, всего 12,5 см. По этому поводу были довольно жаркие дебаты, но причина такого размера, как совершенно справедливо считает Эшдаун-Хилл, очевидна: корона была сделана как часть головного убора, известного как *atour*.

Корона Маргарет Йоркской из Аахенского кафедрала. 1467–1468 года

На портрете Маргарет Йоркской изображены еще несколько украшений. Подвеска в виде буквы В (Burgundy), комбинированная с жемчужиной (marguerites), брошь в виде золотой маргаритки и колье. Относительно колье тоже идут дебаты (оно не сохранилось), но это украшение идеально подходит к короне, которая совершенно точно принадлежала этой даме, так что можно с достаточной уверенностью сказать, что колье было, и что оно принадлежало Маргарет Йоркской. Главной причиной дебатов служит комбинация белых и красных роз в колье. С белыми розами, эмблемой Йорков, все более или менее понятно. Но что делают на колье красные розы, твердо ассоциирующиеся у наших современников с домом Ланкастеров? Правда, скорее всего, заключается в том, что в 1460-х, когда Маргарет выходила замуж, никакие красные розы Ланкастеров не символизировали. Красные розы в колье символизируют Карла Смелого, цветами которого были красное и черное.

Что касается колец, то кольца были, но во время свадьбы кольцо было

атрибутом церемониальным, и более поздние портреты вышеупомянутых королей не показывают, что они обручальные кольца носили. Церемониально жених касался кольцом кончика большого пальца невесты со словами «во имя Отца», затем – указательного пальца, говоря «и Сына», затем – кончика среднего пальца, продолжая фразу словами «и Святого духа», и, наконец, говорил «Амен», надевая кольцо на безымянный палец правой руки. Насколько известно, средневековые невесты колец своим женихам не надевали. Джон Эшдайн-Хилл, исследуя практики средневековых браков, предполагает, что церемония могла иметь место и в случаях совершенно неформальных браков, где роль кольца могло играть хотя бы колечко из соломы или травинки. Дорог был не металл, дорог был символический жест, что клятва дана.

Относительно косметики, используемой в Средние века, записей осталось очень мало. Изучение портретов того времени многого не дает. К сожалению, в ту пору, когда на континенте писались уже вполне вменяемые портреты, англичане продолжали живописать кривенько и косенько, в стиле миниатюр. Даже те написанные неизвестным художником портреты королей и королев конца пятнадцатого века, которые нашлись в частной коллекции Роберта Харбина из Сомерсета, и те, которые представлены в музеях National Portrait Gallery, Government Art Collection и Society of Antiquaries, были созданы уже в шестнадцатом веке, около 1540 года. Портреты других королей и королев тоже написаны через столетия после того, как эти короли и королевыв жили. Возможно, существовали более ранние портреты, копиями с которых эти портреты являются. Возможно, настоящий художник и по кривой миниатюре поймет, как выглядел человек. Но сказать о том, насколько распространена было в Средние века косметика, по этим портретам невозможно.

Из текстов средневековых хронистов, которые обожали порицать суетность мирской жизни, мы знаем, что волосы дамы-аристократки подкрашивали совершенно точно. Из рукописей типа *Compendium Medicinæ* от 1240 года мы можем понять, что бледность кожи была в моде, потому что рукопись содержит рецепты косметических препаратов, помогающих достичь эффекта белизны. В свою очередь, этот семитомник является ничем иным, как конспектом более ранних трудов по медицине, которые автор и перечисляет в предисловии. Таким образом, мы можем сделать вывод, что и в Средние века под создание косметических составов подводилась медицинская база, как и в наши дни. Насколько этой базе можно доверять? Настолько же, насколько и современной, разумеется, то есть с изрядной долей скептицизма.

Отбеливающим считался порошок, сделанный из луковицы белоснежной лилии *Lilium candidum*, известной как Лилия Мадонна. Для той же цели рекомендовался корень цикламена. В *L'ornement des Dames* можно найти совет буквально по любому поводу: как отбелить лицо и как отбеливать зубы, как выбелить волосы и как покрасить их в черный цвет, как закрасить седину и как сделать волосы блестящими и здоровыми, как вывести волосы и как их укрепить, и, конечно, о том, как сводить веснушки. Предположительно, текст основывался на работах знаменитой Тротуллы из Салернского университета, но кто знает. Для отбеливания зубов, например, рекомендовалось смешать ячменную муку, жженные квасцы и прокаленную соль, растереть мелко, смешать с растопленным медом и протирать этой смесью зубы.

Мы не знаем, подкрашивали ли средневековые леди глаза, но румянами, бальзамами и помадами они пользовались совершенно точно. Джеймс Клай в своей книге *“Love Locked Out, A Survey of Love, Licence and Restriction in the Middle Ages”* упоминает о французской песенке тринадцатого века, в которой разносчик торгует «бритвами, щипчиками, очками для чтения, зубными щетками и зубочистками, лентами, ободками и щипцами для завивки, бантами, расческами, зеркалами... хлопком, которыми они себя румянят и себя отбеливают». Знакомые предметы, не так ли?

Мода – это почти всегда некоторая экстравагантность, и мода средневековой Англии отнюдь не была исключением. Разумеется, быть абсолютными модниками всегда и везде никто позволить себе не мог, и вот почему. Дело в том, что «высокая мода» английского средневековья имеет четкий источник: двор короля Вильгельма II Руфуса. И вот как эту моду описывает современник Ордерикус Виталис (Ордерик Виталий), живший в 1075–1142 годах: «они носят волосы разделенными на пробор, обрамляющими лицо, и отращивают свои локоны длинными, как у женщин, и носят длинные рубашки и туники с завязками. Они надевают на ноги туфли с носками, загнутыми наподобие хвостов змей и имеющими форму скорпиона. Они метут землю чудовищной длины шлейфами своих мантий и одеяний и прячут свои руки в перчатки, слишком высокие и широкие для того, чтобы делать в них что-либо полезное. И, обремененные этими излишествами, они теряют свободу движений для активных занятий. Передняя часть головы у них не покрыта, как у воров, и сзади волосы распущены, как у шлюх. Волосы они завивают и вместо того, чтобы носить шапки, обматывают они головы повязками». Вполне очевидно, монах Ордерикус Виталис не был другом высокой моды, но благодаря его

запискам мы знаем имя того, кто первым придумал набивать длинные носы туфель пенькой и закручивать их наподобие бараньих рогов. Некто Роберт, «дебوشيристый малый», как обозвал его монах, получивший благодаря своему изобретению прозвище Корнард.

Все, что мы знаем о короле Вильгельме Руфусе, предполагает, что его придворные не только и не столько завивали себе локоны, сколько занимались тем, чем лордам и рыцарям заниматься было должно. Модели наших дней вне подиума одеваются, как и все прочие смертные, в обычнейшую практичную одежду. Для придворных времен Вильгельма Руфуса подмостками служили церемонии при дворе, где было вполне уместно себя показать так, чтобы не было досадно и других посмотреть. Так что точка зрения монаха ценна для истории скорее описанием парадных одежд того времени, нежели достоверностью описания предполагаемых нравов. Один момент следует запомнить и не забывать: в Средние века голову не покрывали две категории населения: члены королевской семьи и преступники. Очевидно, потому, что короли стояли над обыденными правилами приличия, а преступники – вне всех правил. И все же, даже имея право на исключение, и первая, и вторая категории предпочитали носить головные уборы хотя бы потому, что их можно было сделать дополнительным украшением обдуманного образа. На праздниках незамужние девушки обычно веселились с непокрытыми головами, но в таком случае они украшали себя коронетами, венками, диадемами, просто обручами.

О том, как одевались дамы того же периода, тоже не нужно строить догадок. Хотя описаний их нарядов никто в летописях не оставлял, англичане имели манеру иллюстрировать библейские истории, наряжая персонажей в современные иллюстраторам одежды, и Томас Райт, написавший книгу «Womankind in Western Europe» в 1869 году, сделал в Британском музее несколько зарисовок с Псалтыря двенадцатого века. Хорошо заметно, что у фигур, волосы которых не покрыты, прическа полностью соответствует той, которую критиковал Ордерикус Виталис у мужчин. Точно так же длинны рукава и в женской одежде, иногда буквально достигая пола, и точно так же длинны туники и мантии. Но сама по себе одежда довольно проста: нижнее платье, верхнее платье и мантия. Платья довольно узки, подчеркивают формы, а мантия, как и положено, их закрывает от нескромных взоров и, в первую очередь, позволяет хозяйке укладывать ее красивыми складками.

Правда, на этих картинках показана мода уже второго поколения англо-норманнов, если вообще не третьего. Женщины времен Вильгельма

Завоевателя одевались в будней деятельности куда как функциональнее, в своего рода женский вариант воинской одежды. Пожалуй, никогда еще английская мода не отличалась от континентальной так сильно, как в шестидесятые и семидесятые годы одиннадцатого столетия.

Одежда всегда в какой-то степени отражает социальные и экономические тенденции общества. К тринадцатому веку значимость женщин-аристократок заметно увеличилась по мере того, как в их владения стали переходить наследства в семьях, где наследники мужского рода либо так и не появились, либо они погибли в одном из многочисленных конфликтов, либо умерли от болезни. Женские наряды стали более богатыми, более изысканными – благо, появилась возможность комбинировать материалы. К концу двенадцатого века в английской одежде появился хлопок, материал «между шерстью и льном», как восторженно писал Жак де Витри, который был, как ни странно, тоже монахом, да еще и епископом, но к моде, в отличие от Ордерикуса Виталиса, относился с интересом, что не мешало ему быть воином и философом. Различные примеси к шелковой пряже позволили создавать ткани, напоминающие тафту (cendal), или толстый, золотого цвета сиглатон (siglaton), или расшитый золотом самит. Стал использоваться бархат. Изменились и женские прически. Теперь волосы забирались наверх, в практически любую мыслимую форму. «Рога» тогда тоже пробовали, хотя в моду они вошли позже.

С каждым поколением украшения прибавлялись, особенно в плане драгоценностей и металлических работ по тканям. Законы, пытающиеся расписать тип одежды, материалы и цвет, аксессуары и меха по сословиям и статусу, начали появляться в Англии уже во времена Столетней войны, и почти каждый последующий король считал своим долгом издать очередной закон в этом направлении. Но на деле добрые англичане только отмахивались от всех попыток ограничить их страсть тратить деньги на наряды.

Глава четвертая. Жена, хозяйка, мать

По поводу того, чем должна была занять себя молодая хозяйка после того, как она благополучно воцарялась в новом хозяйстве, благородные девицы наверняка инструктировались еще в дни своего обучения. Не только в теории, но и на практике, наблюдая за хозяйкой двора, при котором их обучали, и практикуясь то в одной, то в другой области деятельности, которые им поручали. Теоретические знания и в Средние века сильно отличались от реалий повседневной жизни. Возьмем хотя бы вопрос штата новой хозяйки. Неутомимая Кристина Пизанская детально инструктирует молодую женщину относительно того, как составить хорошо сбалансированный штат, который будет глазами, ушами и руками леди.

Надо отдать Кристине должное. Она признает как факт, что молодая жена не покажет себя идеалом хозяйки со своего первого дня жизни в новом статусе, и предлагает назначить на ответственные должности людей опытных и заслуженных, которые смогут ненавязчиво инструктировать и наставлять свою леди, пока та не наберется опыта и не ознакомится с особенностями того места, которое отныне будет ей домом, – и не выработает свой стиль. Молодая женщина должна понимать, что на первых порах ей нужно окружать себя людьми, возможно, немного скучными, но безусловно достойными. Потому что судить о молодой леди будут именно по ее слугам. Будут те вести себя плохо, будет погублена и репутация хозяйки раньше, чем новые подданные ее узнают. Скорее всего, именно поэтому выбор двора для своей новобрачной осуществлял на практике супруг – или его родители, или наставники, хорошо знающие подходящих для штата людей в окрестностях своих владений. Конечно, при условии, что молодая хозяйка уже не прожила несколько лет при дворе матушки своего нареченного, что было нормальной и полезной практикой.

Поскольку в аристократических семействах муж и жена имели отдельные дворы и даже виделись не каждый день, а этикет предписывал, чтобы при дворе леди, в который входили мужчины и женщины, были регулярные игры и танцы, прием гостей и активное завязывание связей, немалую роль при дворе новой хозяйки играла ее компаньонка. В идеале – женщина, хорошо понимающая, что молодежи свойственны живость, непосредственность и смешливость, и что внезапно, после многих лет дисциплинарного подчинения, обретенная свобода леди и хозяйки может

ударить девушке в голову. На практике персонал двора леди, назначенный со стороны мужа, зачастую остро конфликтовал за влияние на хозяйку с персоналом особо приближенных слуг, которых она привозила с собой.

Таким образом, начало семейной жизни молодых супругов было потенциально нелегким и требовало от всех вовлеченных сторон огромного такта и желания ужиться. Тем не менее, изучение завещаний лордов, дошедших до нас от средневекового периода, говорит о том, что в девяти из десяти случаев исполнительницей завещания лорда (то есть, довереннейшим лицом) была его супруга. Об этом феномене писала еще Эйлин Пауэр в начале двадцатого века, и исследования Ровены Арчер, проведенные в девяностых годах, когда большое количество архивов стали доступны для историков, этот вывод подтверждают. Иногда леди исполняла завещание одна, иногда – во главе группы лиц. Причем историки-экономисты, изучающие Средние века через расходные книги, налоговые документы и прочие канцелярские архивы, утверждают, что чаще всего землями, которые жена приносила во владение мужа в качестве приданого, продолжала распоряжаться именно она. Более того, общее управление финансами хозяйства было женской работой. Учитывая, что в рядах высшей аристократии «хозяйством» были отнюдь не одно поместье или замок, задача была не для слабых умов.

О «стерпится – слюбится»

Как уже говорилось в предыдущей главе, и в Средние века были девицы, решительно бравшие свою судьбу в собственные руки и заключавшие тайные браки с теми, кого они выбирали сами. Результаты подобных действий не всегда были однозначны, но не это главное. Главной особенностью типичных средневековых аристократических браков было то, что они заключались рано, заключались на основании анализа ситуации и прикидок на будущее и заключались родителями. Особенно в отношении наследниц и наследников. Зачастую лорды и джентри обручали младенцев – до того, как король или сеньор успевали вмешаться в ситуацию. Нет, согласия обручаемых, естественно, никто не спрашивал, вне зависимости от пола ребенка. В принципе, достигшие совершеннолетия молодые могли согласиться с решением родителей или не согласиться, но и без лишних слов понятно, что редко кто на практике решался на открытый бунт. Или редко кому подобная мысль даже приходила в голову.

На фоне подобной авторитарности не может не удивлять то, что подавляющее большинство средневековых браков были все-таки счастливыми. Или, как минимум, не были откровенно несчастными.

«In youth our parents joined our hands, our selves, our hearts,

This tomb our bodies have, the heavens our better parts»,

Так написал Томас, пятый лорд Беркли, прозванный Великолепным, планирующий совместную гробницу после смерти своей жены. «Когда мы были молоды, наши родители соединили нас, наши руки и наши сердца. Наши тела покоятся в этой гробнице, но лучшая часть нас на небесах». Прочувствованные слова. Лорд Томас прожил довольно долгую жизнь (1352–1417), а вот его жена Маргарет, баронесса де Лайл, прожила всего 32 года (1360–1392). Супруги похоронены в Воттон-андер-Эйдж.

Бракосочетание Генри V и Кэтерины Валуа. Миниатюра XV века

Их действительно соединили родители, потому что леди Маргарет стала женой лорда Томаса в возрасте 7 лет, в 1367 году. Жениху было 15. Собственно, все мужчины из рода Беркли женились рано. Морис Беркли, родившийся в 1289 году, женился на Эве ле Зух, когда ему было восемь, и

стал отцом в четырнадцать, причем по инициативе супруги, которая была или того же возраста, или немного старше – так, во всяком случае, утверждает Эйлин Пауэр. Его внук, тоже Морис (1330–1368), в восьмилетнем возрасте стал мужем Элизабет, дочери Хью Деспенсера-младшего, которая была старше его на три года, и тоже стал отцом в четырнадцатилетнем возрасте. Сам сэр Томас, сын этого Мориса, был фигурой, объединившей четыре клана, которые при Ричарде II боролись за власть: Мортимеров, Клэров, Беркли и Деспенсеров. Его бабкой по материнской линии была сама Джоанна, дочь короля Эдварда I. Так что можно сказать, что родители сэра Томаса еще сделали уступку времени, женив наследника так поздно.

Увы, счастливый брак сэра Томаса увенчался только одним ребенком, девочкой, и его род по мужской линии пресекся, а огромное имущество стало предметом разделов и раздоров на следующие 200 лет. Очевидно, жену свою лорд Томас любил безумно, потому что больше он не женился. Воспитывал дочь, оставшуюся сиротой в десять лет, растил фазанов, охотился, основал в своих краях грамматическую школу, занимался комиссией иллюстрированных книг. Служба его, начавшаяся при Ричарде II, продолжалась довольно успешно и при Генри IV. Он даже был назначен адмиралом.

Пара слов об атмосфере, в которой росла маленькая наследница большого состояния. Сэр Томас был типичным лордом. А лорду было положено покровительствовать наукам и искусствам. Протеже лорда Томаса был ученый Джон Тревиза, занимавшийся переводом теологических текстов на английский – тогда это называлось просвещением, а не ересью. По какой-то причине покровительство Беркли была дано Тревизе под условие: включить в переводы комментарии, содержащие антиклерикальную критику. Книга называлась «Полихроникон», хроники мировой истории и теологии, а комментарии – «Диалог по поводу перевода между лордом и клерком». Ничего крамольного и потрясающего основы христианства в критике, конечно, не было, но она касалась именно того вопроса, который в будущем расколет христианство: надо ли переводить ученые тексты с латыни на национальные языки.

Тревиза аргументировал против перевода, а лорд – за перевод. Разумеется, в реальной жизни Тревиза отнюдь не был против переводов, в конце концов, он участвовал в первом переводе Библии на английский (так называемая Библия Вайклифа). Но с точки зрения церкви, переводы были если не ересью, то крамолой. До такой степени, что в 1409 были приняты

законы по цензуре, запретившие подобную деятельность. На практике же никто преследованием ослушников не занимался, и манускриптов этой работы было так много, что одним из них пользовался более чем через сто лет Томас Мор, а до наших дней дожили 250 экземпляров.

Почему церковь старалась предотвратить переводы Библии, рассуждать можно долго. Скорее всего, в начале пятнадцатого века отцы церкви не считали английский язык достаточно совершенным для того, чтобы безупречно перевести на него Библию – а малейшая ошибка в переводе, согласно уставу, делала Библию просто книжной продукцией, лишенной какой-либо сакраментальной силы. Возможно, что проблема была не в английском языке, а в том, что в те годы со знанием латыни в Англии начались серьезные неполадки, что делало возможность ошибок при переводах весьма вероятной. К тому же в Англии эти переводы были слишком тесно связаны с движением лоллардов, имеющих достаточно высоких покровителей и сторонников (мать Ричарда II, рыцари-наставники Генри V). А девизом лоллардов был переживший их времена куплет «Когда Адам пахал, а Ева пряла, где был лорд?». В государстве, управляемом потомками одиннадцати семейств, которым Вильгельм Завоеватель пожаловал четверть площади всего острова, подобный вопрос грозил нарушениями административного равновесия, к которому в те годы королевство не было готово. Возможно, лорд Беркли симпатизировал лоллардам. Возможно, он не считал, что развитие национального языка как-то угрожает порядку в стране, и был в этом мнении не одинок.

Что касается дочери лорда Беркли, то леди Элизабет вышла замуж за Ричарда Бьючампа и стала графиней Уорик. Это был тот самый граф Уорик, которому дали почетное поручение воспитать короля из Генриха VI. Элизабет была под стать мужу. Дамой она была ученой, разумеется, книги любила, наукой интересовалась и тоже покровительствовала развитию английского языка – в соответствии с усилиями короля Генриха V сделать английский язык языком ученых и администраторов. Она поручила Джону Уолтону перевести на английский «Утешение философией» Боэция, и он посвятил перевод ей. К досаде нескольких следующих поколений сэр Томас Беркли оказался недостаточно безразличным к тому, что контроль над замком Беркли и рядом прилегающих к нему земель перешел бы к его дочери вместе с прочим наследством. Замок он завещал все-таки мужчине, племяннику Джеймсу, с чем ни сама Элизабет, ни ее муж мириться не собирались. Разумеется, король отдал замок Беркли умнице Элизабет, супруге вернейшего и способнейшего своего сподвижника, но король и граф Уорик были во Франции, и Джеймс Беркли захватил замок силой.

Леди Элизабет обратилась к брату короля, герцогу Бедфорду, и он поддержал ее, а Джеймс – к герцогу Глостеру, который поддержал его. Вероятно, победила бы леди Элизабет, но и она оказалась недолговечной, как ее мать, и умерла в 36-летнем возрасте, а муж после этого потерял к замку Беркли интерес, да и не до того ему было. Леди Элизабет родила мужу трех дочерей: Маргарет, Элеанор и Элизабет.

Маргарет Бьючамп вышла за графа Шрюсбери, Джона Тальбота, и именно их дочерью была Элеонор Тальбот, тайный брак которой с будущим королем Эдвардом IV привел, в конце концов, на трон Тюдоров. Забавно, что Джеймсу Беркли, которому остался замок Беркли, показалось, что под большой шум Войн Роз он сможет отнять у Маргарет и ее поместье из материнского наследства. Что и было сделано. Но тут с войны вернулся виконт Лайл, сын Маргарет, который взял штурмом замок Беркли, и его хозяева попали в плен к Маргарет. И Маргарет заключила жену своего врага в тюрьму, где та и умерла. Не совсем понятно, по какой причине леди Изабель де Мовбрей вызвала такие «горячие» чувства у леди Маргарет, ведь даме было 67 лет! На ум приходит только, что леди Изабель держали заложницей, потому что и сам Джеймс Беркли, и его сын и наследник вели себя по отношению к леди Шрюсбери достаточно тихо.

Элеонор Бьючамп вторым браком вышла не за кого иного, как за первого герцога Сомерсета, Эдмунда Бьюфорта, потомка Джона Гонта. Очевидно, по любви, потому что пара поженилась даже без лицензии. Помиловали их признанием брака только через пару лет. А Элизабет вышла за лорда Латимера, чьим племянником был знаменитый Ричард Невилл, будущий граф Уорик, посадивший на трон Англии Йорков. И это еще не все! Поскольку все эти люди женились и выходили замуж по несколько раз, появилась обширная сеть сводных братьев и сестер, которые иногда становились друзьями и союзниками, иногда врагами и соперниками. После смерти дочери лорда Томаса Беркли, Элизабет, ее вдовец женился на Изабель де Деспенсер, которая была вдовой его кузена. Их дочь, Анна, выйдет потом замуж за племянника мужа сестры первой жены лорда Бьючампа, то есть за Ричарда Невилла, графа Уорика, которого назовут в истории Кингмейкером, Делателем королей, что не вполне справедливо, но очень красиво звучит.

Разумеется, были аристократические браки, которые просто, что называется, не работали. Ярчайший пример тому жизнь Алис Плантагенет, 4-й графини Линкольна (1281–1348). Ее, урожденную де Лэси, по приказу Эдварда I выдали замуж за Томаса Плантагенета, графа Лестера и Ланкашира, передав в его руки довольно большое приданое Алис, причем

передав в его собственность пожизненно, а не в собственность на время действия брака, как обычно было принято. Но и у нее оставалось достаточно денег от наследства с материнской стороны, чтобы жить отдельно и содержать свой собственный двор полностью на свои средства, причем архитектурные проекты своих покоев она заказывала сама и оплачивала их сама.

В 1317 году ее ухитрился похитить один из рыцарей графа Джона де Варенна, то ли с «нечистыми намерениями», то ли просто по приказу хозяина, в отместку мужу, который из личной вражды блокировал продвижение графского дела о разводе. Этот развод – отдельная история, настолько удивительная, что ее нельзя не рассказать, потому что связана она с легендарной женщиной – Жанной де Бар.

В истории о разводе графа де Варенна интересна хронология событий. Итак, Жанна де Бар родилась в 1295 году. В 1306 на ней женится де Варены, у семьи которого были сложные отношения с королевским домом. То есть женится по чисто политическим причинам (да видел ли он свою невесту вообще?). Варены родился в 1286 году, и ему двадцать лет. Через 5 лет, в 1311 году, де Варены затевает дело о разводе на основании близкого родства в третьей и четвертой степени, открыто живя в это время с Мод Нерфорд. Жанне около 16 лет. Очевидно, волокита с запросами и отказом заняла несколько лет, то есть Джона вернули к выросшей до брачных отношений жене, и с того момента до самого 1340 года, более двадцати лет, пара жила, что называется, душа в душу. Во всяком случае, в 1331 году де Варенн делает крупное пожертвование «во благо своей души и души своей графини и соправительницы» в аббатство. В 1340 году Жанне 45 лет, ее мужу 54, и у него наступает «кризис среднего возраста» – он уходит к любовнице, Изабель Холланд, сестре графа Кента, которая требует его развода с супругой.

Пятидесятилетняя Жанна в 1345 году уезжает во Францию. Через восемь лет она возвращается в Англию. Муж Жанны все еще жив, и папа римский требует, чтобы епископ воссоединил супругов. Но Жанна любит короля Франции (который, кстати, моложе ее на 24 года), и живет в Лондоне года с 1357-го, пока король Жан не уезжает во Францию в 1360 собирать свой выкуп. После чего Жанна вскоре умирает. Трогательно. Неудивительно, что Жанна де Бар стала героиней легенд. Даже если она родилась, как указывается в некоторых источниках, не в 1295, а в 1297 году, жизнь у нее все равно получилась удивительная.

Но вернемся к Алис. Как ни удивительно, большого скандала из похищения не вышло. Были сплетни, и как же им было не циркулировать,

если Томас Плантагенет не сделал ни малейшей попытки потребовать освобождения своей супруги, хотя начал военные действия против де Варенна. Поговаривали даже, что Плантагенет развелся с Алис на основании того, что она добровольно дала себя похитить. Неизвестно, есть ли в утверждении об участии Алис в этой истории доля правды, но развод вряд ли был дан. Против этого говорят последующие события. Если Алис и была освобождена до 1422 года, то никаких записей о том, где она была и как жила, не сохранилось. В 1422 году Плантагенет был казнен в результате неудачного заговора против короля Эдуарда II, а все женщины его семьи арестованы. Их запугивали до тех пор, пока Алис, наконец унаследовавшая свои состояние и титулы, став вдовой, не передала большую часть своих владений королю, а тот не распределил их заново.

История с арестом Алис невероятно загадочна. Известен только один случай в истории Англии, когда семьи «изменников короны» были официально объявлены вне закона, и это случилось во время Войн Роз по приказу Маргарет Анжуйской. Правда, есть мнение, что на практике это было дело обычным, просто никто не жаловался. Алис была арестована в Йорке, в марте 1322 года, и вместе с ней была арестована ее мачеха, Джоан Фитцмартин. В мае 1322 года в Англию вернулись из изгнания Деспенсеры, отец и сын. Через месяц, в июне, Алис передает короне какую-то часть своих наследственных владений, платит страшный штраф размером в 20 000 фунтов короне за право выходить замуж в будущем по собственному разумению и в сентябре назначается коннетаблем Линкольн Кастл с правом на годовой сбор. К декабрю утрясаются все формальности, и Алис получает назад свой титул графини Линкольнской. А через два года она выходит замуж за барона ле Стрэнжа – по собственной воле, как и было уговорено. Случай с выкупом права не быть выданной замуж по приказу короля не уникален, кстати. Изабелла де Фортибус из Редверсов и де Клеров, леди о-ва Вайт, выкупила свое право не выходить замуж у предыдущего короля.

Барон определенно понимал, что наследника от 42-летней женщины ему не дожидаться, да и Алис заранее оговорила в брачном договоре, что стара она для деторождения. Более того, барон никогда не потребовал восстановления владений своей супруги от собственного имени, на что имел право, и король простил ей долги ее первого супруга – еще одно доказательство того, что брак между Алис и Томасом Плантагенетом никогда не был расторгнут. Прожили они с бароном ле Стрэнжем около десяти лет, и Алис снова овдовела. За это время был свергнут Эдвард II, успела посидеть на троне от имени сына Изабелла и короновался Эдвард

III. Ле Стрэнж был на стороне молодого короля и против Французской Волчицы, и для супругов наступили хорошие дни. Все говорит о том, что этот брак Алис был очень счастливым.

Тем не менее, жизнь припасла на долю Алис еще немало приключений. Вернее, испытаний. В начале 1336 года она была похищена из замка Болингброк по приказу барона Хью де Фрейна. И снова история расходится в версиях, что же там случилось на самом деле. Специалист по средневековой истории Англии Майкл Приствич описывает сцену изнасилования бароном этой дамы в своем замке, но сам он не вполне уверен, что речь не шла о добровольном похищении, замаскированном под насилие: после смерти ле Стрэнжа, Алис (впопыхах?) дала обет непорочности, что исключало возможность замужества обычным путем.

Во всяком случае, с де Фрейном они поженились, пережили нормальную в таких случаях процедуру ареста имущества Алис в пользу короны и восстановления ее в своих правах. Все это произошло довольно быстро, что говорит об отсутствии разногласий, но де Фрейн умер либо в конце 1336, либо в начале 1337 года, и Алис снова оказалась одна. Она вернулась в Болингброк Кастл, но скоро туда ворвался племянник барона ле Стрэнжа, и вынес все, что мог, заключив после этого вдову дядюшки в замок. Говорят, что в налете участвовал и незаконнорожденный сводный брат Алис, сэр Джон. Каким-то образом эта леди смогла известить короля о случившемся, и тот вмешался в ситуацию. Алис наконец-то оставили в покое, но это стоило ей нескольких поместий, которые были у нее с бароном ле Стрэнжем в совместной собственности. Умерла Алис в 1348 году и была похоронена рядом со своим вторым мужем – единственным, с кем она, возможно, была счастлива и защищена. Как много событий может вместить жизнь одной женщины...

Но что было делать в случаях, когда не стерпливается и не слюбливается? Что ж, на такие случаи существовал развод. Христианская точка зрения на брак, базирующаяся по большей части на писаниях св. Августина, была довольно однозначна: брак – это связь на всю жизнь, дающая людям три блага, как то: верность, потомков и таинство (читай интимные отношения, причем подразумевалось, что сливаются не только тела, но и души). В конце пятнадцатого века в Англии к словам брачной церемонии была официально добавлена фраза «*tyll dethe ys departe*», пока смерть не разлучит. Церковь, таким образом, разводов не одобряла. Но, как обычно, все было не так уж однозначно.

В Англии времен раннего Средневековья церковные теологи признавали развод при нескольких обстоятельствах. Муж мог разойтись с

женой без угрызений совести, если жена совершила прелюбодеяние. Женщина, собственно, могла разойтись с мужем, если он был ей неверен, но только в том случае, если это было ее первое замужество. Также она имела право оставить мужа, если он попадал в рабство в результате какого-то уголовного действия. Оставленный муж имел право жениться снова только через пять лет, да и то по разрешению епископа, которое выдавалось в том случае, если примирение супругов не выглядело возможным.

Могли заключить новый брак те, чьи супруги попали в плен к врагу и чья судьба была неизвестна. Здесь было несколько способов урегулирования по поводу срока отсутствия и того, будет ли вернувшийся неожиданно супруг/супруга иметь легальные брачные права на свою заключившую новый брак половину. Вообще взгляды христианской церкви на развод сильно изменялись, очевидно, вместе с условиями и прочими реалиями жизни. Историки считают, что в шестом-седьмом веках разводы по взаимному желанию были обычным делом, в восьмом веке за разведенными не признавалось права на следующий церковный брак, и в последующие столетия, когда светский закон стал потихоньку передавать все дела, связанные с браком, под эгиду церковного закона, церковь все тверже начинает отстаивать доктрину, что брак – это договор на всю жизнь, благословляемый Богом, и на этом основании не может быть «передуман» человеком.

Средневековое кольцо, золото и сапфир. Надпись на кольце «Loyal Desir» – «Верный в своем желании». *Начало XV века.*

В середине и конце Средних веков развод существовал в двух формах. Во-первых, в случае, когда брак изначально был неправомерен, то есть, если у одного из супругов где-то существовала уже половина и это было скрыто. Во-вторых, если пара попадала под какой-то пункт из длиннейшего листа препятствий к браку: генетическое родство или даже родственные связи через браки родственников (самая популярная причина), импотенция супруга, подтвержденная жюри из десяти-двенадцати «матрон», принуждение к браку силой или запугиванием, несовершеннолетие, имеющийся в наличии официальный обет безбрачия, ситуация, когда один из супругов не состоит в христианской вере. Собственно, все эти препятствия сосредоточены на периоде до вступления в брак, они как бы делают этот брак ненастоящим. Эти разводы признавались по принципу «a vinculo», и расставшиеся супруги считались как бы и не вступавшими никогда в брак. Правильнее назвать эту форму развода аннулированием

брака.

Английский брачный закон был уникален тем, что он рассматривал в числе поводов для развода также и события, которые произошли уже после брака. Например, жестокое обращение было поводом для развода «*a mensa et thoro*», который давался обижаемой стороне. Собственно, аналог современного «разъезда», когда супруги хоть и числятся супругами, но не живут вместе и не имеют общего хозяйства. Интересным явлением в средневековой Англии было то, что часть бракоразводных дел никогда и не попадала в церковные суды, а решалась чисто юридически. Даже такие видные персоны, как Эдмунд, граф Корнуэльский, и его жена, Маргарет де Клэр, договорились в 1294 году о том, что Маргарет получит финансовую компенсацию и не будет обращаться в церковный суд с требованием восстановить себя в супружеских правах. Излишне говорить, что такие «саморазводы» церковь осуждала, но на практике они были самым обыденным делом, о котором церковь могла узнать только в случае, если кто-то внезапно обращался в церковный суд и выяснялось, что брак этот изначально был заключен с человеком, разведенным через договор, а не решением церковного суда.

О таинствах брака

Разумеется, как бы ни были важны хозяйственные и управленческие таланты новобрачной, каким бы искренним ни было желание заключивших брак супругов ужиться в ладу и доверии друг к другу, интимная сторона замужества не могла не оставаться важнейшей частью жизни семейной пары. Историков тем более чрезвычайно интересует эта сторона средневековой жизни, что задокументировать ее было, естественно, невозможно. Во всяком случае, напрямую. Даже в личных письмах тех же Пастонов довольно нежные письма Маргарет своему мужу только мягко намекают на чувства более горячие, нежели те, которые можно определить нейтральным термином «супружеская привязанность»: «Я умоляю тебя носить то кольцо с изображением св. Маргариты, которое я послала на память, пока ты не вернешься домой. Ты же оставил мне такую память, которая заставляет меня думать о тебе и день, и ночь, и даже во сне». В завещаниях мужей, документах все-таки официальных, иногда выражаются вполне человеческие чувства, но тоже в форме сдержанной: «ради величайшей любви, которая когда-либо существовала между мужчиной и женщиной». Так написал в своем завещании сэр Стивен Томас из Ли в 1417 году. Следующий логичный для исследований источник – сочинения церковных философов, св. Августина, св. Иеронима и Иовиниана. И вот здесь начинаются проблемы и непонимания, из которых и возникло расхожее мнение о том, что церковь кое-как была вынуждена одобрять браки, но уж совершенно точно была против сексуальности паствы.

На самом же деле, если хотя бы немного вникнуть в то, о чем писали эти ученые мужи, жившие в середине первого тысячелетия, без выхватывания из контекста подтверждающих собственное мнение фраз, то становится совершенно очевидным, что спорили они между собой отнюдь не о реальных вещах, но о христианских принципах. Отвлеченно, сухо, испытывая живые человеческие чувства только к оппонентам да к предмету размышлений. К этому можно бы было прибавить и то, что клирики ничего не знали о реальной жизни и о женщинах, но это не так. Св. Иероним ударился в аскетизм, когда ему было уже 34 года. Св. Августин стал священником в 37 лет. Насколько известно, только самый либеральный из них, Иовиниан, стал монахом в молодости.

Так что все они знали, все испытали сами и вряд ли имели какой-то особый, болезненный интерес к предмету настолько знакомому,

естественному и обыденному, как человеческая сексуальность. Их интересовали проблемы глобальные, а именно – человеческая натура с ее слабостями и вечное спасение, те возможные проблемы, которые порождает несовершенство человека, и возможные варианты уменьшения данного несовершенства. Если сексуальность в их трудах и задевалась, то это был весьма проблематичный вопрос о девственности девы Марии, которая, будучи девой, была одновременно и матерью, да еще вопрос о грехопадении, изгнании из Рая и искуплении. Это если не говорить о длинейших трактатах этих же деятелей, посвященных рассуждениям о всевозможных юридических заковыках, возникающих в реальной жизни между представителями различных полов и ориентаций, воспитанию детей, медицине и т. д. и т. п.

Святые отцы были в первую очередь философами. Поэтому их попытки каким-то образом рассортировать человечество по возможности обрести спасение не стоит принимать как руководство к действию. Кратко говоря, они спорили о том, какое состояние человека предпочтительнее для достижения спасения. Иовиниан щедро решил, что спасутся все. Иероним утверждал, что спасутся наичистейшие, а для достижения этой чистоты предпочтительнее всего жизнь безгрешная, без тени грехопадения – то есть девственная. Вдовы и вдовцы, в качестве кандидатов на обретение спасения, шли у него сразу после девственников, а люди женатые стояли на последнем месте в очереди. Августин занял между этими полярными точками зрения примиренческую позицию, говоря, что «брак и прелюбодеяние не являются двумя грехами, из которых второй хуже. Скорее, брак и целомудрие являются двумя благами, из которых второе лучше». Он определяет физическую близость между мужчиной и женщиной ради продолжения рода как полностью безгрешную, близость ради одного лишь удовольствия – как незначительный, простительный грех, однако решительно осуждает прелюбодеяние и распущенность, то есть беспорядочные связи.

Но эти философствования – только первоисточники, которыми более-менее и руководствовались духовные власти в реальной работе в качестве исповедников, наставников и судей в делах о брачных проблемах. И, будем откровенны, кто из нас читал в оригинале сочинения св. Иеронима или св. Августина? То, что мы читаем – это масса анализов того, что подразумевали авторы первоисточников, когда писали то и это, и употребляли то или иное слово. Интерпретации, вот что формирует представление наших современников о точке зрения средневековой церкви на брак и секс. Что самое досадное, мы никак не можем примкнуть к

мнению тех, кого читаем, или опротестовать его, ведь латынь давно не входит в программу гимназий.

В реальности церковь в вопросах брака играла в быте английского Средневековья роль скорее позитивную для тех, кто в силу своего зависимого положения был бы при других обстоятельствах бессилен отстаивать собственные интересы.

Только исповедник леди был единственным независимым от лорда лицом в ее поместье или замке. Только исповедник лорда мог вмешаться в бесчестные планы того, у кого в собственных владениях власть была практически абсолютной. И только церковь могла противостоять воле короля. В большой политике – с весьма переменным успехом, но на бытовом уровне – вполне. Джоан, дочь Эдварда I, отличилась, тайно выйдя, после смерти первого мужа за простого сквайра из своей свиты и решительно заявила отцу, что если лорд может взять в жены дочь рыцаря, то и леди имеет право взять в мужья простого рыцаря. Как известно, Эдвард I кротостью натуры не отличался, и Ральфа де Мотемера из тюрьмы вытащил только епископ Дарема – молодые догадались заключить хоть и тайный, но церковный брак.

Одна из Пастонов вышла замуж за бейлифа в их хозяйстве, Ричарда Калла, хотя ее брат Джон разве что на стены не прыгал от бешенства, что сестра так низко пала, что обрекла себя «торговать свечами и горчицей в Фрамлигхеме». Епископ Норича, тем не менее, благословил брак. И пусть мать лишила «эту шваль» наследства и запретила появляться в своем доме, пусть от Марджери отвернулись ее подруги, она выиграла и счастливо прожила всю жизнь со своим избранником. Да и матушка со временем смягчилась, хоть и не к Марджери, но к старшему внуку, которому оставила значительное наследство.

Почти забавный случай произошел в семье джентри Накереров, когда Агнес Накерер влюбилась в проезжего менестреля Джона Кента и вышла за него тайно замуж. Родители, которым, разумеется, было не до смеха, попытались отмахнуться от ситуации и нашли Агнес другого жениха, но она наотрез отказалась от благопристойного брака, и церковный суд Йорка был вынужден признать законность ее замужества с Джоном Кентом, хоть и обозвал его в решении «публичным менестрелем и жонглером, часто, бесстыдно и бесчестно показывающим свое тело ради профита».

Да, средневековая церковь знала о сексуальности все и принимала ее как факт, особо не вмешиваясь в интимную жизнь своей паствы, если только какая-то конкретная ситуация того не требовала. Духовные пастыри не имели ни малейшего заблуждения относительно телесных потребностей

прихожан, стараясь, по мере сил, заботиться о том, чтобы потребности духовные от них, как минимум, не отставали. Собственно, в «должностных инструкциях» пастырям подчеркивалось, что они во время доверительных бесед должны наставлять семейных прихожан любить друг друга, исполнять супружеский долг, относиться друг к другу с уважением и быть верными друг другу. Томас Чобемский, теолог второй половины двенадцатого века, писал: «в замужестве мужчина отдает свое тело женщине, а она ему – свое. Кроме души, ничто не может быть более драгоценно под этим небом».

Но, пожалуй, ничто не говорит более красноречиво о понимании средневековой английской церковью реалий семейной жизни, чем то, что контрацепция отнюдь не была табу. Священники прекрасно знали о зельях, провоцирующих выкидыши, но, поскольку церковь верила в то, что сознание появляется чуть ли не с момента зачатия, они предпочитали наставлять паству пользоваться контрацептивными методами, однако чрезвычайно горячо порицали, что «некоторые мужья злоумышленно используют своих жен в места, для того не предназначенные».

Это толерантное отношение к реалиям постепенно изменится, и уже в начале пятнадцатого века священникам рекомендовалось объявлять, что «каждый, кто регулярно и сознательно изливает свое семя не в жену, совершает серьезный грех». Хотя, в принципе, грех грехом, но конкретные обстоятельства принимались во внимание. Рассуждениям на тему еще в двенадцатом-тринадцатом веке придавалась форма, которую нашел бы знакомой любой современный нам студент: **case study**. Не готовое решение, заметьте. Одна из таких задач предлагает подумать над следующей ситуацией. Что делать, если к священнику обращается молодая женщина, обладающая повышенной фертильностью, которой врачи сообщили, что следующие роды ее убьют. Супруг женщины требует секса, но она знает, что если пойдет ему навстречу, то непременно забеременеет, а если забеременеет, то непременно умрет. Может ли священник порекомендовать паре, чтобы муж пользовался контрацептами, или должен отмахнуться словами о Божьей воле? Мнение составителя задания ясно, потому что для сравнения он предлагает пример женщины, не желающей зачатия из страха родовых болей. Но какое же наказание предполагала церковь тем, кто составлял отвары, вызывающие бесплодие или выкидыш? Покаяние, назначаемое епископом, – с последующим отпущением греха.

Разумеется, к услугам женщины набожной, обладающей сильной волей и отличными связями, был еще один способ предотвращения бесконечной череды беременностей и родов, который никто не смог бы

назвать грешным и который был практически неподсуден даже духовной власти. Именно к нему прибегла Биргитта Шведская, родив восемь детей. Эта жившая в начале четырнадцатого века дама смогла заинтересовать своего супруга духовностью до такой степени, что он радостно примкнул к ее решению отказаться от плотских радостей, а после очередного паломничества благородно умер. Но Биргитта была гениальным политиком, обладающим способностью влиять на людей и словом, и делом. Если ей не могли противостоять короли и папы, то какие шансы были у мужа? Биргитта была космополиткой, но вот Маргарет Бьюфорт – абсолютной англичанкой, которая если и слышала о Биргитте, то вряд ли сильно ею интересовалась. Однако Маргарет своим умом дошла до повторения шаблона: ее брак с Томасом Стэнли был так называемым целомудренным браком, в котором супруги считались мужем и женой без плотской составляющей супружеской жизни. Потому что ко времени замужества со Стэнли леди Маргарет гораздо больше интересовала серьезная политика, нежели тихие семейные радости.

О наложницах и любовницах

К интимной стороне жизни аристократических семей вплотную примыкает еще одна тема: тема наложниц / любовниц / конкубин – у этой категории женщин много названий.

В книге «The royal bastards of medieval England» Крис Гивен-Вильсон и Алис Кертис приводят буквально сногшибательную статистику. Между 1066 и 1485 годами Англией правили восемнадцать королей, пятеро из которых (Эдвард II, Ричард II, Генрих VI, Эдвард V и Ричард III) были лишены короны и/или убиты. Замечу только, что Эдвард V никогда не был коронован, так что королем его считать как-то затруднительно, но Тюдорам было необходимо в интересах своей политики посчитать сына Эдварда IV королем, и получилось то, что получилось. Семеро из королей (Вильгельм I, Вильгельм II, Генри I, Генри II, Ричард I, Генри III и Эдуард IV) оказались вынужденными воевать против своих сыновей, братьев или жен. Трое (Стивен Блуасский, Джон и Генри IV) остались в истории узурпаторами, занявшими не предназначенное им место, хотя это мнение весьма спорно. Всего три короля из восемнадцати (Эдвард I, Эдвард III и Генри V) жили в ладу с семьей и родственниками.

Очень часто причиной конфликта был конфликт сильных личностей, но основной причиной враждебности, раздирающей королевские семьи, была неясность с престолонаследием. В самом деле, ведь за период с 1066 по 1216 год английский трон перешел от отца к старшему сыну только один раз: от Генри II к Ричарду I. Дважды старших сыновей обошли совершенно сознательно: Вильгельм Завоеватель разделил свои владения между тремя сыновьями, и Англия досталась второму сыну. Стивен Блуасский был вынужден лишить права престолонаследия обоих своих сыновей в 1153 году. Дважды вопрос престолонаследия решили бароны – выбрав Стивена вместо Матильды, хотя трижды (!) клялись ее отцу уважить его волю и выбрать королевой ее, и предпочтя Джона Артуру Бретонскому.

После этого следующие 200 лет передача власти проходила более или менее спокойно, пока Генри IV не узурпировал власть бездетного Ричарда II. Что уж говорить о Войне Роз и той неразберихе с престолонаследием, которая за войной последовала. Ситуация почти всегда усложнялась еще и изрядным количеством бастардов в королевских семействах. Не секрет, что учения церкви о святости брачных уз оставались без должного внимания у тех, кто женился не по любви, а по политическим или экономическим

причинам. Опять же, власть притягивает, и неудивительно, что вокруг королей всегда роилось достаточно красивых, ярких, интересных женщин, чтобы короли время от времени отвлекались от жен, которых, обычно, если и не любили, то хотя бы уважали.

К первой категории королевских бастардов относились дети от случайных связей. Стивен Блуасский признал одного сына-бастарда, Жервайса (Джарвиса), от некой норманнской Даметы. Жервайс стал аббатом в Вестминстере. Ричард I признал своего бастарда Филиппа, но неизвестно, кто был матерью Филиппа. С Эдвардом I ситуация несколько туманна: Джон де Ботетаут мог быть его бастардом, но доказательства этому хлипкие. Эдвард II имел внебрачного сына Адама, хотя о матери снова ничего не известно. Ричард III признал двоих бастардов, нажитых до брака. Джон стал капитаном Кале, а Катерина вышла замуж за графа Хантингтона. Личность матерей или матери неизвестна. Вторая группа бастардов английских королей происходили от связей, которые длились достаточно долго. Генри I, Генри II, Джон, Эдвард III и Эдвард IV имели, общим счетом, 36 признанных бастардов. У одного Генри I их было совершенно точно 20 и почти точно еще 3, хотя его семейная жизнь была вполне ладной и счастливой – но вот с официальными женами дети получались как-то плохо (двое точно от первой жены, возможно – трое, и бездетный второй брак). Самое странное, что и бесплодная с Генри I Аделиза, вторая жена, в своем втором замужестве имела семерых детей.

Портрет Ричарда II. *Неизвестный художник XVI века*

Самым знаменитым бастардом Генри II был Джеффри Плантагенет, который начал канцлером у отца и стал архиепископом Йоркским, ухитрившись рассориться на этом посту и с королем Джоном, и с королем Ричардом – своими братьями по отцу. У короля Джона признанных

бастардов было семеро. Впрочем, все эти бастарды были нажиты им до брака с Изабеллой Ангулемской, потому что его брак с первой женой, Изабель Глостерской, запрещал супругам интимные отношения по причине близкого родства. Этот брак был волевым решением короля Ричарда, и, несомненно, имел цель неблагородную: лишить брата возможности иметь легальных наследников, не выглядя при этом злодеем (Изабель Глостерская была богатейшей наследницей). А вот имен подруг короля Джона никто не знает с достоверной точностью – то ли потому, что близостью к королю с официальной репутацией злодея никому из потомков хвастаться не хотелось, то ли потому, что у Джона всегда была прискорбная для баронов королевства тенденция заводить любовниц из числа баронских жен. В случае Эдварда III речь идет, скорее, не о любовнице, а о подруге жизни: «национальный скандал» Алиса Перрерс была рядом с ним почти 15 лет, после того как жена Эдварда умерла. Эдвард IV просто любил женщин. Всех. «Он не пренебрегал никем, ни замужними, ни свободными, ни благородными, ни низкорожденными», – писал сплетник Манчини в своих дипломатических отчетах. В настоящее время высказываются серьезные сомнения относительно того, насколько репутация бабника была заслужена Эдвардом IV, но один факт является несомненным: его большое сердце стоило династии Йорков трона, а обоим его братьям – жизни. Бросается в глаза, что именно эта пятерка королей была необыкновенно удачлива в своем правлении – да, и Джон тоже. Это не значит, что для того, чтобы быть великим королем, нужно быть бабником. В конце концов, самые великие короли Англии, Вильгельм Завоеватель и Генри V, вели жизнь безупречную. Но бесспорно то, что умение привлекать к себе сердца подданных было нелишним в профессии короля.

Кто становился королевскими любовницами? Да кто угодно, за исключением нескольких табу. Табу были иностранные принцессы, воспитывающиеся при дворе в качестве невест или воспитанниц-заложниц, и дочери высшей аристократии страны – особенно те, кто наследовал большие состояния. Крестьянки табу не были, но где король мог с крестьянкой встретиться? Известен только один зарегистрированный хрониками случай: Генри II на охоте. Уж таких моментов хронисты не пропускали! Часто, очень часто в описаниях королевских любовниц присутствует слово «низкорожденная» или «простого происхождения». Но это выражение нельзя понимать в современном смысле слова. Для норманнов-аристократов, чьей родней были великие короли и могучие герцоги, жены и дочери баронов, рыцарей, джентри и городской буржуазии были все одинаково низкорожденными. На самом же деле Ансфрида,

любовница Генри I, была вдовой рыцаря; Эдит, которая родила королю одного бастарда, была дочерью нортумберлендского барона; Сибил была дочерью сэра Роберта Корбета. Знаменитая Розамунда Генри II была дочерью шропширского рыцаря. Его же Нест Блоэ была женой сэра Ральфа Блоэ. Мать епископа Джеффри Плантагенета тоже была дочерью рыцаря, хотя про нее как раз и писали, что она была «из простых». Алис Перрерс была дочерью барона. Про долговременную любовницу Эдварда IV, Джейн Шор, можно сказать, что она была «из простых», потому что она была дочерью и женой богатых торговцев. Другая подружка и мать бастарда этого веселого короля, Люси Уайт, была из гемпширского рода состоятельных джентри.

То, как короли относились к своим любовницам, полностью зависело от личных характеристик этих королев. Единственное, что бросается в глаза, так это практически полное отсутствие попыток возвеличить своих наложниц. Некоторым исключением является Алис Перрерс, которой король Эдвард III как бы надарил изрядное количество недвижимости, но и в ее случае реальность была несколько другой. Маленькая Алис была великим администратором, умело спекулирующим земельными участками, и скопила себе изрядное состояние и без королевских подарков – что даже сумела впоследствии доказать. Что до подарков, то большая их часть наверняка были отданные в управление надель, а вовсе не подарки в личную собственность. Но даже этот факт сделал Алис «национальным скандалом», разбираемым на заседании парламента после смерти короля. Поэтому в интересах королевских любовниц было держать низкий профиль и тщательно скрывать любой проблеск влияния на короля, если такой и был. В случае с Алис наличие влияния было несомненно, за что она и поплатилась. Больше всего народ любил таких, как Розамунда: тихо ждала и трагически умерла, молодой и красивой.

Так обстояло дело с королями и их любовницами. Отношение к королевам, имеющих любовников, было другим. В принципе, английским королям с женами везло, за редким исключением. Этими исключениями были Изабелла – «французская волчица» у Эдварда II, Маргарет Анжу у Генриха VI и Алиенора Аквитанская у Генри II. Хотя доказуемо с любовником открыто жила только Изабелла. Относительно Маргарет все недоказуемо, хотя слухи ходили. Не столько из-за развязности королевы, сколько из-за особенностей короля. А вот Алиенора... Для начала, это была дама с репутацией еще до замужества. Насколько заслуженной репутацией – непонятно. Сам яркий характер этой дамы уже был пищей для сплетен, особенно благодаря ее проповедям в честь любви куртуазной, не к мужу.

Где заканчивалась у Алиеноры теория и начиналась (если начиналась) практика, не знает никто. Опять же, для англичан все три королевы были крайне нелюбимыми иностранками, так что рассчитывать на беспристрастность современных им историков было бы наивно. Так настороженно к походам королей на сторону относились отнюдь не из чувства шовинизма. Лучший пример тому – сложная история личной жизни матери Ричарда II, Джоан, «Кентской девы». Джоан так и не отмылась никогда от сплетен, что Ричард – вовсе не сын Черного Принца, а ребенок какого-то французского клерка при дворе. И Генри IV в свое время пытался разыграть карту незаконнорожденности свергаемого им оппонента.

Чаще всего королевские бастарды были абсолютно преданы своему отцу-королю и рассматривались им как свои, самые близкие и верные – ведь их карьера полностью зависела от отца, и обычно отцы их достойно воспитывали и пристраивали. Незаконнорожденные дочери тоже считались политической ценностью, скрепляя своими браками политические союзы. Но и потенциальной опасностью бастарды тоже были, если воспринимали себя (или были воспринимаемы другими) как кандидаты на трон. В Англии только в XI веке было два короля-бастарда: сын короля Кнута Харальд и сам Вильгельм Завоеватель. И все же короли Англии выглядели очень высокоморально по сравнению со своими коллегами с материка. Про Филиппа Бургундского Доброго говорили, что у него любовница в каждом городе его обширных владений, и он признал 15 бастардов. Миланец Франческо Сфорца, незаконный сын наемника и незаконной дочери герцога Миланского, имел 37 детей, по большей части, хмммм... незаконных. В Сицилии XII и XIII веков, в Испании и Португалии XIV века бастарды становились королями в обход законных наследников. Какой простор для переворотов и локальных войн!

И, естественно, короли – это представители своего времени, по жизни которых достаточно легко проследить масштабность вопроса любовниц и бастардов. Редко в какой аристократической семье не было того же самого. По большей части потому, что юноши из этих семей получали практическое сексуальное образование отнюдь не со своими юными женами. Благодаря привычке семейства Говардов сохранять архивы всех платежей, мы знаем, что Джон Говард, который тогда еще не был герцогом и пэром, водил своего молодого родственника, герцога Мовбрея, в публичный дом в Лондоне. Зная о проблемах с потомством у герцога, вполне возможно, что юрист, родич и друг семьи заподозрил, что молодой человек нуждается в уроках того, как обращаться в постели с женой. Урок, кстати говоря, пошел впрок. Но это – телесное, а ведь у юношей были еще

и чувства, которые зачастую приводили к довольно прочным внебрачным связям.

Как к этим похождениям относились жены? Скорее всего, они просто ничего не знали, да и знать не хотели. Публичные женщины их жизнь не осложняли, а дети от этих походов не принимались ко двору их отцов, потому что сам факт отцовства не поддавался бы установлению. Совсем другое дело – конкубины, наложницы. Наличие наложницы подразумевало не только то, что супруг леди делит свою любовь и привязанность не только с ней, но и с другой женщиной. Это в глазах окружающих говорило о том, что леди не дотягивает до стандарта, который безраздельно выиграл бы сердце ее супруга. Можно вполне понять ярость легендарной уже при жизни Алиеноры Аквитанской, когда ко двору ее более молодого мужа регулярно привозили бастардов, которых тот радостно признавал, не говоря о том, что сравнивать себя с какой-то там Розамундой Клиффорд ей было более чем оскорбительно.

Вопрос конкубин озадачивал и церковь. С одной стороны – церковь однозначно осуждала внебрачные отношения как грех. С другой стороны, как можно было определить статус конкубины? В иерархическом обществе каждая женщина имела свой статус: девица, замужняя женщина, вдова, монахиня... Девицей конкубина не была точно, но не была и проституткой, потому что еще римский закон, на который в своих рассуждениях сильно опирались моралисты Средневековья, определял проститутку как «женщину, которая делает себя доступной более чем для двух мужчин», а канонический закон главным признаком проституции определял беспорядочность половых отношений.

Конкубина была женщиной одного мужчины, и в этих отношениях не было никакой беспорядочности. Поэтому римляне и, позднее, средневековые церковные теологи и юристы, были склонны рассматривать связь мужчины с наложницей как неформальный брак. Конкубину и ее любовника связывала не только плотская страсть, но и то, что канонисты определяли как «супружеская привязанность», то есть здесь имела место эмоциональная привязанность, сильно соприкасающаяся с концептом любви. Епископ Руфинус, живший в двенадцатом веке, определял отношения мужчины с конкубиной как «временный тип брака», канонический законник Хьюго Пизанский – как тайный брак. Таким образом, вполне можно понять леди, которых потряхивало при одной мысли о том, что у мужа где-то может быть наложница, и которые ненавидели внебрачных и признанных бастардов своего супруга, как чуму. Но, опять же, редко какой муж был так груб и так туп, чтобы ставить свою

леди и их общее окружение в известность о деталях походных связей или связей в других городах и странах. И, кстати, многие леди всю жизнь следовали за своими мужьями в этих походах, городах и странах, поручив управление хозяйством наместникам. На всякий случай или из любви – кто знает. В конце концов, жизнь в поместьях не была гарантированно безопаснее, но вот жизнь в походах была интереснее.

Впрочем, средневековые законники и моралисты вообще относились не то, что к конкубину, но и к проституции с удивительной толерантностью. Не из милосердия, а потому, что вообще считали, что в этой роли женщина просто следует зову своей природы. И снова скажем, что в ту эпоху подобное мнение базировалось не на каком-то мистическом сексизме и шовинизме мужчин. Отцы церкви были людьми учеными, и знали о том, что женская сексуальность значительно отличается от мужской. Они знали, что девочки развиваются быстрее своих сверстников и что интерес к противоположному полу у них просыпается раньше. Они принимали во внимание, что женщина по природе более эмоциональна, чем мужчина, и что эта эмоциональность, вкупе с невинностью ума и уже проснувшейся сексуальностью, могут легко довести девицу до беды. Особенно в компании молодых людей, которые, в свою очередь, предрасположены быстро переходить от бесед к более интимным занятиям, особенно под влиянием вина.

Отчасти именно тем, что молоденькая девушка еще не имеет опыта критически относиться к словам и обещаниям противоположного пола, объясняется настороженное отношение средневековых родителей ко всякого рода романтической литературе – столкновение с реалиями жизни могло иметь в иерархическом обществе далеко идущие последствия. Вероятно, поэтому средневековый закон был более жесток к тем, кто пользуется этими особенностями женской натуры, нежели к тем, кто просто следует зову природы по невежеству. Раннее замужество считалось хорошим превентивным средством от греха, но церковь признавала, что постоянно находящийся в разъездах или отстраненный супруг может подтолкнуть к греху и замужнюю женщину, которая имеет свои сексуальные потребности. Так что духовники (а иногда и суд) весьма настоятельно рекомендовали мужьям относиться с уважением к потребностям супруги «за столом и в постели» – то есть и как к компаньону, имеющему статус, и как к компаньону, имеющему право на удовлетворение своих плотских желаний.

Юрист Хостиенсис, живший в тринадцатом веке, поднял еще один интересный вопрос. Как известно, далеко не все крестоносцы были

рыцарями, и среди крестоносцев было много женщин, которые, как и рыцари, «принимали крест», то есть отправлялись в Святую Землю с целью освобождения гроба Господня. Часть их были чьими-то женами, дочерьми и сестрами. Некоторые были воинами с собственными отрядами. Некоторые были наложницами, конкубинами, желающими разделить с любимыми честь и тяготы похода. С ними проблем не было, крестоносцы как крестоносцы. Но могла ли стать крестоносцем женщина, чьи связи с мужчинами были беспорядочными? С одной стороны, такая женщина, несомненно, привлекла бы в ряды крестоносцев многих мужчин, потому что нет на свете силы сильнее любви. Это, в свою очередь, укрепило бы ряды воинов Господних. С другой стороны, эти крестоносцы руководствовались бы в своих действиях далеко не душевным движением. Посему, по мнению юриста, доступные женщины не должны допускаться до принятия креста в ряды полноправных крестоносцев.

Могла ли девица благородного происхождения оказаться в рядах доступных женщин против своего желания? Историк Рут Каррас, основательно исследовавшая феномен средневековой проституции, утверждает, что да. Причиной могло быть отсутствие приданого – ведь отнюдь не все рыцари были земельными магнатами (большинство как раз не были), амбиции родителей, желающих ублажить сильных мира сего за счет дочерей, демографические перекосы. В принципе, почти у каждого благородного семейства существовала сеть родственных и вассальных связей, которая смягчала бедственное положение впавших в нищету, но иногда в этой сети образовывались прорехи. Оставшаяся на мели благородная девица могла быть принята в качестве служачей ко двору местного магната. Во всяком случае, Ральф Невилл в своем завещании упоминает одиноких женщин-служачих. Но все-таки число подобных рабочих мест было ограничено, да и не все девицы из бедных рыцарских семей были образованы так, чтобы соответствовать требованиям работы, скажем, секретарем у богатой леди или гувернанткой в богатой семье. Еще одной причиной, по которой девица могла оказаться принужденной к доступности в каком-нибудь приватном доме или вообще в публичном доме, были долги семьи. Убежавшая с возлюбленным молодая дева вполне могла вскоре обнаружить себя брошенной среди незнакомых людей, без средств к существованию и возможности вернуться в семью. И, конечно, нельзя отмахнуться от того, что некоторые девицы склонялись к подобному образу жизни совершенно добровольно.

Средневековая церковь не считала публичных женщин пропащими. Для начала, девушка образованная, ставшая жертвой обмана или

принуждения, могла обратиться в епископальный суд. К услугам тех, кто не был настолько умен или смел, были исповедники и приходские священники, которые были обязаны спасать тех, кто желал спасения. Путь к спасению было два. Во-первых, монастырь, вернее, определенные монастыри, создававшиеся именно для подобного контингента под эгидой какого-то ордена. Орден св. Марии Магдалены создал несколько подобных монастырей, но и другие религиозные организации не отставали. Во-вторых, публичная женщина, желающая вернуться на стезю добродетельной жизни, но не чувствовавшая призвания к монашеству, могла быть выдана замуж.

В этом вопросе мнения средневековых канонистов менялись в ногу со временем. Ранние клеймили мужчин, женившихся на бывших публичных женщинах, «бессмысленными идиотами», хотя сам по себе брак с раскаявшейся и выполнившей покаяние проституткой грехом не считался, особенно если мужчина не знал, на ком женится. Хотя некоторые считали, что для брака у такой невесты должна быть на руках официальная диспенсация из папской канцелярии – отпущение бывших грехов. В двенадцатом веке и в начале тринадцатого Грацианский кодекс уже пытается разделить подобные браки на те, где замужняя женщина продолжает оказывать сексуальные услуги посторонним за деньги, и те, где «дама с прошлым» действительно раскаялась и живет честно. Здесь, скорее, просматривается попытка защитить женщин от ситуации, в которой ими торговали бы собственные мужья, которых в первом случае закон справедливо определял как сутенеров. А в начале тринадцатого века папа Иннокентий III уже пишет, что женитьба на публичной женщине с целью исправить ее, является «не последним среди благотворительных деяний», и утверждает, что подобный брак отпустит грехи того, кто на него решится. Правда, в том же тринадцатом веке Бернارد Пармский, канонический юрист, комментирует слова папы примечанием «если такой человек найдется».

Проститутка ворует у клиента деньги для своего сутенёра

Собственно, в Англии такие люди находились. Поскольку городские муниципалитеты без восторга относились к наличию публичных домов и «частных практик» на своей территории, в обычае олдерменов было

собирать фонд, из которых оплачивалось приданое тех публичных женщин, у которых были на примете женихи, и такая пара получала в придачу помощь для обзаведения хозяйством. Но вряд ли такие акции были очень уж массовыми. Скорее всего, если какая-то хозяйка дома и проходила к нынешнему статусу через подобную полосу в своей жизни, это оставалось полным секретом для окружающих, потому что пара просто переезжала куда подальше.

О продолжении рода, материнстве и средневековой медицине

Основной проблемой английской аристократии всегда была ее малочисленность. В конце тринадцатого века в работе аналога современного парламента приняли участие 136 баронов. Историк Кеннет МакФарлайн принял этот момент за точку отсчета и проследил, сколько же баронских родов прекратили свое существование до окончания Средних веков. К 1325 году из списков исчезли 36 имен, к 1400 году осталось 89, а к 1500 – всего 16 потомков тех, кто пару столетий назад вызывались на совет баронами. Из 17 графских титулов в 1400 году только 3 оставались в одной семье в течение столетия. В какой-то мере, исчезновение определенного имени из списка, скажем, баронов происходило просто в результате раздела имущества между наследниками. Если наследников было много, никто из них не мог набрать достаточного для титула имущественного ценза. Но делить и передавать из поколения в поколение можно было только собственные, наследственные земли. Графские же титулы означали, что земли, находящиеся во владении короны, давались под управление определенным аристократам. Обычно – с правой передачи титула по наследству. Заканчивалась линия – заканчивалась одна креация и создавалась другая. Титул переходил в другую семью или к другой линии того же рода. И то, что в течение столетия только три семьи сохранили титул по прямой линии, не может объясниться разделом имущества. Это можно объяснить только угасанием рода.

Конечно, частично такое угасание может быть объяснено войнами. Например, Войны Роз. Четырнадцать кровавых битв, смерть трех королей и двадцати шести рыцарей – кавалеров Ордена Подвязки. Из Плантагенетов Ричард, герцог Йоркский, и его сын Эдмунд, граф Рутленд, были казнены, попав в руки ланкастерианцев после битвы при Вэйкфилде. Герцог Кларенс был обвинен своим братом-королем в государственной измене и погиб в Тауэре. Его сын позднее тоже был заключен в Тауэр и казнен. Эдуард V (будем его так называть, хотя, напоминая, коронован этот Эдвард никогда не был) и его брат Ричард таинственно исчезли в замке Тауэр – предположительно, в конечном итоге оба погибли так или иначе. Ричард III погиб при Босуорте. Его сын Эдвард обычно не считается жертвой войны, но обстоятельства и, главное, время его смерти выглядят настолько подозрительно, что списать их на смерть по естественным причинам

можно, но сложно. В доме Ланкастеров, король Генрих VI умер в том же Тауэре при темных обстоятельствах – вероятно, преднамеренно или непреднамеренно убит. Его сын Эдвард убит в битве при Тьюксбери. У Вудвиллов, отец королевы Эдварда IV, Ричард, граф Риверс, и сэр Джон Вудвилл, ее брат, были казнены в Нортхемптоне. Ее первый муж погиб во второй битве при Олбани. Ее сын, сэр Ричард Ерей, и ее брат Энтони были казнены в Помфрете.

В доме Бьюфтортов погиб Эдмунд, герцог Сомерсет – в первой битве при Олбани. Еенри, второй герцог Сомерсет, был казнен после битвы при Хексеме. Эдмунд, третий герцог, был обезглавлен после битвы при Тьюксбери. В этой же битве погиб сэр Джон Бьюфорт, сын первого герцога. В доме Стаффордов, Хэмфри, граф Стаффорд, погиб в первой битве при Олбани. Его отец, герцог Бэкингем, погиб в битве при Нортхемптоне. Еенри Стаффорд, второй герцог, был казнен в Салбери. Из другой ветви Стаффордов, Хэмфри, граф Девон, был казнен у Бриджуотера. В доме Невиллов, Ричард, граф Салсбери, был обезглавлен после битвы при Вэйкфилде. Его сыновья, Ричард, лорд Уорик, и Джон, маркиз Монтегю, пали в битве при Барнете. Третий сын, сэр Томас Невилл, пал при Вэйкфилде. Сэр Еенри Невилл, наследник лорда Лэтимера, был казнен после битвы при Банбери. Сэр Джон Невилл был убит в битве при Тоутоне. Сэр Хэмфри Невилл и его брат Чарльз погибли в битве при Хексеме.

В доме де Перси Еенри, второй граф Нортумберленд, погиб в первой битве при Олбани. Два его сына (Еенри, второй граф Нортумберленд, и сэр Ричард Перси) погибли при Тоутоне. Томас, лорд Эгremонт, погиб в битве при Нортхемптоне, и сэр Ральф Перси пал при Хеджли Мур. В доме Тальботов Джон, второй граф Шрюсбери, и его брат, сэр Кристофер Тальбот, погибли в битве при Нортхемптоне. Их родич Томас Тальбот, лорд Лайл, погиб в засаде у Воттон-андер-Эйдж. В доме Кортни Томас, шестой граф Девон, был казнен после битвы при Тоутоне. Еенри, седьмой граф Девон, был казнен в Сареме. Восьмой граф Девон, Джон, погиб при Тьюксбери. У де Веров Джон, двенадцатый граф Оксфорд, и его сын, Обри де Вер, были казнены на Тауэр Хилл. У Клиффордов Томас, восьмой лорд, погиб в первой битве при Олбани. Его сын, девятый лорд, погиб в битве при Тоутоне. В доме Хангерфогдов Роберт, третий барон Хангерфорд, был обезглавлен после битвы при Хексеме. Его наследник, сэр Томас Хангерфорд, был обезглавлен в Салсбери.

В доме Бурше Хэмфри, лорд Кромвель, погиб в битве при Барнете. Сэр Эдвард Бурше, брат графа Эссекса, погиб при Вэйкфилде. У Вэллсов Лео, лорд Вэллс, погиб при Тоутоне. Его сын Ричард, лорд Вэллс и Виллоуби, и

его внук, Роберт, были казнены по подозрению в заговорщической деятельности. В битве при Блор Хит погиб Джеймс Туше, лорд Одли. Джон, виконт де Бьюмонт, пал при Нортхемптоне. На поле боя остались Уильям Бонвилль, лорд Харрингтон; Джон, лорд Вентлок; Ранульф лорд Дакр из Гиллесленда. Битва при Босуорте унесла Джона Еоварда, герцога Норфолка, и Уолтера Девероса, лорда Ферреса из Чартли. При разных оказиях были казнены Уильям Еерберт, граф Пемброк; Джон Типтофт, граф Вустер; Джеймс Батлер, граф Вилтшир; Уильям Бонвилль, лорд Бонвилль; Уильям, лорд Гастингс; сэр Оуэн Тюдор. И это только пэры – простых рыцарей, не говоря о простолюдинах, никто поименно не считал.

Печальная хроника, но все-таки большая часть аристократических линий пресекалась вовсе не потому, что ее подчистую истребили враги. Основная причина была проще: отсутствие наследников вообще или отсутствие наследников мужского пола. Титул герцогов Ланкастера был основан в 1351 году, но уже в 1361 его носитель умер без наследника мужского пола, и титул перешел к его зятю. Титул герцогов Йорка был основан в 1385 году, но уже в 1415 году перешел к младшей линии, к племяннику. Причина та же – отсутствие наследника ввиду бездетного брака. Титул герцога Елостера вообще имел несчастливую судьбу: носитель его в первой креации был казнен, и его сын стал всего лишь графом, а носитель во второй креации умер при загадочных обстоятельствах, причем не оставив наследника титулу. Титул графов Шрюсбери был создан для Роджера Монтгомери в 1074 году, но уже его сын умер бездетным. Правда, у Роджера был младший сын, к которому тогда титул и перешел. История титула графов Хантингтона была бурной уже в первой креации, но линия семьи, державшей титул, закончилась в 1237 году, когда последний представитель прямой линии умер бездетным. Из линий держателей титула графов Пемброка – де Клеры прямой мужской линии закончились уже на втором графе, и титул унаследовала Изабель де Клер, через которую он перешел к Маршаллам в 1189 году через брак – неравный по всем параметрам, возраста и родовитости, но удивительно счастливый. И кто бы мог подумать, что из пяти сыновей от этого брака погибнут все за небольшой период в 15 лет. Из следующих держателей титула де Валенсы продержались два поколения, Гастингсы – три. Причина – все те же бездетные браки.

Этот список можно продолжать бесконечно даже по рядам высшей аристократии страны, не говоря уже о виконтах, баронах, рыцарях, джентри. Из этого следует, что главной задачей замужней дамы было все-таки обеспечение продолжения рода – помимо всех прочих главных задач.

Это понимали все историки, всегда, и викторианские историки тоже. И вот в какой-то момент в те далекие уже дни случился любопытный перекося.

Ценность наследников рода оставалась животрепещущей темой, и эта одержимость не могла не попасть на острое перо социальной сатиры. В романах начали появляться пьяноватые, безграмотные и безнадежно темные повитухи типа Сары Гэмп из «Приключений Мартина Чезлвита». Этот тип повитухи стал настолько популярен, что его «перенесли» и в Средние века. Дело в том, что викторианцы, несмотря на всю критику своей эпохи, очень ею гордились, этой эпохой могущества – промышленная революция, развитие научной мысли, набирающий обороты капитализм. Казалось, что Англия находится на вершине своего развития, своего величия. Неужели какое-то Средневековье могло с этим сравниться? Тем не менее, наивными эти викторианцы не были. Они видели, что здоровье нации в целом находится в ужасающем состоянии, что женщины низведены обществом до статуса неразумных детей, что для многих слоев общества медицина оказалась совершенно недоступна, что улицы и жилища грязны, а обитатели городских трущоб омерзительны. Они все это видели, но осознание несовершенств современного им общества было настолько оскорбительным, что, по контрасту, они стали сами себе доказывать, что раньше было еще хуже. Именно так родился миф о темном, грязном и дремучем Средневековье. Миф, в который было поверить тем легче, что во время гражданской войны 1640-х годов значительная часть культурного наследия нации была просто уничтожена вплоть до переплавки драгоценностей короны.

Миф прижился, получил развитие, стал обрастать жутковатыми подробностями, неизвестно откуда взятыми. Историки, настоящие историки, знали, конечно, что в том же Париже XII–XV веков можно было поименно перечислить 7 647 профессиональных медиков, из которых как минимум полтора процента составляли женщины. В 80-х годах двадцатого века появилась серия публикаций, отслеживающих средневековых медиков по разным странам Европы (Франция, Италия, Германия, Испания), по разным этническим группам (арабы, евреи). Но вот по Англии документов практически не было. Приходилось по крупицам собирать данные хотя бы о тех, кто был зарегистрирован в гильдиях, кто числился в списках налогоплательщиков, кто по каким-то вопросам фигурировал в суде. От некоторых выводов хотелось просто зажмуриться. Американка Верил Роулэнд запустила в обиход выражение «woman's illnesses were women's business (женские болезни были делом женщин)», имея в виду, очевидно, именно гинекологические болезни, потому что именно вопросу

гинекологии была посвящена ее книга. Но фраза, к сожалению, оказалась из породы «летучих» и потихоньку распространилась на всю сферу женского здоровья, словно средневековые дамы никогда не страдали, скажем, от несварения желудка или травм, полученных в быту или на охоте. Более того, даже в работах профессиональных историков неуклюжее наименование «специалист по женским болезням» частенько заменялось коротким словом «повитуха».

Историк Моника Грин дает более детальное разделение медиков по сферам специализации. Врач (или лекарь, или терапевт) – человек, получивший университетское образование и степень, имеющий право диагностировать болезнь и лечить внутренние заболевания. Хирург, занимающийся мануальными аспектами медицины: вправление вывихов, лечение переломов, ампутации. Цирюльник-хирург, выполняющий менее профессиональные процедуры типа наложения швов и кровопускания. Аптекари занимались составлением лекарств либо по рецепту врача, либо по собственному пониманию. Часть медиков работали под эгидой лицензий и регуляций университетов, часть – под регуляцией гильдий, и, наконец, существовали независимые медицинские практики.

Все это в теории, разумеется. Потому что на практике сферы деятельности перекрывали друг друга, и сами наименования этих сфер стали складываться только к двенадцатому веку, а к шестнадцатому уже снова изменились. Помимо медиков в профессиональном смысле, существовали религиозные целители и немалое количество деятелей, занимающихся, так сказать, «чудесными исцелениями», но этот аспект ухода за больными совершенно не поддается классификации до сих пор. Мы не можем сказать, до какой степени коллективная молитва за чье-то здоровье способствует выздоровлению. Исследования университета Дьюка (проект «Мантра», 1997–2003 годы) регистрируют, что способствует, но механизм воздействия анализировать весьма затруднительно. На любое заявление о том, что всевозможные энергетические терапии являются мошенничеством, находится ряд заявлений реальных людей, которым энергетические терапии помогли. Таким образом, заклеить ряд средневековых медицинских практик словом «мошенничество» как-то не получается, если уж мы до сих пор ими пользуемся, не понимая, как они работают.

Разумеется, услугами всех вышеперечисленных медиков пользовались и мужчины, и женщины. Но до какой степени здоровье женщин было «бизнесом женщин»? Опять же вопреки сложившемуся мнению, женщины средневековой Англии работали в профессиональной медицине по

лицензиям. Даже тот минимальный материал, который удалось собрать историкам Тальботу и Хэммонду, показывает, что девять женщин практиковали в качестве дипломированных терапевтов, одна – в качестве хирурга и одна – в качестве специалиста по женским заболеваниям. Роберт Годдфрид нашел упоминания о 28 женщинах-медиках, практиковавших в 1340–1530 годах: 8 терапевтов, 16 хирургов-цирюльников и 4 аптекаря. Возникает, разумеется, вопрос о том, каким образом женщины получали университетские степени, если все знают, что в средневековые университеты женщин не брали. Не совсем так.

Во-первых, существовала медицинская школа в Солерно, основанная на средства города и являвшаяся, таким образом, светской. В ней женщины не только учились в XI–XV веках, но и преподавали, хотя потребовалось несколько сотен лет, чтобы от этого факта историки перестали отмахиваться, как от легенды. Ребекка Гуарна написала трактаты «О зародыше», «О лихорадке» и «О моче». Абелла (псевдоним) написала «О черной лихорадке» и «О природе человеческого семени». В Салерно работала знаменитая на всю средневековую Европу Тротулла де Руджеро, работы которой средневековым английским дамам рекомендовалось не только иметь на столе, но и читать вслух. Тротулла (или, как ее часто именовали, дама Трота) была апологетом теории единой терапии, то есть рекомендовала рассматривать человека единым целым, в котором все связано со всем. Именно этот взгляд доминирует в современной нам медицине, кстати сказать. Тротулла рекомендовала дамам в деликатном положении употреблять в пищу только легкие продукты, часто купаться, втирать в тело масло фиалки, смазывать отекающие щиколотки розовым маслом и заваривать, в случае возникновения проблем с пищеварением, мяту. В Салерно работали как минимум две женщины-хирурга, но под псевдонимами.

Обучению в Салерно предшествовал трехлетний подготовительный курс, затем студенты собственно учились медицине в течение пяти лет и, наконец, работали после этого год под руководством опытного врача в качестве помощников. Обучение в Салерно отнюдь не было теоретическим. Получив базовые знания на первых курсах, студенты вместе с преподавателями шли в госпитали. Да не покажется это странным сторонникам теории «грязного Средневековья», но очень большой упор в Салерно делался именно на гигиене и диетологии. Самым большим отличием от преподавания медицины в наши дни было отсутствие возможности свободно проводить вскрытие трупов, первое разрешение на публичную демонстрацию было дано только в 1238 году. Впрочем, и в

наши дни медсестер благополучно учат по анатомическим макетам и рисункам – что и делалось в Салерно. «Салернский кодекс здоровья» дошел в стихотворной форме до наших дней, и определенно заслуживает прочтения, нужно только иметь в виду, что в результате многочисленных переводов там теперь может быть не совсем то, что изначально было написано.

Женщина-цирюльник ставит пациентке банки. *Рисунок XV века*

Во-вторых, следует учитывать, что средневековые университеты чрезвычайно отличались от тех академических заведений, которые знакомы нам. Некоторые университеты были изначально открыты для того, чтобы готовить в них образованную рабочую силу в системе самой церковной иерархии, чиновников в государственной системе, юристов и так далее. Средневековые дамы изучали закон, разумеется, потому что знание закона было необходимо для управления хозяйством и отношениями управляемой единицы с окружающим миром. Но карьера законника-клирика была не для них. Поэтому свои знания они получали через то, что можно назвать средневековым научпопом – через труды, в которых сводилось вместе нужное, с сопровождением этого нужного конкретными примерами. Более того, имеет смысл помнить, что для получения университетской степени вовсе не обязательно было пять-шесть лет отсиживать в классах. Образование можно было получить privately, у нанятых преподавателей, и затем сдать экзамен, необходимый для получения лицензии. Потому что уже с одиннадцатого века в Европе начали вводиться законы, запрещающие нелицензированным аматерам заниматься работой, требующей профессиональной сноровки. В любом случае, и средневековое общество тоже нуждалось в приличном количестве хорошо образованных женщин в различных сферах деятельности, и странно предполагать, что их не было.

Предполагалось, что хозяйка дома/замка/поместья будет сведуща в составлении, по крайней мере, базовых лекарств, что она сумеет оказать первую помощь и что она будет способна организовать жизнь в своем хозяйстве так, чтобы люди вокруг нее были максимально здоровы. А согласно средневековым канонам, здоровье человека во многом определялось балансом четырех стихий организма: жар, холод, сухость, влажность. Далее, много внимания уделялось телесным жидкостям: были люди полнокровные, были – с избытком желтой желчи, что проявлялось в холерическом темпераменте, и были те, у кого избыток черной желчи обуславливал темперамент флегматический. И, наконец, должны были быть определены сами типы темпераментов, знакомых и нам: холерики, сангвиники, меланхолики, флегматики.

Все диеты, все лекарства составлялись с учетом данных факторов, имея целью привести организм в состояние баланса, которое должно было привести к излечению хвори. Чтобы задача не показалась слишком легкой, нужно было учитывать, что мужчины по самой своей природе горячи и сухи, а женщины – холодны и влажны. И задачей хозяйки дома было

озаботиться тем, чтобы пища на столе была вкусной и здоровой, то есть учитывала предпочтения и особенности обитателей, чтобы составные ингредиенты вовремя заказывались и вовремя поступали.

Итак, какими же источниками пользовались благородные леди для поддержания своего здоровья и здоровья своих близких? Абсолютно точно – сочинениями Тротулы, содержащими советы отнюдь не только и не столько по гинекологии. Они там, впрочем, тоже есть, включая тесты на фертильность для женщин и мужчин. Но многие советы касаются косметики, многие – половой гигиены. Справедливости ради надо заметить, что под общим наименованием «сочинений дамы Троты» по средневековой Англии ходили, как минимум, три разных работы, значительно друг от друга отличающиеся. Очевидно, понятие брендового имени было хорошо знакомо уже тогда. Во всяком случае, одна из работ адресована именно средневековым акушеркам. Весьма практичный мануал для акушеров написал в тринадцатом веке Гилбертус Англикус, или Гильберт Англичанин. Помимо всего прочего написал. Интересно, что мануал по акушерским вопросам у него был сделан в двух версиях – более короткой, практической, и более подробной и обширной. Скорее всего, для разных уровней медицинской подготовки, для акушеров / акушерок – и для врачей. В Англии найдены также принадлежащие знаменитому каноннику из Йорка, Джону Эргхоуму, работы Хильдегард Бинденской, хотя мы не знаем, насколько они были распространены именно в Англии.

Тем не менее, как бы ни обстояли дела с медицинским обслуживанием средневекового населения Англии, несколько особенностей бросаются в глаза. Во-первых, лицензированные врачи отнюдь не были членами штата в каждом аристократическом доме. Во-вторых, из определенных поименно практикующих медиков в средневековой Англии женщины составляют всего около полутора процентов, и в Париже, где документации сохранилось гораздо больше, процентное соотношение то же. В-третьих, в сочинениях Ги де Шолиака, жившего в первой половине четырнадцатого века, есть упоминания о зеркале, применявшемся при акушерских операциях и производстве кесарева сечения. Это – факты. И на основании их можно сделать несколько выводов. Для начала, большинство аристократов в быту вполне обходились медицинскими познаниями хозяйки дома, вызывая врача только в случае острой необходимости. Далее, количество женщин, имевших квалификацию медиков-профессионалов, было абсолютно недостаточно для того, что бы сделать женское здоровье «женским бизнесом». И, наконец, наличие акушерских инструментов свидетельствует о том, что их применяли. То есть уровень хирургического

вмешательства в гинекологию в Средние века зашел уже достаточно далеко.

Но насколько медицина и практика шли рука об руку? Скорее всего, отнюдь не шли, если только не возникало особых проблем. В быту как минимум до середины тринадцатого века женщины пользовались традиционной травной медициной и, разумеется, ожидали помощи свыше. Текст-заговор на зачатие из манускрипта середины XI века говорит: «Мария, дева, выносила Христа. Елизавета выносила Иоанна Крестителя. Я заклинаю тебя, дитя, будь ты мальчик или девочка, во имя Отца, Сына и Святого Духа, чтоб ты пришло. Господь, увидев сестер Лазаруса, рыдающих у его гробницы, воскликнул: Лазарус пришел!... Напиши это на воске, который никогда не использовался для работы, и положи себе в правый башмак». Женщины знали, что если у будущей матери отеки под глазами и она ходит быстро, то она носит девочку, а если отеков нет и ходит она медленно, то мальчика. Если ходит, опираясь на пятки – будет мальчик, если на пальцы – будет девочка.

У англосаксов главным источником медицинской мудрости была книга Балда Leechbook, в которой сплелись суеверия и вполне обоснованные советы, годящиеся к применению и в наши дни. Балд предупреждал, что беременная женщина не должна есть сладости и соленья, не должна пить пиво, есть жирную свинину и другие жирные продукты, не должна напиваться допьяна, ездить верхом. Европейская медицина пришла в Англию вместе с норманнами: работа Тротуллы «Женские Болезни» и «Энциклопедия Бартоломью Англичанина» (он был англичанином по рождению, но учился, преподавал и жил в Германии и во Франции). Советы «Энциклопедии» звучат довольно логично до сих пор: новорожденного необходимо предохранять от перепадов температуры и света, его конечности необходимо легко массировать, мед и соль использовать в качестве антибиотиков («уменьшать воспаления»), ребенка нужно успокаивать пением и укачиванием. Правда, в этой «Энциклопедии» многовато аристотелеобразной риторики, но что ж поделать, Аристотель был авторитетом, и риторики требовали сами правила составления трактатов. Например, почему-то утверждается, что «чем больше мать страдает (при родах), тем больше этим наслаждается». Мужчины... Но неплохо уже и то, что «Энциклопедия» предупреждает об опасности родов для очень молодых девушек.

Что касается женских болезней и осложнений при родах, а также детской смертности, то каких-то внятных статистических данных по Средневековью в Англии нет. Есть данные только по шестнадцатому веку, и

то, по большей части, условные: приблизительно одна из сорока женщин умирала при родах, и 200 из 1000 детей не доживали до пятилетнего возраста. Но в шестнадцатом веке общий уровень подготовки медиков уже сильно сдал. Ведущие умы увлеклись соединением медицины с астрологией и алхимией, оставляя население на откуп менее удачливых коллег, а то и откровенных шарлатанов. Разгон монастырей при Генрихе VIII автоматически исключил из английской жизни подготовку медиков среднего и низшего звена при монастырских школах и госпиталях, да и закрыл сами монастырские госпитали. Опять же, даже вышеприведенная условная статистика дает общие данные, без разделения на социальные группы, а сравнивать условия жизни в трущобах перенаселенного к тому времени Лондона и в поместьях, оснащенных проточной водой и персональными клозетами, все-таки не стоит. Конечно, можно сделать какие-то выводы из того, что женщина перед родами всегда исповедовалась и получала отпущение грехов (это известно), но делалось это на случай внезапной смерти или по чисто религиозным причинам торжественности момента – непонятно.

В «Женских Болезнях» описываются 16 «неестественных» позиций, в которых может находиться плод при начавшихся родах, и даются инструкции акушеркам, как и что можно сделать. Гигиена в инструкциях подчеркивается: акушерка должна иметь чистые руки, смазанные маслом лилии или тимьяна. Медицинские тексты того времени не обсуждают проблему, чью жизнь нужно спасать в экстремальной ситуации, матери или ребенка. Этот вопрос задается в текстах для изучающих медицину и в мануалах для пастырей, но ни малейшей подсказки на то, как нужно в подобных случаях действовать, там нет. Зато известна любопытнейшая деталь из инструкций акушеркам, прямо указывающая на то, где они получали свое образование. Считалось, что если ребенок умрет некрещеным, у него не будет будущей судьбы, он навсегда застрянет в лимбо. Поэтому на случай экстремальных ситуаций акушерки были всегда обязаны иметь под рукой чистую воду и уметь срочно окрестить новорожденного – это было частью их профессиональных обязанностей, пренебрежение которыми грозило, как минимум, потерей работы.

В *Handling Synne* подтверждается, что некрещеный ребенок не может быть похоронен на церковной земле. Известны случаи, когда там не хоронили даже женщин, умерших в период беременности, если только у них не извлекали плод после смерти. Поэтому уже с начала тринадцатого века в практику вошли кесаревы сечения *post mortum*. Разумеется, средневековая дама никогда не оставалась одна, даже рожая, и в

присутствии родных и друзей роженицы (присутствие мужчин было очень редким) за поведением и профессионализмом акушерки наблюдало много глаз, так что профессия это была не для слабонервных и не для профанов. И тем более – не для темных и антисанитарных пьянчуг, которые так популярны у писателей романов на тему. Ведь именно акушерка решала, пора или нет делать кесарево сечение, звать или не звать врача, и нужно ли посылать к аптекарю.

Новорожденный ребенок крестился в течение 8 дней, но, скорее всего, быстрее, чтобы исключить возможность смерти до крещения. Присутствие матери на церемонии обязательным не было, потому что после родов женщинам тогда полагалось хорошенько вылежаться, ведь они после родов были «слабыми, больными и без телесных сил». Интересен обычай, в соответствии с которым молодые матери появлялись на публике только после церемонии очищения. Корни этого обычая историк Генриетта Лейзер нашла в Старом Завете (Leviticus 12: 1–5), хотя в средневековой Англии не делалось разницы в случае рождения мальчика или девочки: женщина проходила «очищение» приблизительно через месяц после родов. Этот обычай зачастую заставляет закипать кровь любой феминистки, которые (и не только они) считают его подчеркиванием якобы особой грешности женщин. Историки и медики, тем не менее, осторожно указывают на то, что ритуал был направлен на ограждение физического здоровья и психики только что родившей женщины. Доказательством тому служат описания самого ритуала очищения, настоящий прием, который был невероятно торжественен и на котором мать была в центре внимания. Тут и множество свечей, и торжественный банкет, и приятная для слуха музыка...

По поводу выкармливания детей и Тротула, и Бартоломью Англичанин в один голос говорят, что лучшим питанием для ребенка является молоко матери. Тема, не оставляющая людей равнодушными и в наши дни. Но там, где Тротула просто пишет, что «грудное молоко собственной матери является лучшим для ребенка», и не рекомендует кормилиц, Бартоломью пускается в философию: «мать (mater) потому так и зовется, что выкармливает ребенка своей грудью (mamma)». На практике же знатные леди регулярно нанимали кормилиц с проживанием в замке.

Правда, есть одна любопытная особенность. Генриетта Лейзер указывает, что по какой-то причине использование кормилиц совершенно не зарегистрировано в средневековом Лондоне, хотя во Флоренции, например, об этом есть достаточно много письменных материалов. В принципе, Лондон всегда был городом административным и перенаселенным, беспокойным и даже опасным. Сэры и пэры проводили

значительную часть своего времени, занимаясь делами короля, и в Лондоне бывали часто. Но отнюдь не каждая аристократическая семья имела в столице свой дом. Жена лорда жила, по большей части, в поместьях, и когда дети передавались кормилицам, это происходило в сельской местности. Так что причина отсутствия материалов по кормилицам в Лондоне может объясняться и этим.

Бартоломью Англичанин дает подробнейшие инструкции и кормилицам: «Как и мать, кормилица счастлива, когда дитя счастливо, и страдает, когда дитя страдает. Она поднимает его, когда оно падает, она целует его, когда оно плачет, пеленает его, моет его и кормит его. Она учит его говорить, она использует медицину, чтобы его лечить. Она носит его на руках и держит на коленях. Она разжевывает пищу, чтобы беззубый ребенок мог ее проглотить. Насвистывая и напевая, она почесывает его, когда он спит». Пеленание детей не обсуждалось, считалось, что если этого не делать, ребенок получит многочисленные искривления. Гаральд Уэльский (1147–1223) упоминает то, что ирландцы не пеленают своих детей, как доказательство их варварской жизни и обычаев. Тротула дает указания, что кормилица должна быть женщиной бело-розовой комплекции, избегающей пряной пищи. Особенно запрещался чеснок. Кормилице рекомендовалось делать физические упражнения, пить легкое вино и виноградный сироп.

Похоже, что мода на использование кормилиц пришла в Англию вместе с норманнами. Известно, что одна из невесток Вильгельма Завоевателя умерла именно от грудного воспаления, последовавшего за бинтованием груди, имеющим целью прекратить выделение молока. Почему они это делали? Во-первых, кормление ребенка сильно ограничивало свободу леди, и без того перегруженной массой обязанностей, подчиняя ее жизнь определенному ритму, мешая полноценному сну в короткие часы отдыха и прочее, о чем знает любая мать. Во-вторых, многие леди считали, что кормление грудью ослабляет женщину.

Естественно, духовные пастыри, обладающие достаточными познаниями обо всем на свете, не обходили в своих наставлениях и матерей. Особенно матерей, и эти наставления дают кое-какое представление о существовавших практиках. Например, Томас Чобемский (1160–1236) категорически возмущался отговоркой матерей-аристократок о «деликатном сложении». Смогла родить – сможешь и выкормить, было его философией. Возможно, благочестивый пастырь подозревал за этой практикой суетное беспокойство леди о линиях фигуры и, наверняка, имел

для этого основания. Он возмущался тем, что матери-аристократки зачастую вообще не подходят к своим младенцам, пока те не вырастут достаточно. Церковь наставляла, что матери должны относиться к нуждам своих детей «с вниманием». Кормилицам объясняли, что во время отдыха детей, находящихся под присмотром, их нельзя брать с собой в одну кровать до трех лет минимум, потому что велика опасность придавить ребенка во сне (современные педиатры такую опасность отрицают). Им указывали, что колыбели должны быть проверены на устойчивость и что детей вообще нельзя оставлять без присмотра, даже идя в церковь.

Таким образом, абсолютно ничто в медицинской практике английского Средневековья не может объяснить проблем с продолжением рода у аристократических семейств. Медицина была, причем медицина гораздо более развитая и разумная, чем может прийти на ум от словосочетания «средневековая медицина». По здоровому образу жизни существовала масса рекомендаций, любая образованная женщина получала хотя бы общее представление о практической, повседневной медицине. О гигиене, в том числе и интимной гигиене, писалось и говорилось, разница между вхождением в возраст половой зрелости и готовностью к продолжению рода учитывалась.

Была ли причина в том, что стремление к умножению независимой от короля собственности приводило к слишком частым родственным бракам, на которые церковь слишком охотно стала выдавать с тринадцатого века диспенсации? Возможно. Но не менее возможно и то, что на юных леди слишком глубокое впечатление производило описание грядущего в книге «Святое девичество»: «Твое свежее лицо похудеет и позеленеет, как трава; твои глаза станут тусклыми и запавшими, и от приступов дурноты голова твоя будет жестоко болеть. Внутри тебя твое лоно разбухнет, как мех с водой; боли будут в животе твоём и колотье в боку, и частые боли в спине; тяжесть будет в каждом члене и тяжесть в твоих грудях оттянет их вниз. Красота твоя будет погублена бледностью. Во рту твоём будет горький вкус, и от всего, что бы ты ни ела, будет тебе плохо. Что бы ни получил твой желудок, он будет это с отвращением отвергать. Страх перед родовыми болями не даст тебе спать по ночам. И когда это начнется, это жестокое страдание, эта свирепая и пронзающая боль, эта безнадежность заставят тебя кричать и рыдать, и ты будешь бояться смерти, и ко всему этому будет добавляться стыд, стыд акушеров с их инструментами, помощь которых тебе понадобится».

Страница из «Женских болезней», показывающая некоторые варианты неправильного расположения плода

В конце концов, умеющая составлять лекарственные снадобья леди могла позаботиться о том, чтобы подобные ужасы с ней не случились.

О «некромансерах»

Говоря о средневековой медицине, нельзя обойти ее «магическую» составляющую, хотя ко всякого рода магии и колдовству в Средние века вообще-то относились как к суеверию. Если «колдунов» и казнили, то за конкретное нанесение вреда. Но суеверие или нет – откройте любую современную газету и удивитесь огромному количеству объявлений магов любой масти, обещающих облегчить и улучшить, призвать и убрать. Ведь сколько существует человечество – столько его и тянет магически заглянуть в будущее, а еще лучше – как-то на это будущее повлиять. В свою пользу. Нет, люди всегда, конечно, понимали, что если каждый будет тянуть одеяло на себя, ничего хорошего из этого не выйдет. Значит, отдельно взятому индивиду нужно было найти себе такого мага, чтобы тот одним рывком выдернул одеяло у других и отдал его нанимателю в личное пользование.

Веселых рассказов о современных магах и волшебниках много, но вот как это дело было поставлено в Средние века? Например, всем знакомое по более или менее юмористическим фэнтезийным романам словечко «некромансер» действительно мелькает в различных документах пятнадцатого столетия. Разумеется, каждая заметная личность в условиях беспокойной реальности Войн Роз обзаводилась собственным «некромансером», *nigromansier*. Был такой, например, у герцога Бэкингема, который предал Ричарда III. Звали некромансера Томас Нандьюк, и был он не последним человеком в академических кругах. Как не из последних был и Томас Саутвелл, некромансер при леди Элеанор Кобхем, супруге герцога Хэмфри Лостера. Саутвелл был образован в Оксфорде, был канонником в Вестминстере, был врачом-физиатром, именно он открыл в 1441 году первый объединенный колледж для совместного обучения хирургов и физиатров. Даже при набожной Маргарет Бьюфорт состоял свой некромансер – Льюис Карлеон, по совместительству личный врач леди, тоже образованный в Оксфорде и Кембридже. Всегда практичная, леди Маргарет заодно использовала Карлеона в качестве личного шпиона.

И никого не останавливало то, что проку от этих некромансеров было мало со знаком минус. Леди Элеанор осудили за попытку магически воздействовать на жизнь короля Генриха VI, и она, после публичного покаяния, провела остаток жизни в заключении. Сам «некромансер», Саутвелл, был бы сожжен, если бы не умер в Тауэре как раз в ночь перед казнью. Герцогу Бэкингему отрубили голову без суда и следствия. С леди

Маргарет, правда, ничего дурного не случилось – из-за чрезмерной гуманности короля Ричарда III, да и Карлеон всего лишь просидел в Тауэре до прихода к власти Тюдора.

Карлеон потом, до самой своей смерти в 1495 году, будет личным врачом Елизаветы Йоркской с симпатичным окладом в 40 фунтов. Он также был одним из немногих врачей-астрологов-некромансеров, кто имел жену. Более того, в суде Лондона осталась жалоба соседей на то, что Карлеон, имеющий молодую жену, открыто сожительствует со своей служанкой, которая уже родила ему двоих детей и теперь снова беременна. Так что Карлеон был веселым «некромансером», если так можно выразиться.

Что касается Томаса Нандьюка, то его по делу Бэкингема вообще никак не наказали. То ли Ричард III, вопреки существующему мнению, в магию совсем не верил (что скорее всего – он был действительно набожным человеком, а церковь отрицала существование магии), то ли его гнев был полностью направлен на персону того, кого он считал другом и кто оказался предателем, то ли новая администрация еще не напрактиковалась в расследованиях заговоров. Нандьюк даже впутался в следующий заговор против Ричарда, и все равно его не наказали. Впрочем, возможно, что в 1484 году он просто бежал к Тюдору во Францию. Но и победа Тюдора особого счастья г-ну некромансеру не принесла. Дело было, очевидно, в дурной репутации. Он оказался не способным ни предупредить Бакингема о том, чем закончится герцогова попытка перехватить корону для себя, ни предупредить Брэндона, что восстание в Колчестере не имеет ни малейшего шанса на успех.

Так и умер Нандьюк в Кембридже, в условиях приличных, но отнюдь не блестящих, оставив после себя пару старых черных штанов, потертую старую манию красного цвета и некоторые интересные для историков предметы, перечисленные в описи: три коротких плаща ярких цветов и шляпу, обтянутую вельветом – несомненно, остатки былой роскоши. Остались также лютня, щетки для волос и пять заношенных шелковых дублетов. Остались после него и разные безымянные книги, памфлеты, манускрипты, работы по медицине и астрологии, стол, бумага и три прессы для книг, а также некоторое количество алхимического оборудования. Типичное имущество небогатого ученого, знававшего лучшие времена. Что могло привести такого человека в круги «некромансеров»?

Когда-то его имя писалось в архивах Кембриджа как Ван Дайк, но поскольку его образование спонсировалось на уровне Мастера Искусств герцогом Бакингемом, изменилось и имя. Это, кстати, говорит о том, что пришлый голландец или фламандец был учеником одаренным. Это было в

обычае английских баронов – покровительствовать многообещающим дарованиям. Не потому, что деньги были лишние (а они были), а потому что в пятнадцатом веке Оксфорд и Кембридж были университетами захолустными, а патриотизм и национальная гордость англичан требовали, чтобы их обучение могло конкурировать с университетами на континенте. Взамен ожидалось, что такой стипендиат, в свою очередь, отпреподает в университете энное количество часов.

Каким-то ветром в эту систему занесло и Нандьюка – студента, обладавшего, очевидно, талантами как минимум, потому что крутился он в те годы в обществе самого Джона Арджентайна. А Джон Арджентайн был придворным астрологом и физиатром, который составлял гороскопы для Эдварда IV и Эдварда V. Арджентайн был также человеком, последним видевшим «принцев из башни» перед тем, как те исчезли совершенно таинственно и бесследно. Арджентайн, кстати говоря, весьма преуспел при дворе Генри Тюдора, хотя и в качестве физиатра, а не мага. Именно Арджентайн был личным врачом принца Артура.

На первый взгляд, объединение науки исцеления с «темными искусствами» выглядит нелогично. Но это только на первый взгляд. Тот, кто может исцелить, может и нанести вред. Тот, кто понимает язык звезд, наверняка в сговоре с духами стихий. Не говоря о занятиях алхимией, дающих просто неограниченные возможности для любознательного ученого!

Не стоит думать, что люди, живущие в Средневековье, были суевернее или наивнее, чем мы. Скорее, менее, потому что они были гораздо ближе к реалиям жизни, чем мы, а это как-то излечивает от избытков мистичности в организме. Поэтому увлечение интеллектуальной диаспоры алхимией списывать на какую-то предполагаемую «недоразвитость» Средневековья не нужно. Дело обстояло с точностью до наоборот: алхимия была экспериментальной наукой, естественным развитием философской составляющей знаний. И, как экспериментальная наука, вызывала у вершителей судеб противоречивые эмоции. Если папа Клемент IV в тринадцатом веке покровительствовал францисканцу-ученому Роджеру Бэкону и изучал его труды по философии, теологии, астрологии и алхимии, его преемник считал Бэконовы пересмотры астрологических доктрин слишком «ультра» и уж совсем не одобрял увлеченности францисканца составлением пророчеств.

В общем и целом, говоря об астрологии и алхимии, надо помнить, что они были науками, имеющими свою теоретическую базу, свои теоремы и аксиомы, свои понятия и традиции. И эти «некромансеры» знали, что

делали, хотя устоявшийся стереотип изображает алхимиков или безумцами, или шарлатанами. Разумеется, кто угодно мог закупить алхимическое оборудование и начать какие угодно опыты, но это не делало его алхимиком. Кто угодно мог составлять гороскопы и изрекать пророчества, но это не делало его астрологом или философом. Можно возразить, что списки ингредиентов для алхимических опытов говорят сами за себя, слишком научными они не выглядят. Но уже некоторое время существует обоснованное мнение, что эти списки – шифры, которые в наше время потихоньку расшифровываются.

В любом случае настоящие «некромансеры» были людьми образованными, членами определенной группы, хорошо знакомыми друг с другом. У каждого из них имелаась определенная репутация и среди «своих», и среди нанимателей. И они были плотно интегрированы в реальную жизнь. Епископ Гийом Овернский на переломе двенадцатого и тринадцатого веков изучал Вселенную, Генрих Гентский в тринадцатом веке трудился, помимо прочего, на ниве психологии, Альберт Магнус в том же тринадцатом веке вообще не оставил в науке ни одного камня неперевернутым, написав томов сорок трудов на разные темы. Причем епископ Альберт Магнус не просто делал теоретические выводы, он занимался исследованиями и экспериментами. И довольно солидная часть его интересов была обращена на медицину.

Доминиканец Фома Аквинский, опять же в тринадцатом веке, оказал на английскую медицину огромное влияние, исследуя работу человеческой памяти помимо прочего. Вот, например, один из его постулатов: «Человек отличается от животного мира наличием способности познания и, на основании этого, способностью совершать свободный осознанный выбор: именно интеллект и свободная (от какой-либо внешней необходимости) воля являются основаниями совершения подлинно человеческих действий (в отличие от действий, свойственных как человеку, так и животному), принадлежащих к сфере этического». Иоанн Дунс Скот на переломе тринадцатого и четырнадцатого столетий потратил много усилий на отстаивание идеи непорочного зачатия богородицы, но он же изучал развитие личности и свободу воли. И был астрологом. Даже францисканец Уильям Оккам в четырнадцатом веке, имеющий репутацию философа чистейшей пробы, сделал большой вклад в изучение абстрактного мышления.

Современником персонажей Войн Роз был Джордж Риплей. Вот он уже был известен главным образом как алхимик и в качестве алхимика пользовался покровительством Эдварда IV. Этот король вообще имел

довольно сильные связи в мире алхимиков и людей, принадлежавших к могущественным полусекретным орденовским организациям. Риплей – один из немногих, за кем стойкие слухи признают умение делать золото алхимическим путем. Потому что сложно себе представить в Англии тех времен человека настолько сказочно богатого, чтобы он мог позволить себе даровать рыцарям Мальты по 100 000 фунтов в год на их войны против неверных.

Вот то, что алхимические опыты были небезопасны и сопровождались выделением более или менее омерзительных запахов – правда. Как и то, что многие алхимики утверждали, что умеют «призывать существа невообразимые» – как правило, не вдаваясь в подробности. Отсюда, по-видимому, и стойкое ассоциирование алхимиков с темными искусствами. Отсюда это название – «некромансеры». Конечно, рассматриваемые в данном, мелком контексте некромансеры были гораздо более скромными персонами, чем Риплей и епископы, но на своем уровне они делали то же самое: исследовали природу, исследовали человека и экспериментировали с веществами, составляя лекарства. Эти рецепты исследуются сейчас в том объеме, в котором они известны, и за многими признаются несомненные достоинства. Хотя леча одно, они могли покалечить другое – но разве не так обстоят дела со всеми лекарствами?

Был «некромансер» и при Ричарде III, правда, не собственный. Патронессой Уолтера Лемпстера была Элизабет, герцогиня Норфолк, женщина, как известно, не жадная. Во всяком случае, когда умер Лемпстер, его три родственницы унаследовали 500 фунтов, из которых 300 наличными, и кучу дорогой посуды. А библиотеку Лемпстер завещал королевскому колледжу в Кембридже. При короле-легенде Генри V в некромансерах состоял врач и священник Николас Кольнет. Кольнет оставил после себя всего 89 фунтов, зато массу серебряной и золотой утвари. И его гардероб ни у кого бы не повернулся язык назвать жалким!

Глава пятая. Вдовствующая леди

Путешествуя по биографиям средневековых леди и лордов, нельзя не заметить, что редко кто из них проживал всю свою жизнь в одном браке. Большинство дам переходили из одного замужества в другое – по разным причинам некоторые предпочитали сохранять статус *femme sole*, самостоятельной женщины. Обычно среднестатистическая вдова либо заключала новый брак в течение двух лет после смерти предыдущего мужа, либо не связывала больше себя замужеством вообще. Кристина Пизанская, которая сама предпочла одиночество и карьеру новому браку, оставила вдовам письменные указания о том, как следует вести себя после утраты дорогого супруга, и можно не сомневаться, что в замках и поместьях средневековой Англии эти инструкции были не менее читаемы, чем сочинения отцов церкви, которые, кстати, тоже обращались к вдовам.

В своей практичной манере Кристина рекомендует овдовевшей женщине на некоторое время отойти от повседневной жизни, как можно реже показываясь на людях. Наряд вдовы в таких случаях должен был быть скромным и траурным, а ее главным времяпровождением должны быть молитвы за душу усопшего. Во-первых, эти добрые деяния зачтутся и ей, напоминает Кристина, а во-вторых, хочется заметить, для женщины, ставшей чьей-то супругой чуть ли не в колыбели, начало вдовства было хорошим моментом познакомиться с собой и решить, как жить дальше. «Подумать о своих нуждах», – как выражается Кристина. Думать нужно было начинать со знакомства с завещанием супруга. Если супруг озаботился все сделать по уму, задачей леди оставалось воплотить на практике его волю, если же супруг не обозначил четко, что и кому причитается, фокус задачи несколько смещался в сторону «пусть никто не уйдет обиженным». Она не должна позволять одурачить себя, но и слишком агрессивная защита прав тоже порицается, все нужно делать эффективно и тактично.

Поскольку смерть лорда всегда означала некоторые брожения среди его подчиненных, для леди было важно использовать свой авторитет и ту привязанность вассалов и окружающего социума, которую она, как разумная хозяйка, за время замужества себе обеспечила. То есть, выражаясь современным языком, начинать новую жизнь вдовья леди должна была начинать с использования накопленного социального капитала. Ведь она озаботилась иметь благосклонных к себе советников и благодарных

вассалов, не так ли? Более того, она ведь не допустит, чтобы работающая сеть взаимных услуг, знакомств, благотворительности, которой она управляла при жизни мужа, стала бесхозной и бесполезной только потому, что в семье леди случилось несчастье. Репутацию нужно поддерживать, а связи подпитывать. Что, в свою очередь, накладывает определенные требования на стиль жизни вдовой леди, если она решит остаться некоторое время незамужней по истечении срока траура. Социальность и гостеприимность – да, веселые приемы, драгоценности и яркие одежды – нет и нет. Никакого смеха, никаких песен и танцев на людях, даже если леди по натуре к ним предрасположена. Особенно осторожной следует быть перед мужчинами, которые могут истолковать ее веселость неправильно – и с неприятными для леди последствиями.

Иллюстрация к Кристины Пизанской «О Граде женском». *Рукопись XV века*

Абсолютно очевидно, что Кристина Пизанская предполагала как данность, что овдовевшей женщине придется трудно, закон там или не закон, который защищает ее права. Но Кристина основывалась в своих заключениях на наблюдениях за французским «материалом». Давайте посмотрим, как складывалась судьба английских вдов, всегда обладавших большей независимостью по сравнению со своими континентальными сестрами. И здесь нужно всегда иметь в виду более широкую картину,

нежели просто отдельно взятая судьба конкретной женщины. Ведь кем была вдова с ее вдовьей частью для дома ее супруга? Посторонней женщиной, отобравшей часть семейных земель в ущерб кровных членов рода. Что из того, что она принесла с собой приданое, если вдовьей частью она это приданое извлекала из «общего котла» назад, в единоличное пользование, оставляя другим уменьшившееся на треть (!) состояние. А что если вдова будет жить долго, да еще и замуж выйдет снова? Вот, собственно, камень преткновения и суть многих конфликтов в делах с аристократическими вдовами средневековой Англии. И, кстати, неплохо обозначить сразу, как долго могла рассчитывать вдова пользоваться своей вдовьей долей, ведь считается, что средневековый человек жил болезненно и умирал рано.

О продолжительности жизни в средневековой Англии

Все геронтологи нашего времени знают, что хронологические рамки мало что говорят о человеческом возрасте. Возраста, после которого человек становится старым, просто не существует. Как пошутил один из специалистов по заболеваниям памяти, «старик – это человек, который старше тебя на пятнадцать лет». К тому же, внутренние органы человека «стареют» с разной скоростью. Поразительно то, что это знали и в Средние века.

Винсент из Бове (1190–1264) писал, что «в событиях и работах юности ты не замечаешь, как старость подкрадывается потихоньку, шаг за шагом. Она не побеждает сразу, но отвоевывает часть за частью». Арнольд из Виллановы (1235–1311) из Салерно подмечает, что люди с холерическим темпераментом и острым умом имеют тенденцию к болезненной молодости, но к зрелым годам их здоровье улучшается, и они живут долго и старятся медленно. Что касается женщин, то старая женщина – это та, которая не протестует, когда ее называют старой. Августин из Гиппо (354–430) разделяет человеческую жизнь на 6 стадий: «ты не изменяешься от одной стадии к другой, но, оставаясь все тем же, ты будешь чувствовать новизну. Второй возраст не наступит так, чтобы закончился первый; и наступление третьего не разрушит второй; четвертый не родится так, чтобы умер третий; и пятый не станет завидовать силам четвертого; и шестой не подавит пятого. Хотя они и не приходят так, чтобы быть одновременно, они продолжают в гармонии один с другим в душе, у которой правильные отношения с Богом, и они будут поддерживать тебя в бесконечном покое и прозрачности седьмой стадии».

В настоящее время специалисты по возрастным изменениям считают, что в возрасте от 60 до 70 лет наступает некоторое ослабление жизненной силы человека, и после 75 лет начинается собственно угасание. Представление о возрасте, в котором начинается старость, отражается в западном обществе в возрасте выхода на пенсию (около 65–67 лет), хотя девиации в рамках одной и той же возрастной группы очень сильны. Ученый, если ему не изменит память, может продолжать работать до самой смерти. Пожарник или медсестра, не говоря о строителях, вряд ли выдержат и до 63 лет.

Широко распространено мнение, что в Средние века люди старели

раньше, что человек 40 лет уже считался старым. Эти поверья основываются на понятиях о средней продолжительности жизни человека тех эпох. Историки, придерживающиеся этой точки зрения, обосновывают свое мнение текстами Средних веков, касающихся вопросов «возраста человека» и «стадий жизни», а также на пертональных записях людей того времени, в которых те излагают свои понятия по вопросу, а также описывают свои ощущения старения. Это не лучший способ для выводов о том, как быстро люди старились в старые времена, потому что ощущение возрастного упадка сил – дело очень субъективное. Гораздо более надежно обращаться к юридическим текстам, определяющим понятие «старый человек», причем в привязке к культуре и социуму отдельно взятого общества.

Деление жизни на стадии типично для Средних веков и отражается как в литературе научной, медицинской, дидактической, гомилетической, так и в искусстве. Определялись эти стадии по-разному. Цикл человеческой жизни делили на три (по биологии Аристотеля), четыре (по физиологическим показателям), шесть и семь стадий (по теории Птолемея, предполагающей, что за каждую стадию человеческой жизни «отвечает» определенное небесное тело, наделяя ее своими характеристиками), иногда – на пять и двенадцать. Иногда стадии старения описывались без определения их возрастных границ, что, в общем-то, имеет смысл. Бывали и другие вариации, например, деление жизни на четыре стадии по «временам года» (весна до 32 лет, затем лето до 35–40, потом осень до 60, и, наконец, зима), на семь – по семи каноническим добродетелям (мужество, умеренность, справедливость, благоразумие, вера, надежда, любовь) и так далее.

По теории небесных тел, от рождения до четырехлетнего возраста в человеке доминирует Луна, затем, от 4 до 14 лет, на него воздействует Меркурий, который уступает место Венере, доминирующей в жизни человека до 24 лет. От 24 до 34 лет жизнь человека находится в зените и управляется Солнцем. Затем приходит черед Марса, который длится до 46 лет, и от 46 до 58–60 лет на человека воздействует Юпитер. После 60 лет начинается закат, и в жизни человека доминирует Сатурн, до самого конца. Бернар де Гордон из Монпелье в 1308 делит жизнь человека на три стадии. Первая длится от 0 до 14 лет (детство), 14–35 (молодой возраст), 35 —? (просто возраст). В другой своей работе он обозначает верхним пределом человеческой жизни 60 лет. То есть, в его понимании, у человека сразу после 60 начинается возраст «столько не живут». Данте в своем «Пире» делит жизнь совершенно по другому: 0 – 25 (подростковый возраст), 25–45

(взросление), 45–70 (старение), 70 —? (старость). Филипп де Новара, 13-й век, предлагает следующее деление (не являясь, впрочем, медиком, но крестоносцем, поэтом, писателем и консервативным философом): 0 – 20 (юность), 20–40 (возраст расцвета), 40–60 (возраст созерцания), 60–80 (старость).

Что касается вариаций в рамках жизненных стадий женщин, то Винсент из Бове упоминает вскользь, что молодость женщины заканчивается после 50 лет, когда она теряет способность к деторождению. Кстати сказать, это приблизительно на 5 лет больше, чем средний идентичный период в наши дни. Остальные ученые, очевидно, предполагали, что и женщины, и мужчины проходят стадии жизни одинаково. Томас Аквинский даже утверждал, что нет такой стадии в жизни женщины, когда она достигает той стадии совершенства, за которым наступает только увядание. Можно сказать, разумеется, что поэты куртуазной любви, утверждающие, что мужчина способен на любовь до 60, и женщина – до 50 лет, принимали во внимание возрастные гормональные изменения, которые именно в этом возрасте определяют эмоциональность человека, но скорее всего, поэты просто делали вывод на основании того, что видели. То есть биологические часы человеческой жизни в Средние века тикали абсолютно в том же темпе, в каком они тикают сейчас. Нет, поэты отмечали, что к сексуальным отношениям люди способны и далеко за данными границами, но вот та горячность чувств, которая свойственна молодости и зрелости, та сосредоточенность на объекте собственных чувств – они уходят, оставляя место холодноватой рациональности и спокойной привязанности.

Что касается старости и смерти, то, как писал Альбертус Магнус (1193–1280), старый человек начинает холодеть, высыхать и, говоря современным языком, терять иммунную защиту. Признаком ясно надвигающейся смерти он считал начало болезней памяти, и это более или менее подтверждается современной нам медициной, хотя нынешние лекарства довольно долго поддерживают физическое существование и абсолютно сенильного человека. Другой вопрос, можно ли такое существование назвать жизнью. Магнус писал, что человек, умирающий от старости, даже не чувствует перехода из мира этого в мир иной. Филипп де Новара был даже убежден, что дожившие до 80 лет сами будут молить Бога о смерти (сам он прожил 70 лет). Что касается указов и декретов королей, то здесь имеется масса примеров, что старыми считались люди от 60 до 70 лет и старше. Список доказательств, в общем-то, просто огромен. Здесь и указ Филиппа Пятого Французского от 1319 года, разрешающий лицам

старше 60 лет платить налог местному сенешалю, а не ехать ко двору короля, и указ Филиппа Шестого Французского от 1341 года о пенсиях, сохраняемых для старых служак старше 60-ти, и распоряжение Педро Жестокого от 1351 года об обязательных работах для всех, от 12 до 60, и распоряжение Эдуарда Второго Английского о военной подготовке всех мужчин от 15 до 60, и пенсия солдатам старше 60 лет Генриха Седьмого Английского, и много чего еще. Во многих регионах Европы (например, Кастилия и Леон) пенсионный возраст для служащих наступал и вовсе в 70 лет. Другим островком удивительного статистического долголетия в средневековой Европе была Венеция.

В принципе, нет никаких оснований предполагать, что в Средние века человек жил меньше и сохранялся хуже, чем в наше время. Один интересный момент все-таки был: в Средние века существовал обычай округлять возраст до ближайшего десятилетия, 63-летний говорил, что ему 60, а 55 летний мог считать себя либо 50, либо 60 лет от роду.

Как писал Петрарка Боккаччио «молодые люди уменьшают свой возраст, а старые увеличивают».

Так откуда пошла легенда о средневековой глубокой старости в 40 лет? Дело в статистике тех времен, которая учитывает и эпидемии, и войны, и детскую смертность. Такая статистика невероятно редка и не слишком систематична, но в одной из коммун Флоренции она сохранилась, и ее нашла историк Суламифь Шахар. Так вот, если учесть даты регистраций рождений и смертей по той отдельно взятой коммуне, то картина получается действительно безутешная: 1300 год – средняя продолжительность жизни около 40 лет, 1375 (чумные годы) – около 18 лет, 1400 – около 20 лет, и 1427 – около 28 лет. Но: здесь учтены и детская смертность, и смертность от эпидемий, и смерти в результате военных действий разных масштабов во всех социальных слоях населения коммуны.

Англия не была абсолютно изолированным островом, так что эпидемии не миновали и ее, но особенностью средневековой Англии всегда был достаточно высокий, по сравнению с материковым, уровень достатка низших классов. Даже пресловутое восстание Уота Тайлера отнюдь не было проявлением безнадёжного положения бедноты, но неплохо организованной попыткой воспользоваться малолетством короля и провести административную реформу. «И тогда названный Уот прочел вслух пункты, которые они требовали, и потребовал, чтобы не было никакого другого закона, кроме Уинчестерского закона, и что впредь ни в каком судебном процессе не будет объявления вне закона, и что ни один сеньор не будет иметь сеньории, и все они будут справедливо разделены

между всеми, и только один сеньор король будет их иметь, и что имущество святой церкви не должно находиться в руках монахов, приходских священников и викариев, ни других из святой церкви, но те, кто владеет ими, будут получать достаточное для жизни содержание, а все остальные имущества должны быть разделены между прихожанами; епископов не будет в Англии, кроме одного, и прелатов, кроме одного; и все земли и держания, находящиеся у этих владельцев, будут взяты у них и разделены между общинами с оставлением им умеренного содержания, и что в Англии не будет ни одного крепостного, ни крепостничества, ни холопства, но все должны быть свободны и одного состояния», – перечисляет хроника аббатства св. Марии в Йорке требования восставших. Заметьте, никто не кричал «хлеба, хлеба!».

В результате и продолжительность жизни в средневековой Англии была несколько другой, даже если принять во внимание чумные эпидемии. Во всяком случае, между 1350 и 1500 годами 30 % состава палаты лордов находились в возрасте 60 лет, и 10 % были старше 70 лет. Это в эпоху-то от чумной эпидемии до Войн Роз, которые палату лордов проредили более чем порядочно. Более того, многие аристократы, достигшие 60 лет, пользовались возможностью прекращения активной службы на благо королевства, которую им даровал закон о «пенсиях» того времени, и просили освобождения от заседаний. И даже иногда это освобождение получали. Слово «пенсии» взято в кавычки потому, что сэры и пэры, в отличие от своих собственных служащих, работали на королевство бесплатно. Солдатам, которых они были обязаны поставить по призыву короны, платили, а вот им – нет. Подразумевалось, что те доходы от графств, которые были даны в управление с правом наследования титула определенным семьям, должны покрывать их расходы. Вместо пенсии корона могла пожаловать пользование какой-то синекурой или доходы от каких-то поместий пожизненно, но это и все. От лордов тоже ожидалось, что они обеспечат будущее своих служащих и работников либо ежегодными выплатами, либо единовременной суммой. Такая вот средневековая пенсионная программа по имени «ответственность за тех, кто на тебя работал».

Для историка эта граница в 60 лет означает, что общество, ее установившее, признавало, что за ней начинается снижение способностей и упадок сил. То есть, пожалуй, именно этот возраст, 60, можно определить в качестве возраста, с которого средневековый человек начинал считать себя старым. Расцвет же сил признавался у людей от 30 до 60 лет, потому что возраст в 30 лет был нижней границей у многих административных и

управленческих должностей. Впрочем, монах и, впоследствии, аббат Джоселин из Бреклонда возражал против двух кандидатур в приоры Бери-Сент-Эдмундс на основании того, что кандидатам всего по 40 лет, и они слишком молоды. Но относительно тех, кто занимался тяжелым физическим трудом, средневековой статистики просто нет. Есть, например, Закон о рабочей силе от 1351 года, обозначающий «пенсионным» возрастом 60 лет, после чего работник больше не был ничему никому обязан. Не верьте в «здоровый труд на свежем воздухе»! В современной Европе, снимающей с пенсионеров высокий налог, попытка поднять возраст выхода на пенсию до 67 лет вызвала бурю протестов потому, что средняя продолжительность жизни у разнорабочих и вообще людей физического труда – всего 68 лет. В 2014 году. Так что вполне вероятно, что и в Средние века люди не слишком заживались после достижения заветного рубежа. Это было бы в интересах экономики короны.

Если перейти от общего к частному, то из аббатов вышеупомянутого Бери-Сент-Эдмундс Самсон из Тоттингтона прожил 76 лет (1135–1211), а Хью из Нортвуда только в должности аббата просидел 41 год, так что на день смерти ему явно было хорошо за 80. Из архиепископов Кентерберийских знаменитый Лафранк прожил более 84 лет (1005–1089), его последователь, воинственный Ансельм, умер в возрасте 75 лет (1033–1109). Томас Бекет (1118–1170) был убит, можно сказать, во цвете лет, всего в 52 года.

У королей жизнь была более нервная, чем у прелатов, хотя средневековые прелаты жили практически той же жизнью, что и высшая аристократия. Разве что жизнь им продляла мощь интеллекта, на что напирал и современная теронтология: чем лучше человек образован, тем дольше он проживет и здоровее будет. Так что короли жили меньше. Эдуард Исповедник (1002–1066) – 64 года, Вильгельм Завоеватель (1028–1087) немного не дотянул до 60. Его правнук, Генри I, умер в 67 (он тоже был интеллектуалом, но желудок у него оказался слабее головы). Воюющие между собой Стивен Блуасский и императрица Матильда прожили до 58 и 65 лет соответственно. Стивен, собственно, умер в походе, от какой-то кишечной заразы. Генри II, который жег свечу с двух сторон, умер в 56 лет, а Джон то ли траванулся молодым сидром, то ли был отравлен монахами в 49 лет. Его сын и внук порадовали нацию долголетием, 65 и 68 лет. Да и праправнук не подкачал, 64 года. А вот после этого Эдварда III никто из английских средневековых королей не умер своей смертью. Ричард II и Ричард III погибли в возрасте 33 лет, Генри IV умер от сердечной болезни в возрасте 45 лет, а Генри V был, очевидно, отравлен в возрасте 35. Генри VI

был преднамеренно или непреднамеренно убит (у него были более тонкие черепные кости, чем у обычного человека, так что убить его мог и обморок, если бы его величество приложился головой не на перину), когда ему было 49. Веселый и красивый гигант, король Эдвард IV, свел себя преждевременно в могилу излишествами, когда ему было всего 40 лет, но именно этот король интеллектом не блистал. Практическим умом – да, но этого явно не хватило. Причем по жизни этот король был таким везунчиком, что отпущенная на его век удачливость в какой-то момент просто закончилась.

Портрет Эдуарда IV. *Неизвестный художник XV века*

Перейдем от королей к королевам. Эдит Эдуарда Исповедника умерла от какой-то болезни после смерти мужа в возрасте 50 лет. Матильда Вильгельма Завоевателя родила девять или десять детей и умерла в

возрасте 52 лет, раньше мужа – тоже в результате болезни. Генри I был женат дважды. Первая его жена, Эдит/Матильда, умерла, когда ей было всего 38, а вторая, Аделиза – в 48. Алиенора Аквитанская, супруга Генри II, была ярчайшей интеллектуалкой своего времени, и прожила она около 82 лет. Помимо политики, войны, администрации, дипломатии и поэзии, она преуспела и в роли матери, родив двум мужьям десять детей в общей сложности. Изабелла Ангулемская короля Джона прожила 58 лет, Элеанора Прованская Генри III – 68, Элеанора Кастильская Эдварда I – 49. Обе Элеаноры нарожали мужьям кучу ребятишек, девять одна (из которых выжили пять) и шестнадцать другая, из которых дожили до взрослого возраста восемь. Эдвард III был многодетным отцом – ему Филиппа, прожившая 55 лет, родила четырнадцать детей, из которых выжили десять. Мэри де Бохун Генри IV умерла родами в возрасте 27 лет, родив мужу семерых детей. И после этого все для английской короны повернулось достаточно скверно. Вторая жена Генри, Жанна Наваррская, прожила 67 лет, но совместных с английским королем детей у нее не было. Генри V настолько не торопился жениться, что успел произвести на свет со своей Катериной Валуа только одного сына, который оказался не то чтобы слабоумным (совсем наоборот, с интеллектом там было лучше, чем у многих), но уж слишком своеобразным для короля. Катерина потом, в 35 лет, умерла от родовых осложнений, но тогда она рожала детей уже то ли Эдмунду Бьюфурту, то ли Оуэну Тюдору, кто знает. Маргарет Анжуйская Генри VI прожила 52 года и только чудом умерла своей смертью. Неукротимая была женщина, но мужу она родила всего одного сына, по поводу рождения которого счастливый отец, очнувшись от длительной кататонии, растерянно пробормотал, что отцом принца является, по-видимому, Святой Дух. У Эдварда IV все было бы хорошо, если бы он не оказался двоежнецом, что сделало его выводок из десяти детей незаконнорожденными. Жена, Элизабет Вудвилл, прожила 55 лет, и эти годы не были легкими. Монахини жили несколько дольше. Св. Хильда из Витби прожила 67 лет, св. Леоба прожила 72 года.

В общем и целом можно сказать, что практически единственным отличием продолжительности жизни в средневековой Англии от аналогичного параметра нашего времени было то, что женщины жили, в среднем, на 10 лет меньше, чем мужчины, умирающие своей смертью. Впрочем, долгожители были и среди женщин, и среди мужчин. Но вышеприведенные конкретные факты хорошо иллюстрируют, что среднестатистическая жизнь королей и королев Англии после битвы при Гастингсе окажется гораздо короче, если в нее включить факторы детской

смертности даже в королевских семьях, и тех королей, которые были убиты. Возможно, тогда-то мы и выйдем на сакральные 40 лет. Как понимаете, статистика — это такая загадочная вещь, что о реальном положении вещей она не говорит ничего.

О ценности вдов для экономики королевства – и не только

Вдовы – эта довольно интересная для изучения часть населения в средневековой Англии. Для начала, их было очень много. Поскольку в этой книге рассматриваются судьбы дам высшего звена общества, поговорим о богатых вдовах. На 1436 год высшая аристократия страны состояла из трех герцогств и одиннадцати графств. Из них два герцогства и десять графств находились по разным обстоятельствам под контролем женщин. Маргарет Холланд, герцогиня Кларенс и графиня Сомерсет, Катерина Невилл, герцогиня Норфолк, Элеанор Беркли, графиня Арундел, Мод Ловелл, графиня Арундел (она как раз умерла в 1436 году), Мод Клиффорд, графиня Кембриджская, Джоан Стаффорд, графиня Кентская, Анна Вудстокская, графиня Стаффорд, Джоан Бьюфорт, графиня Уэстморлендская, вдовы имели под собой 27 % всех аристократических владений королевства. Анна Тальбот, графиня Девон, Констанс Холланд, графиня Маршал, Изабель Расселл, графиня Вилтшира и Алис Сарджес, графиня Оксфорда, в этой статистике отсутствуют по причине того, что они заключили новые браки, так что данные о размере уплаченных персонально ими налогов получить затруднительно, но общий их годовой доход достигал около 1883 фунтов (около £1,193,000.00 на современные деньги). Отсутствуют в статистике и владения Жакетты, вдовствующей герцогини Бедфорд, которая тоже несколько скандально вышла замуж. Ее владения, по мнению специалистов, приносили ей около 525 фунтов годовых (около £328,300.00 на современные деньги).

Частично благосостояние вдов обеспечивалось их брачными договорами. Текст законов XII века под названием «*Tractatus de legibus et consuetudinibus regni Angliae*» («Третиз по законам и обычаям королевства Англия», или просто «Гланвилл»), написанный юстициарием короля Генри II Ранульфом де Гланвиллом, говорит о том, что вдовство женщины должно быть предусмотрено уже в день свадьбы. Муж был обязан обеспечить свою жену ее «вдовой долей» – третьей частью своего состояния на день свадьбы. Обычно земель, которая ценности не теряла, но не только. Вдова получала полные и неоспоримые права на свою долю, которые оставались за ней и в том случае, если она снова выходила замуж. По крайней мере, свод законов по общему праву, написанный в XIII веке Брактоном, говорит, что она имеет на это права. Считалось, что сам по себе брак – это, кроме

прочего, и экономический союз тоже, в который жена вносит свой вклад работой. И любая женщина что-то приносила из семьи в виде приданого, так что обмен был только справедлив. Был один момент, по которому жена могла потерять право на свою вдовью часть имущества: доказанная ситуация, в которой брак, по сути, не вступил в силу. Но в таком случае, как правило, и приданое в руки мужа не переходило. Как правило, потому что наверняка случалось всякое, особенно если речь шла об очень влиятельных персонах. В случае любого вида развода жена получала свою «вдовью часть», если только развод не случился из-за ее измены.

Хуже всего приходилось семьям тех, кто был казнен или приговорен к казни заочно по обвинению в государственной измене. Вот тогда ни о какой «вдовой доле» речь не шла. Там жене могли позволить, и обычно позволяли, оставить то имущество, которое она принесла в виде приданого, но имущество предателя полностью конфисковывалось короной. Правда, обычно с тем, чтобы потом восстановить в правах наследника титула и вернуть ему все или большинство конфискованных владений, но не всегда.

Завещать свою треть вдова могла кому угодно. Однако законы, такие четкие сами по себе, никогда на практике не были простыми из-за всевозможных «в том случае, если», то есть дополнений. Более того, даже если «вдовья доля» невесты была совершенно однозначно оговорена при вступлении в брак, нигде не было запрета мужу делать что угодно с этой долей при его жизни. Он мог ее продать, у него могли ее отобрать, и, в конце концов, он мог ее проиграть. Далее, поскольку законы писались на официальной латыни, которую зачастую каждый трактовал по-своему, шли там и тут ожесточенные дебаты о том, как нужно понимать термин *legitim*: имущество мужа на день его свадьбы или на день его смерти. Ну и приплюсуем сюда частные соглашения между составляющими договор сторонами, которые могли и букву, и дух закона перевернуть с ног на голову и с которыми повзрослевшая и поумневшая вдова могла оказаться совершенно не согласной, тем более что при заключении договора ее мнения никто не слушал. В таком случае дело о наследстве передавалось в суд. К чести средневековой юриспруденции нужно сказать, что годами судебные разбирательства не длились. Очевидно потому, что английское право не знало института адвокатуры до самого правления королевы Мэри, но это произошло уже во второй половине шестнадцатого века. Сессии суда происходили дважды в год, и на рассмотрение судье передавались основательно изученные местными юристами проекты решений, в которых были кратко изложены суть дела и аргументы сторон, с которыми судья соглашался или нет. В первую очередь суд всегда старался добиться

компромисса между спорщиками, потому что однозначное решение в пользу одного могло привести просто-напросто к затяжному вооруженному конфликту, как в случае с Беркли и Тальботами.

Даже если вдовья доля сохранялась как положено, вдова должна была находиться в хороших отношениях с главным наследником, чтобы вступить во владение, если земля была свободна, или затребовать ее у арендатора, если земля была в аренде (переписать договор об аренде и пересмотреть условия аренды как минимум). Потому что вступление во владение имуществом не происходило автоматически, оно происходило в суде. Наследник должен был либо официально признать права вдовы на ее долю, либо опротестовать его. В случае протеста начиналось интересное. Женщина могла либо сама вызвать наследника на дуэль, либо найти свидетеля, который своими ушами слышал, как истице у дверей церкви была обещана ее доля, и был готов биться за нее. Такие битвы, разумеется, были огромной редкостью уже потому, что только малая часть браков заключалась у этих самых дверей. Это согласно своду законов Гланвилля. Битвы же судебные редкостью не были. Только в 1227–1230 годах королевскому суду пришлось разбирать около пятисот тяжб по наследству! Ведь было столько всяких «но». Что, если у мужа права на подаренную жене землю были не совсем бесспорны? Умер ли муж действительно (если он пропал в битве)? А что, если он ушел в монастырь? Даже если женщина была уличена в неверности, и с ней был осуществлен развод, она могла на голубом глазу заявить на суде, что муж незадолго до смерти ее простил. Так оно, кстати, нередко и было. Мало кто хотел тащить на ту сторону груз земных обид и распрей.

Тем не менее, несмотря на трудности, женщины, как правило, свои тяжбы выигрывали, иногда действуя через представителей, но зачастую представляя себя самостоятельно. Например, в тринадцатом веке Агнес, вдова Ральфа ФитцХью, отсудила свою законную долю у собственного сына и еще одиннадцати мужчин, которые были кредиторами ее мужа! Реже женщины выигрывали, если им приходилось судиться с церковью, потому что юристы церкви знали и параграфы, и прецеденты закона куда как лучше самой грамотной мирянки. И да, некоторые женщины собирали настоящие состояния путем замужеств, как это сделала Изольда, дочь и наследница Уильяма Пентольфа: мало того что дама унаследовала немало от отца, она ухитрилась пережить пятерых мужей за период с 1180 по 1223 годы и наследовала свою часть за каждым из них. То же самое сделала в начале четырнадцатого века и Агнес Бересфорд, сменившая трех супругов за 15 лет и унаследовавшая за каждым вдовью долю. К тому моменту, когда

прожившая очень длинную жизнь дама умерла в 1375 году, сын ее первого мужа стоял в очереди за наследством уже 57 лет! Мод Фитц Бернард в XII веке выходила замуж восемь раз, но всю жизнь успешно судилась с родственниками своего первого покойного мужа за свою вдовью долю. Надо сказать, что в день смерти первого супруга, Джона де Бигуна, ей было 10 лет, то есть фактически женой она ему не стала, но юридически все было честь по чести, и на вдовью долю она право имела. Для Мод эта тяжба-марафон была, возможно, своего рода развлечением, но ее противников она чуть не разорила (леди прожила более 70 лет, то есть 60 долгих лет родня ее покойного первого супруга скрежетала зубами). А Маргарет из Бротерстона просто прожила слишком долго, пережив двух мужей, четверых детей и одного внука. Со вторым внуком, единственным оставшимся в живых наследником, она умерла в один год, в 1399.

Тем не менее, жизнь богатых и благородных вдов отнюдь не была сахарной. Дело в том, что в глазах хозяйственных англо-норманнов, которые чуть ли не первым делом после завоевания Англии заботливо составили список «бесхозных» богатых вдов и наследниц (Register of Rich Widows and of Orphaned Heiresses), вдовы тоже были своего рода передаваемым имуществом. Они так же, как и наследницы, должны были появляться при дворе и принимать распоряжения короля о новом браке. Или не принимать, пока не подворачивался достойный с точки зрения вдовы кандидат, которого одобрил бы и король. Нет, норманны не обездоливали богатых вдов и наследниц, они просто передавали их вместе с их имуществом в качестве награды тем, кого отдельно взятый король хотел наградить. Уже Генрих Первый пытался как-то охранить вдов и наследниц от ущемления прав и принуждения к новому замужеству, но на практике получалось плохо. Женщина могла выкупить себе право не выходить замуж, но стоило это дорого. Иногда столько же, сколько все ее состояние. Дело было не в мужском шовинизме, дело все в той же королевской политике централизации власти и имущества в руках короны.

Magna Carta, переизданная в 1225 году, ясно говорит:

«7. Вдова после смерти мужа своего немедленно же и без всяких затруднений пусть получает приданое и свое наследство и пусть ничего не платит за свою вдовью часть или за свое приданое, или за свое наследство, каковым наследством муж ее и сама она владели в день смерти мужа, и пусть остается в доме своего мужа в течение сорока дней после смерти его, в течение которых ей будет выделена ее вдовья часть.

8. Никакая вдова не должна быть принуждаема к браку, пока желает жить без мужа, так, однако, чтобы представила ручательство, что не выйдет

замуж без нашего согласия, если она от нас держит, или без согласия своего сеньора, от которого она держит, если она от кого-либо другого (а не от нас) держит»^[1].

Из замка, как сооружения оборонного, вдова должна была выехать немедленно, но с тем, чтобы ей было предоставлено жилье, соответствующее привычному для нее уровню жизни.

Распространившаяся с 1300-го года практика совместного владения имуществом облегчила положение вдов: они стали наследовать автоматически. На практике же это означало, что пока жива мать и хозяйка владений, ее наследники будут довольствоваться тем, что она им по доброй воле выделит. А ведь вдова могла выйти замуж и иметь сыновей от нового мужа. Так получилось, например, с состоянием, которое собрал епископ Бурнелл в бытность свою министром короля Эдварда I. Епископ по заведенной традиции оставил все племяннику, который вскоре неожиданно умер, оставив наследницей свою сестру, Мод. Мод вышла за Джона Ловелла, который был вскоре убит в битве при Бэннокберне.

Сын, тоже названный Джоном, родился уже после гибели отца, и стал наследником состояния. Но Мод вышла замуж снова, и снова по договору о совместном владении имуществом. От второго брака у нее было два сына, которые и стали основными наследниками округлившегося состояния. И сын Джона Ловелла удовлетворялся только малой частью того, что ему оставил отец.

Разумеется, многие мужчины были в курсе опасностей, ожидающих их кровных наследников, и принимали порой свои меры, чтобы этого не случилось, уже заключая брачные договоры. Некоторые завещания были составлены так, что замужество вдовы значительно уменьшало ее вдовью долю, или же определенная часть земель супруга вообще оставалась за пределами договора о совместном владении имуществом.

Что касается того, насколько беззащитна или защищена была от посягательств на свое имущество вдова, можно говорить много и интересно.

О благородных вдовах, невымышленные истории

После гибели графа Уорика при Барнете веселый очарованный Эдвард IV оказался повинен в беспрецедентном нарушении прав его вдовы. Со стороны имущества и титулов самого графа все было достаточно просто и ясно. Наследника мужского пола у него не было, так что имущество унаследовали две дочери графа, Изабель и Анна, которые стали женами братьев короля Эдварда IV. С разделом наследства сестер между братьями была своя драма, в которой повинна, возможно, не столько жадность Джорджа, сколько двуличие короля Эдварда. Так что многие подлости Джорджа, который будет усердно стараться аннулировать брак брата, объясняются тем, что, по его мнению, он боролся за свое, законное. В конце концов, с наследством Анны и Изабель все уладилось, но занозой в решении оставалась их мать, вдова графа. Ведь его величество щедрой рукой разделил не только владения покойного Уорика, но и его вдовы. Что было совершенно незаконно.

А владения эти были – не кот чихнул! Ведь Уорик стал Тем Самым Уориком изначально благодаря состоянию своей супруги, богатой наследницы Анны Бьючамп, 16-й графини Уорика. Хотя, надо сказать, в момент заключения брака она богатой наследницей еще не являлась. Ей было всего восемь, и ее брак с Ричардом Невиллом был «довеском» к браку ее старшего брата Генри с одной из многочисленных девочек из гнезда Вестморлендов. Обоих Бьючампов породнили с Невиллами за общую сумму чуть больше 4 000 марок. Богатой наследницей леди Анна стала после неожиданной смерти старшего брата. И они с мужем были очень эффективной парой, проводящей много времени вместе. Граф не оставил семью во время бегства в Кале после катастрофы под Ладлоу, как это сделал герцог Йорк, и не забыл жену и дочерей в Кале, вернувшись домой и убедившись, что йоркисты имеют хороший шанс победить. Посреди напряжения конца лета 1460 года он лично нашел время забрать их в Англию. Граф, мотающийся по всему королевству, воюя за короля Эдварда, держал открытый для всех дом, и леди Анна управляла немалым хозяйством, где в одном только замке Уорик каждое утро начинали жаркой пяти быков. Можно не сомневаться, что управление огромными владениями графа тоже лежали на плечах миледи, потому что милорд был, в первую очередь, военным, а время было беспокойным.

Портрет Анны Бьючамп. Начало XX века

Когда граф стал врагом короля Эдварда, его супруга последовала за ним в изгнание, во Францию, и лично присутствовала при бракосочетании

своей младшей дочери с сыном Маргарет Анжуйской, принцем Уэльским. И она последовала за мужем в Англию, путешествуя, таким образом, не в компании дочери и экс-королевы, а совершенно отдельно, и прибыла раньше их. Поэтому она узнала о смерти графа практически немедленно после битвы, и, не имея иллюзий относительно своей возможной судьбы в руках йоркистов, укрылась в аббатстве Бьюли, в Нью-Форесте.

Сначала она, как женщина разумная, подождала раздачи наград победителям и наказаний побежденным, никак о себе не заявляя. Но когда на зиму 1472 года был созван парламент, графиня обратилась с петицией прямо туда. И прошением это не было. Это было заявлением о правах, хотя и выражено это заявление было с изяществом и по стандартам обращения низшего к высшим. Графиня обратилась к самому королю, его королеве, к матери короля, его старшей дочери, братьям, сестрам, к матери королевы «и прочим благородным леди королевства». Леди Анна вежливо напоминает, что ни при жизни своего супруга, ни после его смерти она лично не совершила ничего, что можно было бы расценить как непослушание и враждебность к Его Величеству. Она также напоминает «его королевской мудрости», что и при жизни мужа, и после его смерти она являлась и является легальным бароном. Тем не менее, по какой-то причине его королевское величество решил, по имеющейся у нее информации, направлять аббату монастыря Бьюли угрожающие письма и отправлять неких персон с целью взять ее под стражу и заключить в заточение. Что, разумеется, разбивает ее, графини, сердце. Поэтому графиня просит парламент «обсудить и взвесить по совести ее права и законный титул ее наследства, то есть земли графств Уорик и Деспенсеров, которыми она законно владеет по праву рождения и линии наследования, а также ее приданое и вдовью долю графства Салсбери в придачу к вышеуказанным».

Кстати сказать, эта изящная пощечина нагловатому королю Эдди была целиком и полностью за авторством графини. Она в самом начале смиренно извиняется, что секретарей у нее нет, и что поэтому она вынуждена писать собственноручно. Еще один штрих к вопросу образования средневековых леди, кстати сказать. И к тому, почему аристократы так редко писали сами. Дело было не в неумении, а в принятом протоколе. Возможно, обращение через секретаря делало послание менее личным, менее задевающим гордость и менее обязывающим.

И в какой-то момент дело выглядело так, что графиня даже имеет шанс свое дело выиграть. Королю пришлось позволить ей покинуть Бьюли, и в

июне 1473 года, в сопровождении сэра Джеймса Тирелла, она отправилась на север ко двору своей младшей дочери и младшего брата короля, Ричарда Глостера. В конце концов, Ричард вырос из мальчишки в юношу именно при ее дворе и при дворе ее мужа. К сожалению, для леди Анны, проблемы с наследством графа Уорика касались не только ее собственности, но и передающихся по мужской линии земель Невиллов, которые должны были отойти вовсе не Кларенсу или Глостеру, но Джорджу Невиллу, младшему сыну маркиза Монтегю. Каким-то образом нужно было завернуть и его, совершенно легальные, требования.

Если бы корона экспроприировала все земли Уорика себе, оба герцога получили бы их от короны, то есть не в собственность, а только в управление. Что, разумеется, их вовсе не устраивало, потому что коронованный братец легко чины и владения раздавал, но так же легко их потом отбирал, чтобы пожаловать кого-то другого. Выход из ситуации был найден, мягко говоря, нетипичный. Пятая сессия парламента 1472–1475 годов, проходившая в мае 1474 года, просто-напросто объявила, что все права и требования вдовой графини Уорик аннулируются, «как если бы она была мертва». А головоломку с мужской линией наследования решили еще более оригинально. Ни графа Уорика, ни маркиза Монтегю не объявили изменниками, и корона их земли не экспроприировала. Таким образом, колоссальное наследство графа целиком и полностью перешло к его дочерям, а через них – к их мужьям, братьям короля. Наследникам же Уорика и Монтегю парламентским актом от 23 февраля 1475 года запретили предъявлять какие бы то ни было претензии на любую часть наследства. Такое вот юридическое убийство, абсолютно незаконное, ничем не обоснованное и абсолютно неприкрыто бесстыдное. Каким образом такое позорище удалось провести через обе палаты парламента? Просто путем манипуляции составом парламента. Это было обычной практикой и до Эдварда, и после него.

Впрочем, вдовья графиня продолжала жить с дочерью и зятем, хотя и имела при них свой отдельный двор, о закупках для которого в Йорке сохранилось много записей. Двор содержался на выделенные Ричардом для тещи деньги. Позже, когда Ричард стал королем, он назначил леди Анне официальную пенсию, и она стала независимой дамой. В деньгах у нее явно не было нужды, потому что известны как минимум два ее довольно дорогих проекта. Очень многие историки считают, что «сокровище Миддлхема» было изготовлено по заказу графини в 1476 году. В связи с этим упоминается, что леди Анна стала большой почитательницей малоизвестной англо-саксонской святой Пенкет, святой... экстатического

танца, своего рода транс, и даже участвовала в сборах секты почитателей этой святой, что вызывало чрезвычайное неодобрение ортодоксально набожного Ричарда в частных беседах о теще. Вторым проектом вдовой графини стала иллюстрированная рукопись, известная как The Beauchamp Pageant и посвященная отцу леди Анны, Ричарду Бьючампу. Предполагается, что книга была предназначена в подарок сыну Ричарда Глостера и Анны Невилл. Правда, в коронации Ричарда и Анны графиня участия не принимала, и ее имени даже нет в списке гостей. Впрочем, миледи жила в Миддлхеме, и там же жил сын Ричарда, которого тоже не было на коронации, и, очевидно, там же находились и дети погибших к тому времени Кларенса и Изабель. Возможно, леди Анна осталась присматривать за племянниками. Позже Ричард назначил теще содержание, равное (знак)£42,080.00 на современные деньги. Не слишком щедро, но вполне возможно, что это просто были деньги «на булавки», а двор вдовствующей графини продолжал содержаться на деньги зятя.

Как ни странно, леди Анна была обласкана Генри VII. К 1489 году ей были пожалованы очень многие земли из тех, которые принадлежали ей по праву, и она была назначена хранительницей лесов Вичвуда – очень доходная должность. Такая щедрость короля, прозванного Скрыгой, наводит на размышления, за какие заслуги вдовья графиня вдруг попала в фавор, начавший набирать обороты уже с 1486 года, но ответ может быть слишком мрачным для того, чтобы озвучивать его бездоказательно. Тем не менее, совершенно неожиданная смерть сына Ричарда III в Миддлхеме практически сразу после объявления Генри Тюдором в Реймсе своих претензий на английский престол не может не настораживать. А прожила леди Анна Бьючамп 69 лет, пережив и мужа, и детей, и даже внуков – за исключением дочери Изабель, Маргарет. Неплохо для дамы, прожившей столь бурную жизнь.

Приблизительно в то же время, в 1472–1474 годах, другая вдовья графиня, Элизабет Оксфордская, вела борьбу за свое состояние. Она тоже была вдовой лорда, Джона де Вера, казненного вместе со своим старшим сыном за измену еще в 1462 году. Леди Элизабет была урожденной Говард, причем – кузиной Джона Говарда, который был близок дому Йорков в роли советника и юриста. И еще она унаследовала от деда земли в Норфолке, Саффолке, Эссексе и Кембридже. Оксфорды, кстати, никогда не были особенно богатыми, их графство часто упоминали как самое бедное графство королевства. И женитьба Джона де Вера на наследнице без разрешения короля (вернее, совета короля, потому что сам Генри VI в 1425 году был слишком мал, чтобы кому-то что-то разрешать), обошлась ему в 2

000 фунтов штрафа. При том, что земли приносили ему всего 500 фунтов в год. Де Вер выбрал не ту сторону в борьбе Ланкастеров и Йорков, хотя он очень старался не ошибиться. Собственно, приговор, вынесенный Типтофтом де Верам, не был ни честным, ни справедливым. Тем не менее, их казнили, и их земли были конфискованы – и подарены королем Эдвардом своему младшему брату, Ричарду Глостеру. Но король быстро передумал, и в 1463 году вдруг решил признать второго сына казненного де Вера, тоже Джона, законным наследником своего отца и восстановить в титуле и имуществе. И пожалованное у Ричарда отобрали с тем, чтобы в 1472 году, после изгнания и возвращения Эдварда в качестве короля, снова ему отдать. Потому что тринадцатый граф де Вер оказался непримиримым врагом династии Йорков.

Что ж, Ричард заслужил благодарность брата и вступил во владение пожалованным. Оказалось, правда, что вдовая графиня времени даром не теряла. Она успешно сдала свои наследственные земли различным арендаторам, связала их договорами и укрылась в аббатстве. Известно, что Ричард свое получил, причем получил настолько законно, что комар носа не подточит. Поэтому после воцарения Генри Тюдора Джон де Вер написал прочувствованную петицию по поводу того, что земли его мать передала Ричарду чуть ли не под угрозой смерти. Ведь тонкость заключалась в том, что все, чем владел Ричард, перешло к Тюдору, а тот расставаться с имуществом не любил никогда. Поэтому де Веру пришлось искать свидетелей, которые существующую угрозу жизни вдовой графини подтвердили. Так что первый парламент Тюдора аннулировал сделку, и де Вер получил то, чего желал так страстно. Тем не менее, он чувствовал себя до такой степени неуверенным, что через 10 лет, в 1495 году, попросил помощи у епископа Мортон в сборе письменных показаний у сэра Джона Ризли, сэра Джеймса Тирелла и сквайров Уильяма Танстелла, Генри Робсона, Уильяма Пастона и Джона Пауэра. А девяностые годы были непростыми для короля Тюдора годами. Его одолевали то ли настоящие, то ли фальшивые племянники короля Ричарда, которых тот, как было объявлено, убил в Тауэре. Было очень важно доказать, что племянники фальшивые, и письменные свидетельства о том, что Ричард донимал беспомощную старушку-графиню, косвенно подтверждали, что он был вполне способен на злодейство.

Так что же там случилось между 62-летней вдовой и 20-летним герцогом? По утверждению врагов Ричарда Глостера, тот ворвался со своим эскортом в монастырь, где скрывалась или просто жила леди Элизабет, объявил, что она и ее имущество переданы ему под опеку,

потребовал у нее ключи от сундуков с документами и велел собираться. Вместе с людьми Глостера старушка проследовала в дом Томаса Вогана, где тогда в Лондоне расположился Ричард. Предполагается, что графиня была под стражей. Оттуда ее вроде бы должны были отправить в Миддлхем. И вот леди Элизабет вызвала к Вогану одного из своих арендаторов, Генри Робсона, и якобы сказала, что она страшно сожалеет, но вынуждена передать свое имущество Глостеру, потому что дорога на север и сами условия севера ее непременно убьют. Кстати сказать, ее кузен, Джон Говард, находился в тот момент у Вогана, хотя кто его знает, какие у них с леди Элизабет были отношения. Можно только предположить, что соглашение между леди Оксфорд и герцогом Глостером было составлено им. А соглашение говорит о том, что графиня передает герцогу свое имущество, оценивающееся в 600 фунтов, в обмен на 500 марок ежегодного содержания, уплату ее долгов в сумме 240 фунтов и продвижение карьеры ее остальных, кроме тринадцатого графа, детей. После того, как договор был составлен, графиня снова удалилась в монастырь, где и умерла в 1474 году в возрасте 64 лет.

Здесь не место рассуждать о том, был ли Ричард Глостер в принципе повинен в злодействе, собираясь отправить матушку государственного преступника в свою семейную резиденцию Миддлхем, но можно усомниться в образе беззащитной старушки, ознакомившись с тем, кому она сдала в аренду свои земли. В числе арендаторов – два королевских советника, Томас Монтгомери и Уильям Грей (родич короля, кстати), юрист высшего полета Томас Тауншед, Уильям Пастон (советник графини), Джон Арбластер (тоже советник графини) и два «клиента» Грея. Поскольку в этой книге героинями являются женщинами, то можно и следует восхищаться тем, с какой дальновидностью и изворотливостью, гордостью и упорством средневековые леди сражались за подобающее им место в аристократической иерархии даже в самых неблагоприятных условиях.

Но, разумеется, не все великие и могущественные леди были пассивно защищающейся стороной. Например, после совершенно неожиданной и необъяснимой смерти герцога Норфолка, Джона де Мовбрея, его супруга развернула широкомасштабную операцию по утверждению за собой всех владений, которые этот энергичный лорд захватывал порой без всяких церемоний и уважения к прошлым заслугам даже собственных служащих. И, разумеется, милорд не успел оставить внятного завещания. На день смерти мужа в 1476 году герцогиня была беременна на последнем сроке, но ей было жизненно необходимо утвердиться в своих правах. Леди Элизабет пообещали, что пока она не сможет представить перед королем свое дело в

наилучшем для себя свете, дело о переходе владений герцога заслушиваться не будет. Разумеется, какая-то часть семейных владений управлялась герцогом и герцогиней совместно, и было необходимо доказать, что герцогиня финансово участвовала в их управлении. И нужно было доказать королю, что она достаточно компетентна управлять и теми владениями Норфолков, которые входили в герцогство от имени короны. Надо сказать, что миледи преуспела. Преуспела до такой степени, что в свое время племянник кардинала Уолси указывал в своем списке заслуг «опыт службы в различных должностях при дворе герцогини». Но успех стоил ей дорого. Во-первых, ее долгожданный сын родился мертвым. Во-вторых, ей пришлось согласиться на брак своей единственной дочери со вторым сыном короля. Ведь Анна де Мовбрей стала наследницей колоссального состояния, и король Эдвард IV не был бы собой, если бы упустил такой шанс. Что ж, свадьба детей состоялась в 1478 году, а через три года умерла и Анна. Но сам титул герцога Норфолка перешел в королевскую семью, хотя этот легальный грабеж имел далеко идущие последствия. Джон Говард, который был должен принять титул по праву наследия, в недалеком будущем решительно встанет в ряды противников укрепления власти Вудвиллов после смерти короля Эдварда.

В случае с Алис Чосер, герцогини Саффолк, ее репутация еще при жизни супруга заставляла окружающих трепетать, и смерть Уильяма де ла Поля ничего не изменила. Алис в обстановке Войн Роз чувствовала себя как рыба в воде и никогда не стеснялась прибегнуть к силе оружия. Ее не смогли удалить из ближнего круга короля, ее просто боялись. «Как львица, она разгоняла шакалов и всегда получала свою добычу», – писал о ней Колин Ричмонд. Еще бы, ведь война и администрирование были частью ее жизни всегда. Когда Алис Чосер, дочери спикера палаты общин, было десять, ее выдали за сэра Джона Фелипа, который через год погиб при осаде Арфлера. Став богатой вдовой с титулом, Алис спокойно выросла и выучилась, и в семнадцать лет покорила графа Салсбери, Томаса Монтегю, богатого и знаменитого военного. С ним она и жила во Франции большую часть времени этого замужества. Говорят, Филипп «Добрый» Бургундский совершенно потерял голову, увидев ее, что совсем не понравилось сэру Томасу и даже сделало его непримиримым врагом герцога. В свою очередь, и граф Салсбери был смертельно ранен каменным ядром под Орлеаном, и снова Алис осталась вдовой. Очевидно, уже в свои 24 года она была дамой разумной и деловой, потому что граф сделал распорядительницей своего завещания именно ее. После смерти графа Салсбери командующим английских войск во Франции стал Уильям де ла Поль, граф Саффолк, – и

через два года он стал мужем Алис.

Карьера Саффолка при дворе Генриха VI была блестящей. Сэр Уильям был самым могущественным придворным своего времени – и самым ненавидимым. Леди Алис, тем временем, делала свою придворную карьеру, и в 1432 году она стала леди ордена Подвязки – редкая честь по тем временам, когда этот орден еще не жаловали налево и направо. В 1440-х и 1450-х годах молодая еще женщина правила во владениях супругов железной рукой. Есть мнение, что именно она решала женить своего сына на наследнице королевской крови, Маргарет Бьюфорт, чтобы сделать его наследником бездетного на тот момент короля. Во всяком случае, повстанцы Джека Кэда в это определенно верили, требуя, чтобы имя леди Алис было включено в список государственных преступников. Когда парламент в 1450 году требовал удаления некоторых личностей от двора короля, имя леди Алис шло сразу вторым после имени герцога Сомерсета. В марте 1451 года палата лордов даже слушала дело по обвинению вдовствующей герцогини в государственной измене, но осудить энергичную даму не удалось. Не удалось даже объявить ее покойного супруга изменником, что могло бы помешать ей и ее сыну владеть наследством Саффолка. На тот момент кризис разрешился благодаря королеве, которая, наконец, родила сына. Король также аннулировал детский брак Маргарет Бьюфорт, отдав опекунство над ней своему сводному брату. Все на время успокоились.

Воображаемый портрет Уильяма дела Поля, графа Саффолка.
Художник Томас Тиндейл, 1888 год

Второй виток начался с того, что леди Алис захватила у Пастонов четыре имения, по поводу чего другая энергичная леди той же эпохи, Маргарет Пастой, настоятельно рекомендовала сыну ничего не предпринимать – ссориться с вдовствующей герцогиней было просто бесполезно, она была умнее, проворнее, сильнее. К тому же, по мнению леди Алис, на ее стороне было моральное право: герцог продал в свое время свое родовое поместье Коттон Пастонам, чтобы выплатить французам выкуп – а ведь в плен он попал, воюя за короля и Англию! Разумеется, Пастоны писали, что народ не любит ни герцогиню, ни ее сына, но леди Алис любовь окружающих и не интересовала. Ее муж в последнем письме заклинал своего сына бояться Бога, короля и матери, и миледи доказала, что ее супруг знал, что говорил. Но, надо сказать, вдовствующая герцогиня вовсе не была только воительницей и стяжательницей. Деньги и книги шли от нее в Оксфорд, у себя во владениях она устроила и содержала приют для неимущих, поддерживала поэтов. В ее библиотеке были книги на латыни, на французском, на английском, и среди них, разумеется, была книга Кристины Пизанской.

Вдовствующая герцогиня легко перешла на сторону Йорков, когда удача отвернулась от Ланкастеров, и даже была стражем своей бывшей королевы, Маргарет Анжуйской, и стражем герцога Экзетера. Что интересно, имевший тенденцию укреплять материальное положение своих родственников по браку через имущество вдов король не посмел посягнуть на владения вдовой герцогини. Разумеется, она могла принять обет безбрачия для того, чтобы ее не донимали на брачном рынке, но об этом нет данных, которые должны бы были существовать в отношении владелицы земель в двадцати двух областях королевства. Скорее всего, король Эдвард просто побоялся, что на правах родственницы леди Алис загнала бы под каблук и его собственный двор. Эта женщина даже стала коннетаблем замка Валлинфорд и была в этой должности до самой смерти.

И как же миледи добилась такой суверенности? Не успев узнать о смерти мужа, она вихрем пронеслась по их владениям, назначая повсюду своих управляющих, и не было даже речи, чтобы она не стала опекуном своему сыну. Некоторые спорные поместья, на которые имелись и другие претенденты, она просто укрепила гарнизонами и объявила, что ее денег на содержание этих гарнизонов хватит. Леди Алис энергично курсировала между своими владениями и столицей, и не было такой мелочи, в которую она поленилась бы вникнуть. Когда один из соседей пожаловался, что управляющий миледи взял большие камни из его стены, чтобы провести ремонт в поместье миледи, герцогиня на раз-два доказала, что эти самые

камни были куплены еще папенькой миледи для ремонта церкви, и надо еще разобраться, как они попали в ограду соседа. А прожила эта леди 71 год, и ее своеобразная, даже жутковатая гробница выглядит шедевром среди ставших модными в то время надгробий «транзи».

О последнем проекте вдовствующей леди

Транзи – это французское название, англичане называли такие гробницы просто кедаврами, то есть трупами, не к ночи будь помянуто. Во Франции гробницы-кедавры появились уже в конце четырнадцатого века, но в Англии вошли в моду только в середине пятнадцатого. Англичане предпочитали двойную гробницу: на верхней плите лежит изображение, максимально напоминающее оригинал и в полном парадном облачении, с графскими и герцогскими коронами и орденскими знаками. А под этим изображением помещалось упрятанное за ажурные решетки изображение или скелета, или иссохшего трупа. Причем сдержанные англичане предпочитали все-таки иссохшие трупы, даже скелеты-кедавры в Англии наперечет (Ричард и Сесилия Говарды и Ральф Хамстерли), а вот французы... Там и покрытые жабами и червями тела, и полуразложившееся нечто.

Особенно популярными гробницы-кедавры в Англии, по-видимому, не стали – насколько можно судить по тому, что осталось со времен Средневековья после разгона монастырей и разрушения церквей, которые проводил один Кромвель, и гражданской войны с последующим разрушением, проводившимися с подачи второго Кромвеля. А остались с тех времен 49 гробниц-кедавров, девять из которых являются гробницами людей духовного звания, пять принадлежат семьям, двенадцать – супружеским парам, одиннадцать – женщинам и десять – мужчинам.

Напрашивается, конечно, вопрос – зачем? Если оставить в стороне теоретическую базу насчет бренности всего земного и «помни о смерти», останется знакомая причина: желание выделиться, запомниться, привлечь внимание. Ну как не вздрогнуть, прочтя в завещании Изабель Деспенсер «мой образ должен быть сделан полностью обнаженным»... В самом деле, что может быть скучнее семейной гробницы, где жена, в худшем случае, является всего лишь одной из фигур в хороводе ранее почивших супруг своего мужа? А что делать, когда у обоих партнеров по браку имелись в анамнезе пара-тройка умерших жен/мужей? При доле невезения могло получиться нечто вроде гробницы Генри Виллоуби, обрамленного своими четырьмя женами. И какая же привыкшая к самостоятельности вдовая аристократка себе такого пожелает?

К сожалению, гробница Изабель Деспенсер не сохранилась, хотя наверняка была построена по ее завещанию. Но зато Алис Чосер повезло

еще раз: ее гробница дожила до наших дней в идеальном состоянии. В принципе, ее второй и третий мужья предполагали, что она будет захоронена рядом, хотя второй осторожно добавил «если она захочет». Леди Алис, конечно, не захотела делить гробницу со своей предшественницей, об этом никогда и разговора не было. Почему она не пожелала быть захороненной рядом со своим третьим мужем, можно только строить догадки. У пары были прекрасные отношения, но леди Алис захотелось быть похороненной на свой лад и с сильным акцентом в сторону предков по отцовской линии, в Ивелме. Шестнадцать щитов в руках фигур «плакальщиков» напоминают о родственных связях Чосеров, включая и связи с королевской семьей, ведь Джон Гонт, сын короля, и Джеффри Чосер, поэт, были женаты на сестрах. Говорят, что Эдвард IV тоже некоторое время носился с идеей построить для себя что-нибудь эдакое, но потом махнул рукой – в Англии кедавровых гробниц коронованных особ нет.

Вообще, надгробия, могильные плиты, часовни и гробницы дают прекрасное представление не только о моде эпохи или внешности захороненного. В них намного больше, просто нужно уметь это «считывать». Например, историк Памела Кинг заметила тенденцию, что очень часто в гробницах семейных пар место пережившего супруга оставалось вакантным. Табличка с днем рождения была, но дата смерти оставалась непроставленной. Мужчины предпочитали захоронение со своей последней супругой, а женщины – поближе к захоронениям отцов. Специалист по искусству заметит, что переход от одного стиля к другому в похоронных трендах предполагает некий период безликости и стерильности.

Эпидемия чумы, которая в Англии 1350-х годов унесла, по худшим предположениям, до 70 % населения, легко прослеживается по тому, что до чумы на «похоронном рынке» королевства господствовали каменщики, создававшие поразительные по красоте ансамбли, а после эпидемии захоронения стали создаваться без вдохновения, просто следуя модным на данный период тенденциям. Камень сменился на алебастр, исчезли чудесные каменные кружева и изысканные драпировки. Художников, так сказать, сменили мастера, и понадобилось целых пятьдесят лет, пока в 1400-х не начали развиваться новые приемы и идеи. Французская мода, без сомнения, влияла на английские похоронные тренды, но англичанам присуща в надгробных изображениях большая строгость.

Похоронные монументы и изображения не всегда были такими, какими мы их видим сейчас. Первоначально там были и цвет, и позолота,

но такое великолепие плохо сочеталось с пуританскими представлениями о смерти, и ансамбли были обработаны до унылого, неживого вида. Например, изображения де ла Полей просто побелили. Изображение короля Джона позолотили в 1873 году, уничтожив этим изначальную окраску. Средневековье не было тусклым, и похоронные монументы не были тусклыми тоже. Они выполнялись в цвете – красном, синем, зеленом, охре, золоте. Просто даже те изображения, которые не пострадали от «реставраций», пострадали от времени и климата.

Глава шестая. Отнюдь не праздная жизнь

О любви небесной и земной

Практически до самого тринадцатого века монастыри в Англии не разделялись четко на мужские и женские. Они были смешанными. Вернее, жили монахи и монахини, чаще всего, в разных помещениях, но работали вместе и над общими делами. Известна теснейшая дружба между монахиней Кристиной Маркейт и аббатом крупного монастыря Сент-Олбанс Джеффри де Камом, жившими в 1100-х годах.

История Кристины невероятно драматична. Дочь богатых англосаксов, она была просватана метящими высоко родителями за норманна. Ничего исключительного, такие браки заключались тогда повсюду и весьма поощрялись правительственной политикой. В данном случае, к величайшему сожалению всех вовлеченных сторон, невеста категорически отказалась от лестного союза. Не то, чтобы жених был ей как-то особенно противен, нет. Косвенные доказательства говорят за то, что этот норманн оказался человеком более чем приличным. Просто Кристина вообще не намеревалась выходить замуж. Она была твердо настроена остаться девственницей и принять монашество.

По тем временам стать чьей-то женой в Англии было крайне просто. Достаточно было обменяться в присутствии свидетелей (или даже без них) изъявлениями намерений и подкрепить их телесной близостью. Такой брак считался действительным и признавался таковым церковными авторитетами. Поскольку брак Кристины был решен приватно, она оказалась перед лицом закона замужней женщиной. Формально от нее ожидалось, конечно, какое-то изъявление согласия, но семья девушки была твердо намерена не обращать внимания на «девичьи глупости», поэтому слушать ее отказы просто никто не стал. Тем не менее, с точки зрения того же закона брак был проблематичен. По какой-то причине свежеиспеченный муж самоустранился от проблемы, заключающейся в том, что Кристина наотрез отказалась делить с ним постель. То есть их союз оказался незавершенным, по причине чего мог быть аннулирован решением епископального суда. Вполне возможно, что сам муж просто искал через брак связей с коренным дворянством страны, не испытывая личного интереса к оказавшейся такой упрямницей девушке. Или просто понятия не имел о том, что его «жена» вовсе не хочет быть женой.

Во всяком случае, он не принял участия в том прессинге, который обрушила на Кристину ее собственная семья. Девушку избивали, таскали

по дому за косы, пытались влить ей в горло вино и даже срывали с нее перед мужем одежды, предлагая тому просто изнасиловать супругу. Честь Кристины спасло, очевидно, чувство собственного достоинства этого мужчины, который, скорее всего, и нашел выход из патовой ситуации. В один прекрасный день Кристина просто исчезла. Как выяснилось гораздо позже, почти через четыре года (именно столько времени занял процесс аннулирования брака), ее спрятал некий Роджер, дьякон из аббатства Сент-Олбанс, что было бы практически невозможно, если бы муж Кристины не был бы «соучастником».

Можно почти не сомневаться, что Кристина Маркейт и Джефффри де Кам были знакомы еще до того, как она стала монахиней, что дьякон аббатства действовал с ведома аббата, и очень вероятно, что само решение Кристины стать монахиней объяснялось тем, что она хотела быть рядом с человеком, которого любила. Впрочем, все это – романтические домыслы, конечно, хотя и косвенно подтверждающиеся словами самой Кристины, которые будут приведены ниже. На самом деле известно лишь то, что персонально для Кристины в Маркейте было основано небольшое аббатство, которое финансировалось из аббатства в Сент-Олбанс. Кстати, Джефффри де Кам открыл при своем аббатстве первый в Англии лепрозорий, так что человеком он был вполне достойным.

Для нас необычным может показаться то, что по моральным установкам тех далеких времен монахам вовсе не возбранялось искать в сестрах по вере источники вдохновения и божественной любви. Да и сами сестры зачастую жили в городах просто полурелигиозными сообществами. Любить вполне дозволялось, грешить с объектом любви – нет. И вовсе не потому, что церковь тех лет относилась к сексу брезгливо. Дело в Англии одиннадцатого-двенадцатого веков и даже позже обстояло в этом плане с точностью до наоборот. Просто монашество тогда рассматривалось служением, персональным решением обратить свою человеческую страсть в русло божественной любви. Было бы наивным утверждать, что все отношения всегда оставались безгрешными. При самом горячем стремлении управлять своими плотскими желаниями кому-то это удастся, а кому-то нет. Довольно много средневековых миниатюр гривуазного содержания изображают монаха и монахиню, и слишком много сохранилось о них средневековых анекдотов, чтобы списать все это просто на грязное воображение мирян.

В тринадцатом веке ситуация с женскими монастырями резко изменилась, и в этом оказался «виноват» не кто иной, как Франциск Ассизский. Около 1209 года св. Клара, тогда еще Чиара Оффредучио,

примкнула к его движению при обстоятельствах, которые очень напоминают историю Кристины Маркейт. Франциск сам постриг девушку в монахини. Причем если в Англии норманны с первых же дней ввели железную бюрократию, при помощи которой кривду можно было исправить на правду, то в Италии того же периода дело с порядком обстояло намного своеобразнее. Франциск устроил Клару, ее сестру и еще несколько женщин в Сен-Дамиано, за высокие стены, и там они остались навсегда – в безопасности, но совершенно изолированными от мира.

Очевидно, в Европе религиозные организации и их вожди к тринадцатому веку достаточно дозрели до мысли, что человеческая натура – штука сложно управляемая и что женщин безопаснее боготворить на расстоянии. И нельзя сказать, чтобы женщины протестовали против такого отделения женских монастырских организаций в самостоятельные единицы. До норманнов в Англии было всего около девяти женских монастырей. В последующие за битвой при Гастингсе пятьдесят лет были основаны еще семь. Но вот за один только двенадцатый век монастырей появилось, как грибов в сезон: клюнийские, цистерцианские, гильбертинские, августинские, госпитальерские, премонстрантские, фонтеврольдинские, аррузианские, бенедиктинские... Причем единственно английскими из них были гильбертинские, а единственными, поддерживающими связь с Орденом, были только только два клюнийских.

Остальные «монастыри» представляли собой самые невообразимые женские коммуны, организованные иногда экзальтированными барышнями, иногда – амбициозными девами, жаждущими управлять. Одним словом, кем угодно, кто хотел организовать «сестринство» и умел найти для него источник материальной поддержки и покровителей. Например, группа женщин в Халивелле называла себя то грегорианками, то августинками – в зависимости от вкусов покровителей и благодетелей.

О гильбертинском ордене и о том, как «забыли про овраги»

Для начала о том, кем был Гильберт Семпрингхемский. А был он высокородственным норманном, сыном лорда-помещика. Кем была его мать, официальная биография умалчивает, но историк Генриетта Лейзер упоминает, что мать Гильберта была англосаксонкой, причем не происходящей из благородного рода (Католическая Энциклопедия говорит «простонародного происхождения»). Конечно, это не закрывало сыну лорда карьеру рыцаря и воина в конце одиннадцатого века, но была еще одна причина. Мальчик имел какой-то физический недостаток. Неизвестно какой, но видимый, и вот это было препятствием для посвящения в рыцари. Отец отправил его учиться в Париж изучать теологию. Форевилл и Кейр в своей «The Book of St Gilbert» пишут, что в детстве сын лорда был обычным избалованным, ленивым и вредным мальчишкой, которого никак невозможно было заподозрить в «благородстве духа».

Святой Гильберт Семпрингхемский и 2 монахини

Католическая Энциклопедия упоминает, что Гильберт вернулся после

учебы в поместье, где отец пожаловал ему церкви в Сепрингхеме и Тирингтоне и доходы с них. Через короткий промежуток времени Гильберт также примкнул ко двору епископа Линкольнского в качестве клерка. Примечательно, что он к тому времени не принимал сана. После смерти епископа его преемник решил сделать Гильберту приятное и пожаловал его званием дьякона и священника, чему Гильберт подчинился против своей воли, но сана так и не принял. К тому времени все доходы от Тирлингтона уже шли в пользу бедных, и Гильберт жил при дворе епископа только на доходы от Сепрингхема. После смерти отца он унаследовал все состояние и отправился управлять поместьем, резко отказавшись от сана архидьякона при епископском дворе.

Имея квалификацию учителя, Гильберт начал преподавать в школе для бедных. К ГГЗГ году он отобрал среди своих учеников семь девочек и организовал для них в Сепрингхемской церкви отдельную пристройку, где они жили и продолжали учиться. Для них он назначил еще семь девочек в качестве прислуги, они должны были покупать своим хозяйкам все необходимое и передавать затем через небольшое оконце в двери. Как и следовало ожидать, очень скоро и служанки потребовали от Гильберта разрешения постричься и примкнуть к своим хозяйкам. Даже Католическая Энциклопедия пишет вполне откровенно, что для девочек, выходцев из среды беднейших крестьян, стать монахиней означало совершить головокружительный взлет по социальной лестнице: большая часть женского духовного сословия была представлена дамами куда как более высокородными. Лейзер вообще проводит параллели с устройством на работу: в Средневековье женщины очень тщательно взвешивали возможности, которое дает им либо замужество с тем или иным кандидатом, либо монастырская карьера.

Гильберт Сепрингхемский, похоже, не смирился с возложенным на него против воли саном до самой старости. Только почти перед смертью (а прожил он до 108 лет), он принял обет священника. Он даже не был особенно религиозен, как отмечает Энциклопедия (хотя и был канонизирован за свою работу). Его деятельность была деятельностью с чисто социальным контекстом. Потому что следующим его шагом было набрать в хозяйство мужчин, выходцев из настолько бедных слоев, что Гильберт давал на них деньги чуть ли не с самого их рождения, другие вообще были рабами, которых освободили в качестве жеста в сторону церкви и лорда, остальные – просто пригретыми бродягами.

К 1147 году Орден Гильбертинцев начал свое полноценное существование в Хаверхольме, Линкольншир. Вернее, гильбертинцами они

стали невольно. Гильберт пытался пристроить своих птенцов под руку Цистерцианского Ордена, но получил холодный отказ: цистерцианцы с недоверием относились к женщинам в монашеской рясе. Помимо очевидной причины, был еще одна: монахини рассматривались как финансовая нагрузка. Тогда Гильберт организовал свой орден, взял на себя обязанности его Мастера и добавил к уставу интересное правило: женские монашеские общины не обязаны быть финансово эффективными, мужские общины должны вести хозяйство общин женских и заботиться об обучении женщин.

Это были непростые времена. В 1165 году Гильберт был обвинен в том, что он якобы посылал деньги Томасу Бекету, который тогда находился в бегах. Гильберт, вообще-то, не посылал, но публично признаваться в этом ему вовсе не хотелось из-за политических маневров, поэтому нервотрепка продолжалась до тех пор, пока сам Генрих II не встал на его сторону. В результате перед Гильбертом извинились и подтвердили все привилегии его Ордена. К моменту смерти Гильберта в ордене гильбертинцев было около 1500 человек и 16 общин.

Пошло ли все как по маслу? Вовсе нет. В 1166 году одна из монахинь в гильбертинской общине Баттон, Йоркшир, оказалась беременной (по другим данным это была не монахиня, а девица, отданная в монастырь на воспитание и обучение). Любовником ее был монах той же общины. Развязка у этой истории настолько жуткая, что у человека современного может вызвать шок: другие монахини силой принудили грешницу кастрировать любовника. Надо сказать, это было стандартное наказание в Англии за изнасилование. У несчастной случился выкидыш, в связи с чем довольный разрешением скандала аббат общины записал, что «Бог проявил милость к несчастной, разрешив ее от позора». Примерно в это же время монахи-мужчины подали жалобу папе на то, как им тяжело живется, и одним из аргументов было присутствие женщин, наводящее на грешные мысли. Английским прелатам пришлось доказывать папе, что в действительности в гильбертинских монашеских общинах женщины и мужчины вовсе не живут бок о бок. Было приключение и у самого Гильберта, в которого влюбилась одна из монахинь. Решительный норманн выбрал довольно нестандартный способ ввести ее и других в разум: он вышел перед ними в абсолютно голом виде и с распятием в руках, напоминая, на любви к кому из них двоих они должны сосредоточить свои помыслы. Очевидно, телесно он вовсе не был Адонисом.

Все это зарисовки, показывающие, как сложно было существовать женским монашеским общинам в принципе. Но факт остается фактом: в

XII веке в Англии девы различных сословий, можно сказать, валом повалили в монастыри. Почему?

О стремлении к совершенству

Надо отметить, что первыми основателями женских монастырей после завоевания Англии норманнами были мужчины. Вернее, прелаты: Гундульф, епископ Рочестерский, архиепископ Ланфранк из Норманнской церкви и архиепископ Ансельм. И не только они. Так что само понятие женского монашества на английской земле сильно отражало взгляды на женщину в идеале, как это видели мужчины. А эти средневековые прелаты были, в первую очередь, именно мужчинами – воинами, политиками, учеными.

Гундульф основал женский монастырь на собственной земле в Вест Миллинге и сам им руководил вплоть до своей смерти. Надо сказать, что он смело проводил свои идеи культа Двух Марий (девы Марии и Марии Магдалены) и начал служить праздничные литургии в честь непорочного зачатия еще до того, как остальные отцы церкви сформировали насчет этого какое-то мнение. Особую заботу Гундульф проявлял о беременных женщинах, говоря, что в каждой из них есть отражение девы Марии. Это было вполне в духе XII столетия с его сосредоточенностью на милосердии Бога, а не его гневе. В текстах XII века женщины восхваляются за их истинную преданность христианским идеалам (тексты Гильберта Сепмрингхемского и Эйлреда Ривольского) и способность «достигать невыразимых высот» в этом деле.

Одним из проявлением таких невыразимых высот была способность некоторых женщин к видениям. Ярчайшей носительницей этого дара была та же Кристина Маркейт. Как известно, видения у Кристины начались, когда она была в бегах и скрывалась, ожидая, пока раскрутится бюрократическая машина, освободившая ее от брачного договора. Историк Кристофер Холдсворт утверждает, что видения – это как раз то, чего можно было ожидать от «повернутой на религии монахини, которой было недоступно отделение изучаемого от реального, что доступно для любого мужчины». Или, грубо говоря, Холдсворт считает Кристину сумасшедшей, заблудившейся в мире иллюзий. Могло ли это быть правдой? Конечно. Учитывая, что на нее свалилось дома – избиения, попытки опоить и одурманить, попытка подтолкнуть жениха к изнасилованию (и все это со стороны тех, кому молодая девушка должна была доверять, ее собственных родителей!). Потом побег, четыре года жизни в полнейшей изоляции в укрытии, в компании Псалтыря и жаб, которые периодически прыгали на

страницы книги и которых она до смерти боялась...Ее психика действительно могла не выдержать. С другой стороны, можно утверждать и обратное: что она черпала силы в том мире, куда так стремилась всей душой, и действительно видела то, что описывала в своих видениях.

Во всяком случае, мужчины, которые, по мнению Холдсворта, легко отделяли воображаемое от действительного, относились к ее видениям (и женским видениям вообще) с большим уважением и верой. Да что там, мы бы и не знали об этих видениях, если бы не хроники, которые писались мужчинами.

Возвращаясь к истории Кристины и Джеффри Олбенского. В описаниях его жизни упоминается, что к моменту их встречи он был измучен кошмарами, повторяющимися из ночи в ночь, и сомнениями в правильности своего пути. Он стал использовать встречи с Кристиной как лекарство от всего наносного, как возможность «увидеть в ее чистом сердце правду самого Бога». Скандал вокруг них все-таки имел место, как же иначе. Злые языки представляли Джеффри соблазнителем, а Кристину – падшей женщиной. Более того, их биографии упоминают, что Кристина действительно была до мозга костей влюблена в кого-то, чье имя там тактично не упоминается, влюблена так, что, по ее словам, ей казалось, «что одежды вспыхнут от внутреннего жара». Но биографии также подтверждают, что этот жар, эта сила, тянувшая их друг к другу, нашли свой выход только в их совместной деятельности, в слиянии душ, из которых та, которая была уязвимее, принадлежала мужчине. Любовниками в физическом смысле они не стали.

А любовь... Ведь от монахинь и не ожидали, что они отвергнут Любовь. От них ожидали, что они будут любить того, с кем они обручались, принимая монашество: Христа.

Именно эта связь стала и честью, и обузой для женщины в двенадцатом веке. Для людей того времени было вполне естественно расширить понимание нерушимого двустороннего союза между мужем и женой на Христа и его невест. Как выразилась Лейзер, «женщины стали ответственными за функционирование горячих линий связи между Богом и людьми». Женщины, которым их вечный жених отвечал видениями, ценились невероятно. Ту же Кристину пытался соблазнить властью не кто иной, как архиепископ Тристан Йоркский, уговаривая ее сменить Сент-Олбанс на жизнь под его знаменем во главе всех остальных монахинь страны. Разумеется, она отказалась, кто бы сомневался.

Разве удивительно, что именно в этот период возвышения роли женщины в духовной жизни монастырская жизнь приобрела для них

необыкновенную привлекательность? Хотя они знали, конечно, что озарение придет далеко не к каждой и что жизнь на высоком пьедестале сильно ограничена: высоко, но тесно, и все смотрят в поисках хоть какого-то пятнышка на белоснежных одеждах. Но каждая принявшая обет могла надеяться, что ее возлюбленный, ее избранник заметит ее и ответит видениями из совсем другой реальности.

А пока – пока женские монастыри средневековой Англии жили наполненной трудами и надеждами жизнью. О том, чем был обычный женский монастырь, рассказывают летописи Клементорпа, который был монастырем городским. Он был основан внутри городских стен, в миле от Йоркского кафедрального собора где-то в 1125–1133 годах. Через 30 лет в округе, кстати, было уже 16 монастырей. Клементорпский монастырь основал сам архиепископ Тристан, и был этот монастырь, по меркам своего времени, просто блестящим. Поскольку Кристина Маркейт этим блеском не прельстилась, монастырь не получил в приорессы знаменитость, но богатые дары прихожан и покровителей и желание значительных людей Йорка быть там похороненными говорят об уважении, которым монастырь пользовался.

Чем он был, по большей части? Своего рода приютом для вдов из бедной аристократии. Дети воспитывались монахинями, а сами дамы, чаще всего не принимая формального пострига, просто там жили. Учитывая бесконечные войны того периода, необходимость подобных приютов очевидна. Такие монастыри не дали великих провидиц, там не учили монахинь философии и теологии. Эти монастыри были частью системы, выступая как работодатели, заботясь о бедных и наставляя заблудших. Они были связаны семейными узами со своим округом, они выступали в роли цементирующей силы общества своего округа, выполняя также роль связующего звена между низшими и высшими классами общества.

Об отшельницах и затворницах

Женщина, желающая начать жизнь затворницы, в средневековой Англии проходила довольно сложный отборочный тур, если так можно выразиться. Для начала, ей было необходимо одобрение самого епископа, который долго с ней беседовал, проверяя ее решимость и выясняя причины этого решения.

Сама церемония затворения была очень торжественной. Женщина входила в церковь и ложилась на пол в восточной ее части. Двое священников читали литанию, пока будущую затворницу благословляли водой и благовониями. Ей давалось две свечи, одна – символ любви Бога, а вторая – любви кого-то из близких. Читался текст из Писания и пелся псалом, свечи ставились на алтарь, и начиналась праздничная месса. Потом затворницу провожали в ее келью, примыкающую к церкви, под пение псалмов из Книги Мертвых. Перед тем, как дверь за затворницей закрывалась, ее плечи посыпали пылью.

Для чего средневековому обществу нужны были отшельники, которые пользовались огромным уважением и о которых очень заботились? Историк Энн Воррен пишет, что смыслом явления был «долгосрочный союз многих с религиозным чувством одного, и этот один должен был верить, что делает невиданную и бесценную услугу многим». Как пишется в «Правилах для Отшельников»: «Ночной ворон под крышей символизирует отшельников, живущих под крышей церкви, потому что они знают, что они должны быть столь святы в своей жизни, что вся Святая церковь, что все христиане могут положиться на них, что они поддерживают их святостью своей жизни и благодатью своих молитв. По этой причине отшельник или отшельница (anchor/ anchoress) так зовутся, что они для церкви, как якорь (anchor) для корабля, который удерживает его на плаву в шторм и бурю».

И это не риторика. Об отшельницах заботилась не только церковь, но и короли, епископы, аристократы – вносили пожертвования, чтобы обеспечить этим себе и своим благодать от их молитв. Известно, что король Генрих III в 1245 г. подарил отшельнице Элис два дуба на новый дом. В том же году он полностью взял на довольствие 27 отшельниц из Лондона и окрестностей с тем, чтобы они молились о душе его отца. Он также сделал им подношения топливом и белой мукой. Первый граф Ланкастер, Генри, не только обеспечил для выбранной им отшельницы по две мессы в день, но и выстроил на свои деньги для нее место уединения. Позже, в XV веке, к

отшельнице Маргарет Вайт частенько заходила леди Маргарет Бьюфорт, женщина, посадившая на трон Англии новую династию, «на вино и яблоки», и оборудовала для отшельницы келью гобеленами, снабдила льняным бельем. Иронично, что именно внук этой леди разогнал монастыри подчистую.

Отшельницы жили в затворе подолгу, от 20 до 50 лет. Но они не жили в полном одиночестве, как можно предположить. Помимо того, что отшельницы общались все-таки с избранными из мира за стенами их келий, они иногда жили своего рода коммуной и имели служанок, которым потом передавали зачастую свои «должности». Ведь английские отшельницы и затворницы, в отличие от их коллег-мужчин, были мирянками за очень редким исключением. Некоторые из них жили при монастырях, но монахинями не были. Тем не менее, все они, став затворницами, получали равно высокий социальный статус вне зависимости от того, какое место на социальной лестнице они занимали до этого.

Материалов того времени, написанных самими отшельницами, практически нет. То есть какие-то есть, но являются ли они подлинными? Немного о некоторых отшельницах все же известно. Например, некая Ив, монахиня из англосаксонского монастыря в Вилтоне, уехала оттуда во Францию, чтобы стать отшельницей, потому что на родине это оказалось по какой-то причине невозможным. Она росла в этом монастыре с семи лет, и поместили ее туда родители всего за год до нашествия норманнов. Записи об Ив оставил капеллан Вилтонской церкви, Госселин. Похоже, что они с девушкой были очень дружны, потому что переписывались всю жизнь. Первые письма Госселина полны горечи от «предательства» Ив по отношению к нему и Вилтону, хотя к горечи явно примешано уважение. Он упрекает ее, что она оставила свои милые сердцу вещи, многочисленных друзей, добрую аббатису, мудрых учителей и другие приятные вещи, сменив все это на крошечную каморку с единственным оконцем в двери, через которое она и общалась с миром. Затем переписка долго касалась книг, которые читала Ив в затворничестве, пока не разразился гром: Ив нашла себе «задушевного друга», священника Харви, с которым они прожили в затворе вместе несколько лет. На упреки из Вилтона в том, что она дает пищу для сплетен, Ив отвечает: «Я думаю, что проблемы не у меня, а у того, кто слушает подобные речи. Брат мой, откинь все сомнения... Наша любовь – не любовь мира, но к Христу».

Леди Маргарет Бьюфортс витража в церкви св. Ботолфа

Письма цистерцианского аббата Эйлреда к своей сестре, ставшей отшельницей, почти пугают своей свирепой страстностью: «Пусть для алтаря твоего будет достаточно распятия со Спасителем нашим на нем, что будет постоянно напоминать тебе о его страданиях, которые ты должна прочувствовать. Его руки протянуты, чтобы заключить тебя в объятия, его

обнаженная грудь напоит тебя молоком милосердия». Дальше – больше: «Его кровь превратится в вино, чтобы возрадовать тебя, вода – в молоко, чтобы напитать тебя. Раны на его теле, как убежище для тебя, в них ты можешь укрыться, как голубка, когда ты будешь целовать их одну за другой. Твои губы с его кровью на них будут как алый шелк, и слова, исходящие из них, сладки». Эротическое напряжение? Несомненно. Похоже, что в одиннадцатом – двенадцатом веках отношение к Богу у тех, кто посвящал ему свою жизнь, было очень личным.

О средневековом фанфике по жизни Христа

Одной из самых любопытных книг, когда-либо составленных английскими средневековыми отшельницами, смело можно считать *Ancrene Riwe* (или *Ancrene Wisse*). Мало того, что этот свод правил жизни для отшельниц написан на разговорном английском того времени (начало тринадцатого века), он еще и предлагает весьма оригинальную трактовку божественной любви.

Эту рукопись написали три отшельницы, Катарина, Джулиана и Маргарет, сестры из хорошей семьи. Поражает, с какой гибкостью и практичностью они подходят к вопросам слабости человеческой плоти и божественной любви. Немудрено, что еще при их жизни рукопись стала, можно сказать, бестселлером.

Например, когда дев начинали одолевать неподобающие мысли, они не впадали в религиозный экстаз и не вспоминали о св. Агнес и ее страданиях (как советовал Эйлред своей сестре), а живо и в подробностях представляли себе что-то противное, типа нищего попрошайки, или, на крайний случай, стихийное бедствие типа пожара или потопы. Сестры также называют кошку единственным животным, которое подобает отшельницам.

А вот их подход к любви. В рукописи Христос представляется в виде храброго рыцаря, который прибывает на помощь одинокой гордой леди, окруженной врагами. Чтобы победить врагов леди и завоевать ее любовь, Христос принимает участие в рыцарском турнире. На турнир он является безоружным, с одним только щитом в руке: «он сразился в турнире, и, как подобает храброму рыцарю, проходил он при помощи этого щита сквозь ряды врагов. Щит скрывал его голову Бога, и был он в форме его мертвого тела». Как и следует, «после смерти храброго рыцаря, его щит был повешен высоко на стене в церкви в его память. И был он распятием, чтобы напоминать нам о смерти Иисуса Христа в рыцарстве его».

И дальше: «При помощи этих двух кусков дерева («with these two pieces of wood») ты должна поддерживать огонь любви в своем сердце. Подумай, как радостно отдать свою любовь этому королю славы, который протягивает к тебе руки и наклоняет голову, словно прося о поцелуе. Отдай ему свою любовь, ты выиграла его («you have won him»). Прикоснись к нему с той любовью, которую ты иногда чувствуешь к мужчине. Он твой и выполнит все твои желания».

О жизни за воротами женского монастыря

Одной из женских обителей, относящихся к аббатству в Сент-Олбанс, был монастырь бенедиктинского уклада, приорат святой Марии в Сопвелле. Основан он был в те же времена, в которые развивалась драматическая история аббата Джеффри де Кама и провидицы-монахини Кристины Маркейт. Именно Джеффри его и основал для двух «святых женщин», которым для их призвания вполне хватило жилища, сплетенного из древесных ветвей. Вскоре, тем не менее, тому же дьякону Роджеру, который организовывал тайное убежище для Кристины, пришлось эту хижину перестраивать под нужды гораздо большего числа обитательниц.

Епископ Линкольнский, Александр, одобрил количество монахинь общим числом в тринадцать, а аббат Джеффри де Кам добавил два интересных условия. Во-первых, в этот монастырь принимали только невинных девушек. Во-вторых, на ночь двери монастыря запечатывались личной печатью аббата, дабы грязные языки не чернили репутации монахинь. В первом условии ничего удивительного не было. Все знали, что именно молоденькие девушки из значительных семей были самой бесправной женской группой Средневековья. Кому как не церкви было организовать убежище для тех, кто не хотел для себя традиционной роли жены. Второе условие, похоже, имеет отношение к ситуации, в которой оказался сам Джеффри, которого обвиняли в греховной связи с Кристиной. Хочется съязвить, что для грешных деяний белый день подходит не хуже темной ночи, но согласитесь – процесс запечатывания девиц на ночь за закрытые двери печатью аббата был ритуалом величественным.

Первыми известными благодетелями монастыря св. Марии в Сопвелле были норманны д'Абиньи, сэр Генри и его супруга Сесилия, а после смерти сэра Генри – его сын Роберт. Они подарили монастырю около ста акров земли (стандартный надел для одной семьи), и еще сто акров принесла монастырю сестра Роберта д'Абиньи, Амиция, которая примкнула к монастырской общине. Норманны вообще были чрезвычайно щедры к женским монастырям. После дара от д'Абиньи наделы посыпались и от других семейств, и монастырь стал богатеть.

К 1330 году монастырь оброс имуществом, связями, приобрел определенный статус, и... стал тяготиться зависимостью от аббата Сент-Олбанс. «Революция» в монастыре выглядела, с точки зрения дня сегодняшнего, до смешного кроткой. Речь шла просто-напросто о том,

чтобы самим выбрать себе приорессу на смену умершей. Сестры остановились на кандидатуре Алис де Хейкени, считая, что именно она сможет наиболее эффективно отстаивать интересы монастыря перед аббатством. Аббат, разумеется, имел в женском сообществе свои уши и, разведав о планах сестер по вере, послал в монастырь своего приора. Причем – оцените! – не просто сказать «цыц!», а придать этому приказу видимость изъявления свободной воли.

Приор Николас де Фламстид для начала напомнил монахиням, что у аббата Сент-Олбанс есть полное право просто назначить приорессу волевым решением. Но поскольку аббат считается с их мнением, то сестры могут смело высказать, отдадут они свои голоса за Алис де Хейкени или за другую сестру, Алис де Пиксден. Шестнадцать монахинь высказались за первую Алис, и только три за вторую, но де Фламстид назначил приорессой именно Алис де Пиксден, потому что она была «энергичнее в вере», то есть не имела никакого желания тратить время на дразги с аббатом. И, разумеется, именно кандидатуру Алис де Пиксден изначально имел в виду аббат, посылая приора поиграть в демократию.

Казалось бы, мелочи. Но аналогичное перетягивание каната привело в свое время к отлучению от церкви короля Джона (Иоанна Безземельного, как его почему-то именуют, хотя безземельным он никогда не был). И абсолютно аналогичная ситуация поставила последнюю точку в добрых отношениях кардинала Уолси и короля Генриха VIII.

Тем не менее, сестры, по-видимому, волевым решением аббата и приора не утешались, потому что через восемь лет аббат Сент-Олбанс решил закрутить гайки еще крепче. Сестер обязали петь мессу Сент-Олбанс раз в неделю. Наказанная запретом говорить, монахиня не освобождалась от своей обязанности участвовать во всех службах. Капеллан аббатства, который обычно помогал монахиням в службах, отныне должен был находиться во время пребывания в монастыре под постоянным наблюдением. Все сестры должны были подниматься утром по звонку колокольчика суб-приорессы, а до того момента покидать помещение общежития строго запрещалось.

После звонка все были обязаны идти на мессу. После мессы сестрам предписывалось сидеть на виду друг у друга во внутреннем двореке, занимаясь работой и молитвами до следующей службы, обязательной для всех, кроме больных. После чего снова шли молитвы и работа. Кстати, во время таких совместных посиделок разговаривать разрешалось только суб-приорессе и сестре, которую обвиняют в каком-либо нарушении. За нарушение полагалось наказание: день на хлебе и воде, а тех, кто смел

возмутиться и не раскаяться в истинном или воображаемом прегрешении, ждало более серьезное наказание.

Если сестры ссорились, наказывали всех участниц – без рассуждений о том, кто прав, а кто виноват. Три дня на воде и хлебе удивительно хорошо охлаждают эмоции. Двери во внутренний двор и в сад открывались в определенные часы. С мирянами монахиням разрешалось общаться, только закрыв от нескромных взоров шею и лицо. Гости в монастырь допускались только с разрешения приорессы, а уж если монахиня хотела угостить кого-то во внутренних помещениях, то для этого требовалось разрешение аббата.

Поскольку часть работников в аббатстве были жителями близлежащих городов и деревень, правила монастыря ограничивали общение сестер с персоналом. Работники, разумеется, должны были иметь репутацию людей уважаемых, но и репутация не позволяла им общаться с монахинями без свидетелей. Больные монахини также постоянно находились под наблюдением – в больничной палате. Приорессе предписывалось запрещать присутствие гостей в монастыре в ночные часы, и никто не мог остаться провести ночь даже в общей для всех сестер спальне.

Как хотите, но устав больше напоминает тюремные правила, чем изначальные идеи Джеффри де Кама о чистом сердце дев, желающих служить Богу. Конечно, определенные ограничения подразумевались уже самим бенедиктинским уставом, предписывающим молчать чем больше, тем лучше, и беспрекословно подчиняться старшим по иерархии. Но большая часть ограничений была, несомненно, просто способом держать набирающий статус женский монастырь под рукой аббатства Сент-Олбанс.

Но и этого показалось мало аббату Томасу де ла Мару в 1350-х годах, который вообще запретил лицам мужского пола входить в монастырь без его личного разрешения. В строго ограниченные часы, разумеется. Исключение не было сделано даже для Мастера монастыря. И он должен был входить в монастырь и выходить из него в указанные часы, а в монастыре всегда быть в компании других персон. Нужно, конечно, помнить, что в стране только что отбушевала эпидемия чумы, что аббатству были невероятно нужны деньги и что для привлечения богатых покровителей и покровительниц аббатство должно было быть чем-то знаменитым. Например, дисциплиной. Да и подходил этот стиль управления аббату, которого современники упрекали в тирании и который ухитрился рассориться на почве денег и привилегий со всем окружным дворянством и многими высокопоставленными персонами типа самого Джона Гонта.

Насколько оправданной была паранойя аббатов относительно лиц мужского рода на территории монастыря и репутации тех, кто в монастырь допускался? Ответ легко найдется в 1428 году, когда некий разбойник Вильям Вэйв, именующий себя «капитаном», вломился со своей бандой ночью в монастырь. Искал он там некую леди, Элеанор Халл, даму, служившую при дворе мачехи короля Генри V. Можно предположить, что по чьему-то заказу. Леди бандит не нашел, и в результате начался просто грабеж. Бандитов изгнали поднятые по тревоге жители близлежащей деревни.

Иногда проблемы подстерегали аббатов и в самом монастыре. Например, в марте 1481 года аббат Сент-Олбанс послал в монастырь архидьякона Джона Ротбери и субприора Томаса Рампарра сместить с должности приорессы «старую и недееспособную» Джоан Чапел. Ее место заняла Элизабет Вебб, которая оказалась такой способной, что через пару лет аббат сместил и ее. Не на ту попал! Элизабет Вебб подала на аббата в суд, выиграла дело и была восстановлена в должности. Что ж, там, где бесполезен авторитет, действует грубая сила. Ротбери послал в монастырь двух дюжих монахов, которые выбили дверь приорессы, избili ее и бросили в тюрьму. Каким-то образом непотопляемая Вебб ухитрилась пожаловаться в Кентерберри на обращение даже из узилища – и снова выиграла.

Где-то то ли в начале, то ли в конце царствования Эдварда IV приорессой монастыря была дама Джулиана Бернере, которую какие-то житейские бури загнали за монастырские стены. Дело в том, что дама Джулиана была достаточно странной птицей в этом мире зависимости, постов, месс и молитв. Превыше всего прочего приоресса обожала спорт, по поводу чего и написала целый третиз, известный как «The Boke of St. Albans». Именно она составила правильную терминологию охоты, которой потом щеголяли знатные охотники многие столетия, давая понять окружающим, что принадлежат к кругу редких и избранных.

Дама Джулиана создала целую иерархию и для добычи, и для охотников. Похоже, у нее был математический склад ума, потому что главную часть книги составляют именно иерархические построения. Например, птиц она выстроила так. С орлом должен был охотиться император. Кречет был птицей для королевской охоты, графы могли охотиться с сапсанами, с соколом-балобаном – рыцари, с ястребом-тетеревятником – йомены. С ястребом-голубятником охотились леди, с ястребом-перепелятником – священники, а пустельга была птицей, с которой охотились слуги.

Что касается аргументации, то она напоминает знаменитое «потому что». Беспородные собаки стоят внизу собачьей иерархии, потому что «запятнаны некрасивой формой и незрелым поведением». Во главе этой иерархии дама Джулиана ставит предков нынешних мастиффов, и не зря. Мастиффы были выведены как боевые собаки и жили в те времена именно как боевые собаки. А во времена дамы Джулианы хорошая и мощная, правильно обученная собака могла спасти жизнь, в чем убедился сэр Пирс Ли в 1415 году. Его мастифф, участвовавший в битве при Азенкуре, много часов отгонял мародеров, всегда следовавших за войсками, от тела раненого хозяина. В результате оба вернулись домой. А ведь мародеры были не менее опасны, чем враги, и не знали пощады к беспомощным.

Для дамы Джулианы разделка дичи тоже была вопросом статуса: лучшее мясо брал, естественно, аристократ, стоящий на иерархической ступени выше всех, принимающих участие в охоте. Причем, по протоколу, это мясо прямоком отправлялось на кухню и вечером появлялось в виде жаркого перед всеми гостями. Печень и почки отдавались загонщикам, внутренности – собакам. Такое вот безотходное потребление.

Поскольку рыбалка тоже считалась подходящим спортом для благородных персон, дама Джулиана рассортировала по рангам удочки, крючки и наживки, не говоря уже о том, что расписала, какую рыбу нужно ловить в каком месяце и на какой крючок. И да, рыба тоже получила свою иерархию. Благородной рыбой она почему-то назвала леща.

Не обошла дама Джулиана и геральдику. В конце концов, род де Бернерсов жил в Англии со времен Вильгельма Завоевателя и был в родстве с первыми аристократами королевства. В правление Эдварда IV титул лорда Бернерса носил не кто иной, как Джон Бурше – через брак с единственной наследницей титула. Но некоторые историки склонны считать, что дама Джулиана Бернере была дочерью советника короля Ричарда II, Джеймса Бернерса, который был казнен в 1388 году как один из «негодяев-советников» короля.

Некоторое смятение в умах историков явно производит титул «дама», который якобы был эквивалентом обращению «сэр» к рыцарю. То есть, «дама» = «жена рыцаря»? Вовсе не обязательно. Даже если оставить в стороне факт, что в переписке семейства Пастонов высокородные дамы именуются сплошь как «ту lady», миледи такая-то, а не дама, варианты есть. Во-первых, женщина сама могла быть членом какого-то из перечислявшихся выше женских рыцарских орденов. Во всяком случае, ее стиль описания охоты и рыбалки, геральдики и оружия явно говорит о том, что темы приорессе знакомы не в теории. Во-вторых, титул «дама»

использовался некоторыми бенедиктинскими приорессами как аналог титула «дом» (или иногда «дан»), применявшийся бенедиктинскими приорами. Так или иначе, генеалогии рода Бернерсов не упоминают Джулиану вообще. Какая-то тайна там действительно спрятана, но вот какая...

О прекрасных дамах за работой

При всем своеобразии судеб женщин в английском Средневековье одну группу занятости искать среди них бесполезно: женщин-ученых. Отнюдь не по скудости образования, а, скорее, в силу самого состояния академического образования островного королевства. Из четырнадцати дошедших до нас имен средневековых женщин-ученых, одиннадцать принадлежат итальянкам – спасибо университетам Салерно и Болоньи.

С некоторой натяжкой в разряд писателей-теологов и философов можно включить даму Джулиану из Норича. С натяжкой, потому что о ней неизвестно ничего, неизвестно даже ее настоящее имя. Просто эта дама стала отшельницей при церкви, посвященной св. Джулиану (то ли Госпитальеру, то ли ле-Ману) в Нориче. Поскольку дама свободно писала, и писала превосходным языком в поэтическом стиле, можно заключить, что она была образована лучше многих прочих, большинство из которых умели читать на нескольких языках, но вот писать не умели. Поскольку ее затворничество началось как раз во время эпидемии чумы, есть предположение, что дама была достаточно умна, чтобы закрыть себя в своеобразный карантин.

Что хорошо известно, так это факт, что данная дама Джулиана, будучи в тридцатилетнем возрасте, в мае 1371 года оправилась от болезни, которая считалась смертельной, и что во время выздоровления у нее было множество видений, общим количеством в шестнадцать. Их Джулиана из Норича записала в книгу, известную как *Revelations of Divine Love*, «Откровения Божественной Любви». Эта книга именуется «малый текст», потому что позже дама написала еще одну книгу, «большой текст». Поскольку торопиться даме Джулиане было некуда, один только малый текст состоит из 25 глав и включает 11 000 слов. А уж текст большой, теологические объяснения видениям, содержит 86 глав и состоит из 63 500 слов.

«Он любит нас и радуется нам, и также желает он, чтобы мы любили его и радовались ему, и твердо доверяли ему. И все будет хорошо».

«Наша душа отдыхает в Боге в истинном покое, наша душа распрямляется в Боге в истинной силе, и глубоко укоренилась она в Боге для любви без границ».

«Он – облачение наше. В свою любовь он заворачивает нас и окутывает нас. Он обнимает нас своей любовью и никогда не оставит нас».

«Он не говорит «не будь взбудораженным, не будь уставшим, не будь несчастным». Он говорит «не будь побежденным». Бог хочет, чтобы мы помнили эти слова, и всегда были сильны в вере, и в горе, и в радости».

«Молитва несет душу к Богу, соединяет ее в одно с его волей через глубокую внутреннюю работу Святого Духа. Поэтому говорит он: молись в душе своей, даже если молитва не приносит тебе радости. Потому что хорошее происходит, даже если ты не чувствуешь ничего, не видишь ничего, и да, даже если думаешь, что не умеешь молиться. Ибо даже если ты выжат и опустошен, болен и слаб, твоя молитва радует меня, даже если ее недостаточно, чтобы порадовать тебя. Потому что любая молитва верующего драгоценна для меня. Бог принимает добрые намерения своих слуг, что бы они ни чувствовали».

Нельзя не признать, что дама Джулиана из Норича писала в своем укрытии правильные слова, удивительно актуально звучащие и в наше время. Может быть, она все-таки стала отшельницей именно для того, чтобы записать их для нас, а вовсе не из-за эгоистических соображений собственной безопасности.

Что касается работы женщин-аристократок, то работали они разнообразно и много. Даже в идеале будуар леди-аристократки был в замке чем-то вроде капитанского мостика, с которого хозяйка управляла делами, поддерживала формальные и дружеские отношения с внешним миром, работала над созданием имиджа своего и своей семьи и выполняла то, что ожидалось от женщины-аристократки: оказывала покровительство. Сеть многочисленных отношений с высшими, низшими и равными, да, собственно, и честь семейства, были полностью в руках хозяек замков, ведь мужчинам было некогда. Мужчины действовали на основании той информации, которую получали от своих жен, иногда даже против собственной воли, подчиняясь неумолимым требованиям той социальной роли, которую они играли.

Леди Адела, графиня Блуасская, дочь Вильгельма Завоевателя и жена графа Стефана де Блуа, была именно такой женщиной. Как писал о ней Ив Шартрский, «... это то, в чем дочь превосходит своего отца: она любит стихи и она знает, что такое страсть к книгам. Она также знает, как награждать поэтов: ни один из них не уходит с пустыми руками от ее высочества...»

Понятно без лишних слов, что такие восхваления епископа с репутацией и характером Ива Шартрского были не менее твердой валютой, чем то золото, которое муж Аделы привез, так неожиданно вернувшись из Крестового похода в 1098 году. Даже более. Потому что епископ рисовал в

умах слушателей и читателей абсолютно идеальный образ Аделы: она сидит в своем будуаре, читая его поэмы. Со стен свисают гобелены, изображающие победу ее отца в битве при Гастингсе. Кровать Аделы украшена резными символами философии и семи искусств. Знаки зодиака и планеты изображены на потолке. Целый мир, в форме мраморного глобуса, стоит у ее ног. Сама Адела, эфемерная, как молодая луна, превозносилась как источник его, поэта, вдохновения: «Я говорю, несомненно, о великих делах, но я знаю, как говорить о великих делах с тех пор, как я получил материал от моей Графини. Ты сама предложила мне мою поэму, ты сама вложила стило в мои руки, и ты дашь мне вдохновение, ты вложишь слова в мой задыхающийся рот».

Их частная переписка (сохранилось очень много писем, отправленных графиней и ею полученных), тем не менее, открывает читателю, что помимо вдохновения епископ получал из рук покровительницы более осязаемые блага: «Не забудь про бахрому», – деловито напоминает он.

И вся эта тонкая работа чуть не пошла прахом, когда ее муж явился в Блуа, бросив армию крестоносцев, осаждающую Антиохию. Хотя крестоносцы с чувством совершающейся справедливости грабили неверных, где могли, Крестовый поход официально имел несколько другую цель. Его нельзя было оставить в тот момент, который казался подходящим определенному участнику. Давший клятву должен был держать ее до конца. Адела практически заставила мужа вернуться к стенам Антиохии, где он и сгинул в 1101 году. Это несколько исправило нанесенный репутации семьи ущерб, но не до конца. Репутация Стефана Блуасского осталась подмоченной на века, его даже обвиняли, спустя долгое время, в попытке предательства интересов Святого Дела. По сути, его полностью реабилитировали не так уж давно, изучив массу бумаг официальных и частных писем, которые на протяжении веков хранились в архивах знатных семей.

Что касается Аделы, то «эфемерная» графиня железной рукой отстранила своего старшего сына, Вильгельма, с которым поссорилась, от его права на отцовский титул в пользу младшего, Теобальда. И от имени Теобальда правила себе графством Блуа так, как считала нужным, не трудясь подыскать сыну жену, которая могла бы оспаривать ее влияние и власть над сыном. Бедолага женился только после смерти мамочки, а прожила Адела до 70 лет.

В средневековых романах, таких, как *Conte de Floire et Blancheflor* («Флуар и Бланшефлор» и *The Romance of Horn* («Роман о Горне»), дамские будуары описываются очень подробно. Здесь и полы, усыпанные

источающими аромат цветами, и полог кровати из бесценных материалов, украшенный искусной вышивкой, и потолки, украшенные лепниной. И среди всего этого великолепия – хозяйка будуара, играющая с подругами, визитерами и придворными в шахматы, и слух их услаждается звуками арфы, и пьют они тонкие вина со специями и без.

Что ж, даже если такие праздничные моменты в жизни средневековой аристократки действительно выпадали, все это было политикой. Тонкой, женской политикой, дополняющей и отчасти направляющей политику отцов, братьев, мужей. А будни были куда как грубее.

Например, в 1448 году леди Маргарет Пастой была вынуждена оборонять новое приобретение семьи, поместье Грешэм, против лорда Молейна с оружием в руках. Джон Пастой купил эти земли, но епископ, дипломат, юрист и королевский администратор Адам Молейн захотел их себе. Не утруждая себя тонкостями, он просто выждал, пока леди останется в поместье одна, и попытался его захватить. Порушил он много чего, поместье отстроили только к 1451 году, и знакомые предупредили Пастонов, что жалоба королю не поможет: лорд Молейн был слишком силен. Аналогичный случай произошел в поместье Пастонов Хеллсдон в 1460 году, с Джоном де ла Полем, который хотел, правда, не отнять, а просто пограбить.

И еще раз пришлось семье Пастонов пережить осаду в 1469 году в замке Кайстер Кастл. Здесь герцогу Норфолкскому повезло, и замок он у Пастонов отобрал, хотя через пару лет им этот замок вернули. Причем, и Пастоны, и Норфолк были на одной стороне, но уж больно сладкой добычей был роскошный замок Джона Фастольфа, оборудованный отхожими местами с проточной водой и купальнями в восточном стиле.

Так что леди Маргарет Пастон деловито заказывала у поставщиков и вельвет, и арбалеты в одном письме. Можно ли сказать, что она работала администратором и управляющим? Да, конечно. Но эти две должности были всего лишь маленькими составляющими одного большого образа, образа средневековой леди.

Библиография

- Abbott, John Stevens Cabot, *Henry IV, Makers of History*, 1850
- Archer, Rowena, *Women as Landholders and Administrators in the Later Middle Ages*, 1992
- Armitage, Ella Sophia, *The early Norman castles of the British Isles*, 1912
- Ashdown-Hill, John, *The Jewellery of Margaret of York and its Meaning*, 2007
- Ashdown-Hill, John, *Eleanor, the Secret Queen*, 2010
- Ashdown-Hill, John, *Richard III's Beloved Cousyn': John Howard and the House of York*, 2012
- Ashdown-Hill, John, *Royal Marriage Secrets*, 2013
- Bagley, J. J., *Life in Medieval England*, 1960
- Baldwin, David, *Elizabeth Woodville*, 2010
- Barnfield, Mary, *Different Impediments, Dispensations and Divorce*, 2007
- Benham, William, *Medieval London*, 1901
- Biller, P. P. A., *Marriage Patterns and Women's Life*, 1992
- Bracton, Henry de, *De legibus et consuetudinibus Anglice*, translation 1915
- Brundage, James A., *Prostitution in the Medieval Canon Law*, 1989
- Bullough Vern, *Handbook of Medieval Sexuality*, 2000
- Chance, Jane, *Woman as Hero in Old English Literature*, 2005
- Christie, Mabel Elizabeth, *Henry VI*, 1922
- Christine de Pizan, *The Treasure of the City of Ladies*, 1405
- Cleugh, James, *Love Locked Out: A Survey of Love, Licence and Restriction in the Middle Ages*, 1963
- Costain, Thomas B, *The Three Edwards*, 1994
- Crawford, Anne, *The Yorkists: The History of a Dynasty*, 2007
- Crossley, Frederick Herbert, *English church monuments A. D. 1150–1550; an introduction to the study of tombs & effigies of the Mediaeval period*, 1921
- Dockray, Keith, *Henry VI, Margaret of Anjou and the Wars of the Roses*, 2000
- Gairdner, James, *England*, 1879
- Gairdner, James, *The Paston letters 1422–1590 A. D.*, 1900
- Gies, Frances, *Marriage and the Family in Middle Ages*, 1989
- Gies, Frances, *Life in a Medieval Castle*, 1979
- Given-Wilson, Chris, *The royal bastards of medieval England*, 1984
- Goldberg, P.J.P., *Woman is a Worthy Wight: Women in English Society*,

1200–1500, 1992

Green, Monica H. *The Trotula: An English Translation of the Medieval Compendium of Women's Medicine*, 2002

Green, Monica H., *Women's Medical Practice and Health Care in Medieval Europe*, 1989

Gristwood, Sarah, *Blood Sisters: The Women Behind the Wars of the Roses*, 2013

Groag Bell, Susan, *Medieval Women Book Owners*, 1989

Everett Green, Mary Anne, *Lives of the Princesses of England*, 1855

Eyton, Robert William, *Court, household and itinerary of King Henry II*, 1878

Fenn, John, *Original Letters, Written During the Reigns of Henry VI, Edward IV, and Richard III*, 1787

Foreville, Raymonde, *The Book of St Gilbert*, 1987

Froissart, Jean, *The Chronicles of Froissart*, 1910 Harvard Classics translation

Hall, Hubert, *Court life under the Plantagenets*, 1890

Halsted, Caroline Amelia, Margaret Beaufort, *Life of Margaret Beaufort, Countess of Richmond and Derby*, 1839

Handerson, Henry E., *Gilbertus Anglicus, Medicine of the Thirteenth Century*, 2005

Hanham, Alison, *Home or Away? Some Problems with Daughters*, 2003

Harwood Britton, *Class and Gender in Early English Literature*, 1994

Hicks, Michael, *Richard III and His Rivals: Magnates and Their Motives in the Wars of the Roses*

Holdsworth, C. J., *The piper and the tune: Medieval patrons and monks*, 1991

Karras, Ruth Mazo, *The Regulation of Brothels in Later Medieval England*, 1989

Keen, Elizabeth, *Bartholomew the Englishman and the Properties of Things*, 2007

King, Pamela, *My Image to be Made All Naked": Cadaver Tombs and the Commemoration of Women in Fifteenth-Century England*, 2003

Kingsford, Charles Lethbridge, *Henry V: the typical medieval hero*, 1901

Lacroix, Paul, *Manners, Custom and Dress During the Middle Ages and During the Renaissance Period*, 2004

Leach A. E., *The Schools in Medieval England*, 1915

Leyser, Henrietta, *Medieval Women*, 2013

McFarlane, Kenneth Bruce, *The Wars of the Roses*, 1964

- Millett, Bella, *Ancrene Wisse/Guide for anchoresses: A Translation*, 2009
- Mudge, Leigh, *Vital Elements in Historical Education*, 1921
- Nelson, Thomas, *Old abbeys and castles in England*, 1858
- Ordericus Vitalis, *Historia Ecclesiastica, 1141–1142, modern translation*
1853
- Phillips, Seymour, *Edward II*, 2012
- Poole, Austin Lane, *Medieval England Vol II*, 1958
- Power, Eileen, *Medieval Women*, 1975
- Prestwich, Michael, *The Three Edwards: War and State in England 1272–1377*, 2003
- Rawcliffe, Carole, *The Inventory of a Fifteenth-Century Necromancer*, 2003
- Revels-Hawkins, Irene, *Building Christian Women Warriors and Tacticians*
- Richmond, Colin, *The Paston Family in the Fifteenth Century: Volume 2*, 1996
- Robert of Brunne’s “*Handlyng synne*”: A.D. 1303, with those parts of the Anglo-French treatise on which it was founded, William of Waddington’s “*Manuel des pechiez*” (1901)
- Ross, Charles, *Edward IV*, 1974
- Rowland, Beryl, *Medieval Women’s Guide to Health: The First English Gynecological Handbook*, 1981
- Ruelle, Pierre, *L’ornement des Dames (Ornatus Mulierum)*, Anglo-Norman text dates from the thirteenth century, modern translation, 1964
- Shahar, Shulamith, *Growing Old in the Middle Ages: ‘Winter Clothes Us in Shadow and Pain’*, 2004
- Shaw, Henry. *Dresses and Decorations of the Middle Ages*, in two volumes,
1843
- Tout, Thomas Frederick, *Edward the First*, 1913
- Vergil, Polydore, *English History*, 1537
- Warburton, William Parsons, *Edward III*, 1888
- Warren, W.L., *King John*, 1977
- Westphal-Wihl, Sarah, *The Ladies’ Tournament*
- Wright, Thomas, *Womankind in Western Europe*, 1869

Примечания

Перевод Петрушевского